

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

2023

Том 7 № 1

Dostoevsky Omsk State University

LAW ENFORCEMENT REVIEW

2023

Vol. 7 no. 1

ПРАВООПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 7, № 1 • 2023

Выходит четыре раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Главный редактор – А.Н. Костюков, заведующий кафедрой государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.В. Маслов, доцент кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, канд. юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.А. Пономарева, профессор кафедры Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.А. Азаров – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Н. Бабурин – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Ассоциации юридических вузов России, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

А.В. Габов – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, научный руководитель юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Москва, Россия)

Е.В. Гриценко – профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Л.В. Зайцева – заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, д-р юрид. наук, доц. (г. Тюмень, Россия)

И.А. Исав – заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

М.П. Клейменов – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Д. Князев – профессор кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета, судья Конституционного Суда Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

М.В. Сенцова (Карасева) – заведующая кафедрой финансового права Воронежского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы России (г. Воронеж, Россия)

В.Л. Слесарев – начальник отдела договорного права Исследовательского Центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Л.А. Терехова – заведующая кафедрой гражданского и арбитражного процесса Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Почетный работник высшей школы (г. Омск, Россия)

С.Ю. Чуча – главный научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права РАН, руководитель междисциплинарного Центра правовых исследований в сфере трудового права и права социального обеспечения, председатель Арбитражного суда г. Москвы в отставке, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва, Россия)

Е.Г. Шаблова – заведующая кафедрой правового регулирования экономической деятельности Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, д-р юрид. наук, проф., Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Екатеринбург, Россия)

Т.Ф. Яцук – заведующая кафедрой теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации (г. Омск, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С.А. Авакьян – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, лауреат премии имени А.Ф. Кони Российской академии наук (г. Москва, Россия)

К.В. Арановский – судья Конституционного Суда Российской Федерации, д-р юрид. наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

А.В. Бутаков – профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

В.В. Векленко – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ю.В. Голик – профессор кафедры юриспруденции Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, д-р юрид. наук, проф., академик Международной Славянской Академии, академик Сербской академии наук и образования (г. Елец, Россия)

В.Б. Исаков – ординарный профессор Департамента теории права и сравнительного правоведения Высшей школы экономики, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, академик МАН ИПТ (г. Москва, Россия)

А.Д. Керимов – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, главный редактор научного журнала «Российский журнал правовых исследований», д-р юрид. наук, проф. (г. Москва, Россия)

А.И. Коробеев – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Владивосток, Россия)

С.Э. Несмеянова – профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директор института дополнительного образования, д-р юрид. наук, проф. (г. Екатеринбург, Россия)

В.В. Сонин – научный сотрудник кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, канд. юрид. наук (г. Владивосток, Россия)

Е.С. Шугрина – профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., член Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления (г. Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Г.А. Василевич – Член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Стефания Карневале – ассоциированный профессор кафедры уголовного процесса Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Мария Карфикова – профессор кафедры финансового права и финансовой науки Карлова университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Прага, Чехия)

В.А. Малиновский – член Конституционного Совета Республики Казахстан, д-р юрид. наук, проф. (г. Астана, Казахстан)

Горазд Мешко – директор института уголовного правосудия и безопасности Университета Марибора, д-р юрид. наук, проф., Президент Европейского общества кримиологов (г. Марибор, Словения)

Махеш Налла – профессор Школы уголовного правосудия Мичиганского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Лансинг, США)

Срето Ного – профессор факультета права, государственного управления и безопасности Университета Джона Несбитта, доктор права, президент Сербской королевской академии наук и искусств, генеральный секретарь Международной ассоциации международного уголовного права (г. Белград, Сербия)

Славомир Преснарлович – судья Высшего административного суда, д-р юрид. наук, проф. (г. Варшава, Польша)

Элизабетта Сильвестри – профессор кафедры гражданского процессуального права Университета Павии, д-р юрид. наук, член Комитета Министерства юстиции Италии по реформе гражданского процесса (г. Павия, Италия)

Бронюс Судавичюс – профессор кафедры публичного права Вильнюсского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Вильнюс, Литва)

Лю Сяньзнь – заведующий Центром российского права Института права Чжанчжоуского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Чжанчжоу, Китай)

Серена Форлати – директор Центра европейских правовых исследований международной организованной преступности, профессор факультета права Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Лю Хунань – заведующий Исследовательским центром экологического права Института права Академии общественных наук КНР, д-р юрид. наук, проф. (г. Пекин, Китай)

Андреас Штайнинггер – профессор экономического права в Университете г. Висмара, д-р юрид. наук (г. Висмар, Германия)

Адрес редакции: 644065, Россия, Омская область, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзам, д. 100/1, каб. 311. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-73726 от 21 сентября 2018 года.

Журнал включен в перечень ВАК.

Объединенный подписной каталог «Пресса России». Индекс 41286. Свободная цена.

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте <http://enforcement.omsu.ru>.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Дата выхода: 20.03.2023. Ризографическая печать. Формат 60x84 1/8. Заказ 49. Тираж 25 экз.

Редактор Д.С. Нерозник. Технический редактор Е.В. Лозовая. Дизайн обложки З.Н. Образова.

Отпечатано в типографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Адрес издателя и типографии: 644077, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Мира, д. 55-А

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 7, no. 1 • 2023

Published four times a year

FOUNDER AND PUBLISHER

Dostoevsky Omsk State University

Chief editor – Alexander N. Kostyukov, Head, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Kirill V. Maslov, Associate Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Law (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Karina A. Ponomareva, Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Law (Omsk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Vladimir A. Azarov – Head, Department of Criminal Process and Criminalistics, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey N. Baburin – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, President, Association of Law Universities of Russia, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Sergey Yu. Chucha – Chief Researcher, Sector of Procedural Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, retired President of Moscow Arbitration Court, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Andrey V. Gabov – Corresponding member, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Academic Director, Law Institute of Belgorod State University, Doctor of Law, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elena V. Gritsenko – Professor, Department of Constitutional Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Igor A. Isaev – Head, Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Mikhail P. Kleymenov – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey D. Knyazev – Professor, Department of Administrative and Financial Law, St. Petersburg University, Judge, Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Marina V. Sentsova (Karaseva) – Head, Department of Finance Law, Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Worker of Higher School of Russia (Voronezh, Russia)

Elena G. Shablova – Head, Academic Department of Legal Regulation of Economic Activities, Ural Federal University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia)

Vladimir L. Slesarev – Head, Contract Law Department, Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lydia A. Terekhova – Head, Department of Civil and Arbitration Process, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher School (Omsk, Russia)

Tatyana F. Yashchuk – Head, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, member of Russian Higher Qualification Collegium of Judges, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Larisa V. Zaitseva – Head, Department of Civil Law Disciplines, University of Tyumen, Doctor of Law, Associate Professor (Tyumen, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Konstantin V. Aranovsky – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Suren A. Avakyan – Head, Department of Constitutional and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Russian Academy of Science Award (Koni Prize) winner (Moscow, Russia)

Alexander V. Butakov – Professor, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Yuriy V. Golik – Professor, Department of Jurisprudence, Bunin Yelets State University, Doctor of Law, academician of International Slavic Academy, academician of Serbian Academy of Science and Education (Elets, Russia)

Vladimir B. Isakov – Distinguished Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Higher School of Economics, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, academician of International Academy of Science, Information and Information Technologies (Moscow, Russia)

Alexander D. Kerimov – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, chief editor, scientific journal "Russian journal of legal studies", Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Alexander I. Korobeev – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Vladivostok, Russia)

Svetlana E. Nesmeyanova – Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Director of the Institute of Further Education, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Ekaterina S. Shugrina – Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, member of Presidential Council on Local Self-Government Development (Moscow, Russia)

Victor V. Sonin – Researcher, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, PhD in Law (Vladivostok, Russia)

Vasily V. Veklenko – Professor, Department of Criminal Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

INTERNATIONAL MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Stefania Carnevale – Associate Professor, Department of Criminal Procedure, University of Ferrara, PhD (Ferrara, Italy)

Serena Forlatti – Director, Centre for European Legal Studies on Macro-Crime, Department of Law, University of Ferrara, Professor, PhD (Ferrara, Italy)

Liu Hongyan – Head, Environmental Law Research Center, Institute of Law, Chinese Academy of Social Sciences, Doctor of Law, Professor (Beijing, China)

Marie Karfikova – Professor, Department of Financial Law and Financial Science, Charles University in Prague, Doctor of Law, Professor (Prague, Czech Republic)

Victor A. Malinowskiy – member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor (Astana, Kazakhstan)

Gorazd Mesko – Director, Institute of Criminal Justice and Security, University of Maribor, Doctor of Law, Professor, President of the European Society of Criminology (Maribor, Slovenia)

Mahesh Nalla – Professor, School of Criminal Justice, Michigan State University, PhD, Professor (Lansing, USA)

Sreto Nogo – Professor, Faculty of Law, Public Administration and Security, John Naisbitt University, PhD (Belgrade, Serbia)

Slawomir Presnarowicz – Judge, Supreme Administrative Court, Doctor of Law, Professor (Warsaw, Poland)

Liu Xiangwen – Head, Centre of Russian Law, Law School, Zhengzhou University, Doctor of Law, Professor (Zhengzhou, China)

Elisabetta Silvestri – Professor, Department of Civil Procedural Law, University of Pavia, PhD, Professor, member of Italian Ministry of Justice Committee for the reform of Italian civil procedure (Pavia, Italy)

Andreas Steininger – Professor of business law, University of Wismar, Doctor of Law (Wismar, Germany)

Bronius Sudavičius – Professor, Department of Public Law, Vilnius University, Doctor of Law (Vilnius, Lithuania)

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding member, National Academy of Sciences of Belarus, Head, Department of Constitutional Law, Belarusian State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

Address of editorial board: off. 311, 100/1, 50 let Profsoyuzov ul., Omsk, Omsk Oblast, 644065, Russia. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration number ПИ № ФС 77-73726 of September 21, 2018.

Included in HAC list.

United subscription catalog "The Russian Press". Index 41286. Free price.

Full text version of the Journal is available at its website <http://enforcement.omsu.ru>.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board's point of view.

Manuscripts are not returned to the authors.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

Copyright. All rights protected.

Date of publication: March 20, 2023. Risograph printing. Format 60×84 1/8. Order 49. Circulation of 25 copies.

Editor D.S. Neroznik. Technical editor E.V. Lozovaya. Design of cover Z.N. Obrazova.

Published by Dostoevsky Omsk State University.

Address of publisher and printing house: 55-A, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 7, № 1 • 2023

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Туманова А.С., Сафонов А.А.</i> «Золотой век русского старообрядчества и сектантства»: реформа правового статуса старообрядцев и сектантов 1905–1906 гг. сквозь призму правоприменения	5
<i>Гришанин Н.В., Минеич Я.В., Соколова Т.Д., Товстий В.В.</i> Современные реалии формирования корпоративной культуры в молодежной среде: взаимодействие права и идеологии.....	15

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

<i>Костюков А.Н., Черепанова Т.С.</i> Влияние цифровой трансформации на конституционно-правовые основы Российской Федерации	25
<i>Вылегжанин А.Н., Сотскова П.В.</i> Генетические ресурсы как объект международного права	33
<i>Шупицкая О.Н.</i> Презумпция невиновности как конституционный феномен	43
<i>Михеева Т.Н., Михеев Д.С.</i> Повышение гражданского участия в общественном контроле на муниципальном уровне	52
<i>Батарин А.А.</i> Налоговое законодательство государства и правила применения контрольно-кассовой техники: вопросы интеграции	62
<i>Жарова А.К.</i> Интернет-провайдеры как субъекты предупреждения сексуальной преступности в Интернете	72
<i>Андреев Н.Ю., Архипов В.В., Васильев А.А., Печатнова Ю.В.</i> Правовые аспекты способов монетизации прав в индустрии компьютерных игр	83
<i>Васильев И.А.</i> Цели спортивных санкций за поведение болельщиков: неоднозначность практики УЕФА в отношении футбольных клубов.....	93
<i>Скрипченко Н.Ю.</i> Ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов): современное состояние и перспективы совершенствования	103

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

<i>Трезубов Е.С., Звягина Н.С.</i> Проблемы достижения правовой эффективности при рассмотрении групповых исков	113
<i>Галковская Н.Г.</i> Проблемы исчисления сроков апелляционного обжалования решений, вынесенных в порядке упрощенного производства.....	124

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

<i>Скиба А.П., Родионов А.В., Воронин М.Ю.</i> О направлениях развития государственно-частного партнерства в пенитенциарной сфере	134
<i>Тепляшин П.В., Заборовская Ю.М., Малышева И.В.</i> Тенденция старения осужденных в местах лишения свободы: некоторые проблемы и пути их решения (отечественный и компаративистский аспекты)	145

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

<i>Тарусина Н.Н., Конева Е.В., Симонова С.В.</i> Правосубъектность ребенка: актуализация возможностей и их ограничения	155
--	-----

Правила для авторов	165
----------------------------------	------------

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 7, no. 1 • 2023

Published four times a year

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENTS

- Tumanova A.S., Safonov A.A.* "The Golden Age of the Russian Old Believers and Sectarianism": reform of the legal status of Old Believers and sectarians 1905–1906 through the prism of law enforcement 5
- Grishanin N.V., Minevich Ya.V., Sokolova T.D., Tovstiy V.V.* Modern realities of corporate culture formation in the youth environment: interaction of law and ideology 15

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

- Kostyukov A.N., Cherepanova T.S.* The impact of digital transformation on the constitutional and legal foundations of the Russian Federation 25
- Vylegzhanin A.N., Sotskova P.V.* Genetic resources as an object of international law 33
- Shupitskaya A.N.* The presumption of innocence as a constitutional phenomenon 43
- Mikheeva T.N., Mikheev D.S.* Increasing civil participation in public control at the municipal level 52
- Batarin A.A.* The tax legislation of the state and the rules for the use of cash registers: integration issues 62
- Zharova A.K.* Internet service providers as subjects of prevention of sexual crime on the Internet 72
- Andreev N.Yu., Arkhipov V.V., Vasiliev A.A., Pechatnova Yu.V.* Legal aspects of ways to monetize rights in the computer games industry 83
- Vasilyev I.A.* Aims of disciplinary sanctions for the spectators' behavior: controversial UEFA practice concerning football clubs 93
- Skripchenko N.Yu.* Liability for illegal execution of activities on provision of consumer credit (loans): current status and perspectives for improvement 103

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

- Trezubov E.S., Zvyagina N.S.* Problems of achieving legal efficiency in the consideration of class actions 113
- Galkovskaya N.G.* Problems of calculation of the terms of appeals of decisions made in the order of summary proceedings 124

THE LAW ENFORCEMENT BY BODIES OF CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

- Skiba A.P., Rodionov A.V., Voronin M.Yu.* Development of public-private partnership in the penal system 134
- Teplyashin P.V., Zaborovskaya Yu.M., Malysheva I.V.* Ageing of convicted prisoners: some problems and solutions (domestic and comparative aspects) 145

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

- Tarusina N.N., Koneva E.V., Simonova S.V.* Child's legal personality: actualization of opportunities and their limitations 155
- Author guidelines** 165

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 34

DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(1).5-14

«ЗОЛОТОЙ ВЕК РУССКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА И СЕКТАНТСТВА»: РЕФОРМА ПРАВОВОГО СТАТУСА СТАРООБРЯДЦЕВ И СЕКТАНТОВ 1905–1906 гг. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ*

А.С. Туманова, А.А. Сафонов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

20 апреля 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Ключевые слова

Государственно-
конфессиональные отношения,
история государства и права,
Россия начала XX в.,
старообрядцы, сектанты, секты,
С.П. Мельгунов

Анализируется правовое положение сектантов и старообрядцев различных согласий после выхода в свет указов 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин». Исследование базируется на материалах российской общественно-политической и старообрядческой печати, а также документах частного происхождения. Воссоздается правоприменительный контекст реализации конфессиональной реформы 1905–1906 гг. и ее воздействия на юридический быт старообрядческих согласий и сектантов, в частности представителей так называемых «изуверных» сект. В фокусе внимания – правительственные указы и циркуляры, отклики на них специалистов, материалы судебных процессов над старообрядцами и сектантами.

“THE GOLDEN AGE OF THE RUSSIAN OLD BELIEVERS AND SECTARIANISM”: REFORM OF THE LEGAL STATUS OF OLD BELIEVERS AND SECTARIANS 1905–1906 THROUGH THE PRISM OF LAW ENFORCEMENT**

Anastasia S. Tumanova, Alexander A. Safonov

HSE University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2022 April 20

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

Keywords

State-confessional relations,
history of the state and law,

The article contains an analysis of the legal situation of sectarians and Old Believers of various consents after the publication of decrees on April 17, 1905 "On strengthening the principles of religious tolerance" and on October 17, 1906 "On the procedure for the formation and action of Old Believer and sectarian communities." The study is based on the materials of the Russian socio-political and Old Believer press, documents of private origin (diary entries of public and state figures), etc.

The focus of the authors' attention is government decrees and circulars, as well as materials of lawsuits against Old Believers and sectarians. The authors recreate the law enforcement context of the implementation of the confessional reform of 1905–1906 and its impact on the legal life of representatives of Old Believer consents and sectarians, in particular, representatives of the so-called "Izuver" sects. Using the possibilities of formal-legal, comparative-legal and especially historical-biographical methods of historical-legal research, in-

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г. Отдельные положения и выводы исследования получены в ходе работы проектной группы факультета права НИУ ВШЭ «Современная история права: идеи и институты».

** The research was carried out within the framework of the Fundamental Research Program and the scientific project «Modern History of Law: Ideas and Institutions» in HSE University in 2023.

Russia of the beginning of the 20th century, Old Believers, sectarians, sects, S.P. Melgunov

volving the analysis of current legislation by contemporaries, the authors come to the conclusion that the practice of applying new legislation contained numerous problem places. There were bureaucratic methods of reform, and dubious in some cases expert opinions of missionaries at trials, and a lack of understanding of the differences between Old Believers and sectarians, and other factors that make up the so-called "executor effect," which hindered the implementation of religious reform. The main drawback of law enforcement practice was seen by religious scholars in maintaining the principle of administrative guardianship of religious societies, which reflected the inconsistency of state policy in this matter.

1. Постановка проблемы и историографический анализ

Начало XX столетия прошло в России под знаком масштабной реформы государственно-конфессиональных отношений. Издававшиеся в ту пору правовые акты касались представителей старообрядческих согласий и сектантов – наиболее дискриминируемых в правовом отношении конфессиональных групп Российской империи.

Указ 17 апреля 1905 г. провозгласил свободу вероисповеданий, допустив переход из православия в другие конфессии. Он уравнивал в правах старообрядцев и сектантов, приблизил их по правовому статусу к инославным, исключая последователей «изуверных» сект¹. Манифест 17 октября 1905 г. даровал свободу совести. За ним последовал Указ 17 октября 1906 г., уравнивший старообрядцев и вышедших из лона Русской православной церкви (далее – РПЦ) сектантов в правах с инославными, предоставил им право открыто исповедовать свою религию и объединяться в религиозные общества. Он впервые признал юридические права старообрядческих и сектантских общин [1, с. 35–38]. Старообрядческие общины и духовенство получили правовую базу для осуществления духовной, социальной, образовательной и иных видов деятельности [2, с. 330–624]. Старообрядческая Церковь была легализована и получила все права инославных конфессий, за исключением права публичной пропаганды своей веры [3, с. 289].

После 1905 г. произошли определенные юридические послабления в положении представителей так называемых «изуверных» сект. Указом 25 июня 1905 г. ссыльным по религиозным мотивам скопцам было дозволено по отбытии десяти лет ссылки на поселении в Сибири вернуться в Европейскую часть России [4, с. 75, 161]. Затерянные в сибирской тайге скопцы встретили новость об указе 1905 г. с благодарностью, признав его знаменем Божиим [4, с. 163].

Сходный настрой был и у старообрядцев. Старообрядец-проповедник Ф.Е. Мельников признал 1905–1917 гг. «золотым веком старообрядчества», полагая, что в межреволюционные годы возникли условия для нормальной общественно-религиозной жизни староверов [5, с. 407, 521–556]. К 1914 г., кроме ранее существовавших и восстановленных, было построено более двухсот храмов Белокриницкой иерархии – наиболее крупного старообрядческого согласия, возникли два новых монастыря и были зарегистрированы 1 300 общин. С учетом всех согласий было основано свыше тысячи храмов [6, с. 208–209; 7, с. 144]. Активизировалась издательская деятельность. Только в Москве функционировало более 20 старообрядческих приходов, периодически проводились всероссийские съезды белокриницких старообрядцев, беглопоповцев и поморцев.

Сюжетом статьи станет не само вероисповедное законодательство 1905–1906 гг., породившее коренные изменения в юридическом быте старообрядцев и сектантов, а проблема его применения. Будет проанализирована реакция на вероисповедные законы религиоведов С.П. Мельгунова и А.С. Пругавина, правоведа С.А. Котляревского.

Актуальность темы, связанной с изучением правоприменительной политики Российского государства в отношении старообрядцев и сектантов, объясняется тем, что эти религиозные общины имели длительную историю, восходящую к расколу РПЦ в XVII в. и ко временам правления Екатерины II, когда в центральных губерниях России были обнаружены отдельные мистические секты. Правовая история старообрядчества важна и поучительна для нас еще и потому, что до настоящего времени эта конфессия остается одной из крупнейших в России. В начале прошлого века в Российской империи насчитывалось порядка 2 млн старообрядцев, они составляли порядка 2 % населения империи. Современное

¹ Об укреплении начал веротерпимости: [Именной Высочайший указ, данный Сенату, 1905, 17 апр.] // Полное собрание законов Российской империи: собр. 3-е. Т. XXV:

1905. Отд-ние 1: От № 25605–27172 и Дополнения. СПб., 1908. С. 257–258. [Док.] 26125.

российское общество в очередной раз переживает период переоценки роли религии, что также актуализирует задачу реконструкции правовой политики имперского государства на примере взаимоотношений со старообрядчеством и сектантством. Подобная реконструкция позволяет выяснить причины незавершенности переустройства государственно-церковных отношений на принципах свободы совести в позднимперский период.

В последние два десятилетия внимание исследователей было сосредоточено на политической и социальной истории старообрядчества и сектантства. Укажем на монографические исследования о старообрядцах М.А. Шахова и О.П. Ершовой [8; 9], определившие вектор развития старообрядческого общества во второй половине XIX – начале XX в. Политические настроения, наблюдавшиеся в сообществе ревнителей древнего благочестия в начале XX в., стали темой исследований В.В. Керова [10; 11] и П. Уолдрона [12], показавших, что по политическим взглядам наиболее крупные направления в старообрядчестве были близки к правым и, отчасти, центристам [13, с. 88; 14; 15, с. 17].

Предметом внимания исследователей является также духовная и материальная культура староверов, аккумулированная в работах о старообрядческой книжности и мировоззрении [16; 17].

В монографиях А.А. Сафонова и С.Л. Фирсова, диссертационном исследовании А.А. Дорской, а также в статье П.Н. Зырянова рассматривается законодательство начала XX в., кардинально менявшее правовой статус старообрядцев и сектантов [3, с. 279; 18, с. 153–159; 19; 20]. Обстоятельный раздел о политике государства в отношении старообрядчества в XVIII – начале XXI в. присутствует в исследовании И.И. Верняева [2, с. 330–624].

Существенную часть литературы о церкви поздней Российской империи составляют издания, посвященные сектантству. Укажем на монографии А. Эткинда о хлыстах и Л. Энгельштейн о скопцах, написанные в близком методологическом ключе, с акцентом на быт, мировоззрение и идентичность сектантов [4; 21].

Подводя итог обзору исследований, заметим, что внимание специалистов не было сосредоточено на правовой истории этих религиозных групп. Темой специального рассмотрения не стала ситуация с правоприменением в ходе реализации конфессиональ-

ной реформы начала XX в., коснувшейся старообрядческих согласий и крупных сект. Авторы стремятся к ликвидации данной лакуны. Они опираются на широкий круг источников, прежде всего на материалы общественно-политической печати, а также старообрядческую печать. Являясь информативным источником о настроениях в старообрядческих и сектантских кругах, а также в правительственных сферах по поводу предпринимаемых шагов в вероисповедном вопросе, печать отражала вектор развития отношений государства и религиозных групп.

2. Новая рамка юридического быта старообрядцев и сектантов

В ходе подготовки указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости члены Комитета министров высказались за вариативный подход к старообрядцам и сектантам. Старообрядцы были выделены в самостоятельную группу в составе раскола. Они именовались последователями толков и согласий, которые приемлют основные догматы РПЦ, но не признают ее обрядов и отправляют богослужение по старопечатным книгам. За старообрядцами закреплялось право совершать общественные моления, строить храмы и молитвенные дома на тех же основаниях, что и инославные христиане. Льготы предоставлялись лидерам их общин, которых стали именовать «наставниками» и «настоятелями». Они освобождались от воинской повинности и именовались духовными лицами. Однако использовать по отношению к ним наименование «священнослужители», характерное для православной иерархии, разрешено не было. Подобные меры воспринимались как легализация Православной Старообрядческой церкви. Старообрядцы и сектанты уравнивались в правах с инославными при совершении смешанных браков с православными. Предписывалось распечатать старообрядческие церкви и молитвенные дома².

Старообрядцы восприняли указ о веротерпимости восторженно. В старообрядческих храмах были отслужены благодарственные молебствия царю. Старообрядческая депутация поднесла Николаю II благодарственный адрес за подписью 76,5 тыс. лиц в знак дарования старообрядцам религиозной свободы³.

После 17 апреля 1905 г. свободу вероисповедания получила многомиллионная армия старообрядцев всех толков, ранее подвергавшаяся гонениям. По данным МВД, к 1 января 1909 г. в старообрядчество из православия в Российской империи перешли

² О веротерпимости: закон 17 апреля 1905 г. М., 1905. С. 39, 57–59.

³ «Свобода» веры // Церковь. 1911. № 6. С. 133.

4 240 чел.⁴ По уточненным в 1912 г. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД данным, к 1909 г. к старообрядцам перешло в 2,5 раза больше человек, а именно 10 837. Погодная динамика переходов в старообрядчество позволяет говорить об устойчивой тенденции переходов в старове-рие: в 1905 г. число переходов составило 2 709, в 1906 г. – 2 072, в 1907 г. – 1 976, в 1908 г. – 4 180, в 1909 г. – 2 571, в 1910 г. – 5 638, в 1911 г. – 4 723. За 1905–1911 г. от православия в старообрядчество от-пало 23 869 чел.⁵

За актами 1905–1906 гг. последовали циркуляры с разъяснениями приобретенных старообрядцами религиозных прав. В циркуляре МВД томскому губер-натору объяснялось, что старообрядцы могут совер-шать публично крестные ходы и иные религиозные процессии с участием духовенства в церковном обла-чении без особого полицейского разрешения. Мос-ковскому градоначальнику было разъяснено мини-стром внутренних дел, что старообрядцы имеют право свободной проповеди в пределах старообряд-ческих храмов и молитвенных домов. В циркулярах, адресованных губернаторам, указывалось, что старо-обрядческие священнослужители могут подписывать метрические книги своим званием [22, с. 183–184].

Позитивному отношению власти к старообряд-честву было несколько объяснений. Ей импониро-вали монархические симпатии старообрядцев, их консерватизм и дисциплинированность. Так, предсе-датель Комитета министров С.Ю. Витте отзывался о старообрядцах как о «наиболее преданной русским началам и православию... части русского народа» [23, с. 123]. Старообрядцев рассматривали как «значи-тельный ресурс стабилизации и электоральной под-держки» [2, с. 564], а император ежегодно христосо-вался с ними на пасхальной седмице [24, с. 10].

Вместе с тем реализация вероисповедных ука-зов сталкивалась с существенными сложностями. Они анализируются в работах С.П. Мельгунова – вли-ятельного московского публициста, представителя леволиберального крыла общественного движения. Мельгунов – специалист по старообрядчеству и ре-лигиозным движениям XVII–XIX вв. Свою позицию по поводу правового положения старообрядцев и сек-тантов Мельгунов формулировал, в первую очередь,

во влиятельной московской общественно-политиче-ской газете «Русские ведомости», ставившей задачу отстаивать терпимость по отношению к вероиспове-даниям [25, с. 137].

Проблема правоприменения вероисповедного законодательства проходит «красной нитью» через работы Мельгунова. Она производна от проблемы бытования закона в обществе, выражающегося в его понимании и толковании подданными и представи-телями власти, связанных с состоянием обществен-ного правосознания и технологий управления. Эта проблема составляет ключевой аспект теории и практики правоприменения [26].

Характеризуя состояние российского указного права, Мельгунов упоминал о вышедшем 19 фев-раля 1905 г. циркуляре министра внутренних дел, предписывавшем губернскому начальству «не до-пускать... применения к делам религиозного свой-ства положений о государственной охране и о поли-цейском надзоре». Возбужденные и уже находящи-еся в производстве дела рекомендовалось прекра-тить, а также принять меры к устранению админи-стративных стеснений в области религии и к осво-бождению лиц, подвергшихся ограничениям. Оpub-ликование подобных циркуляров, рассуждал Мель-гунов, имело целью «успокоить общественное мне-ние и убедить общество, что правительством пред-приняты... надлежащие меры для устранения много-численных... административных злоупотреблений». В то же время циркуляр 1905 г. не помешал, по дан-ным Мельгунова, полиции Одессы привлечь к уго-ловной ответственности 39 крестьян, молившихся по баптистскому обряду, и не препятствовал приговору рассматривавшего дело земского начальника оштрафовать за принадлежность к секте штундистов в размере 30 руб. с последующей заменой штрафа тюремным заключением на двухнедельный срок⁶.

Указывал Мельгунов и на то, что вероисповед-ные реформы проводились в жизнь бюрократиче-скими средствами. В стране, в которой была провоз-глашена веротерпимость, на полях Маньчжурии ра-неные и умирающие старообрядцы были лишены возможности перед смертью услышать напутствен-ное слово от своих духовников. Это несовпадение деклараций и реальности побудило эксперта на-

⁴ Законопроекты по вопросам вероисповедания, внесен-ные Министерством внутренних дел на рассмотрение Го-сударственной Думы III созыва. СПб., 1912. С. 67.

⁵ Статистические сведения о старообрядцах (к 1 января 1912 г.) // Российский государственный исторический ар-хив). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 597. Л. 390.

⁶ Мельгунов С.П. Официальная веротерпимость // Русские ведомости. 1905. 16 апр. № 103.

звать российскую веротерпимость «официальной», не менявшей существенно содержание правовой жизни⁷. В январе 1913 г. публицист заметил, что «трагизм русской жизни» заключается «не только в том, что она полна правонарушениями, но и в том, что само право находится в балансирующем состоянии неопределенности, что особенно сказывается на вероисповедных законах»⁸. Необходимо, прибавлял он, чтобы возведенные в акты 1905–1906 гг. принципы были проведены с надлежащей полнотой в законодательстве и не были ограничены либо искажены администрацией. Более обстоятельное изучение Мельгуновым положения старообрядцев убедило его в том, что власти, включая представителей церковной иерархии, имели зачастую отдаленное представление о содержании старообрядческого учения и не всегда различали старообрядцев и сектантов. Даже после выхода в свет правовых актов 1905–1906 гг. староверы и последователи сект оставались для бюрократической элиты своеобразной *terra incognita*, «дикими изуверами», повинными в ритуальных убийствах младенцев и прочих грехах⁹.

Позицию Мельгунова в оценке указа 17 апреля и правовых его результатов разделял и А.С. Пругавин – специалист по истории церковного раскола, старообрядчества и сектантства. Признавая, что указ 17 апреля 1905 г. установил «далеко не полную свободу совести», которую «так страстно добивались лучшие люди русского общества», Пругавин вместе с тем признавал его «первым серьезным уроном политики насилия над совестью человека и грубого вмешательства в интимную область веры», поскольку он провозглашал «свободу религиозной мысли, хотя и с... существенными урезками». Пругавин предсказывал существенные послабления в положении старообрядцев и сектантов¹⁰.

3. Указы 1905–1906 гг. и их влияние на правовой быт старообрядцев и сектантов в оценках современников

В июне 1905 г. С.П. Мельгунов направился в первую служебную командировку. Ему предстояло понаблюдать, как в старообрядческой и сектантской среде было воспринято провозглашение веротерпимости и какие изменения принес указ 17 апреля в положение старообрядцев и сектантов.

По совету Пругавина Мельгунов отправился на юг, в с. Павловки Харьковской губернии, знаменитое судебным процессом над сектантами в июле 1901 г., когда в результате столкновения с православными 68 павловских сектантов оказались на скамье подсудимых. Их обвиняли в нападении на православных, сопротивлении официальным властям и поругании священных предметов. Посетил Мельгунов также сёла сектантов Полтавской и Херсонской губерний, подвергавшихся преследованиям властей под предлогом противоправительственного характера их учения.

Поездка в южные губернии была описана Мельгуновым в фельетонах «Среди сектантов. В поисках веротерпимости», опубликованных в «Русских ведомостях». Публицист вспоминал, что его фельетоны «...обратили... на себя внимание: их много цитировали» и с приведенными в них фактами правительство считалось. Фельетонами заинтересовался писатель Л.Н. Толстой. Павловцы считались толстовцами, поскольку пропаганда их вероучения шла от толстовца кн. Хилкова, владевшего хутором в Павловках [25, с. 163–164].

Мельгунов был первым на протяжении целого ряда лет, кому удалось проникнуть в село, отгороженное от мира полицейскими карантинами. Ему стоило больших трудов договориться с харьковским губернатором, полицейским стражником и становым приставом Павловок о кратковременном общении с сектантами. Вступив в общение с сектантами, Мельгунов был смущен тем, что информация об изданном двумя месяцами ранее указе о веротерпимости не была до них доведена. Журналист пришел к выводу, что указ, провозгласивший веротерпимость, никак не отразился на положении сектантов. Самого Мельгунова сектанты восприняли как правительственного чиновника, а местные полицейские власти – как подозрительного человека, сеявшего беспокойство в умах крестьян-сектантов¹¹.

Мельгунов сообщал читательской аудитории, что павловцы с момента зарождения в их среде религиозного вольномыслия принадлежали к секте толстовцев. Их мысли «блуждали в сфере немирских потребностей духа» и проповеди принципа непротивления злу, далеких от идеологии активных борцов за свободу в России. Между тем сектанты продолжали, по наблюдению журналиста, пребывать «в прежнем

⁷ Мельгунов С.П. Официальная веротерпимость.

⁸ Мельгунов С.П. Церковь и свобода совести // Русские ведомости. 1913. 1 янв. № 1.

⁹ Русские ведомости. 1905. 20 апр. № 105.

¹⁰ Пругавин А. По поводу закона 17 апреля // Право. 1905. 1 мая. Стб. 1354–1357.

¹¹ Мельгунов С. Среди сектантов. В поисках веротерпимости // Русские ведомости. 1905. 18 июня. № 162; 28 июня. № 172.

угнетенном состоянии» и выделяться из среды, на которую распространялись вероисповедные привилегии 17 апреля. «Религиозное возбуждение, проявившееся в столь резкой форме... в Павловках, – писал Мельгунов, – давно уже потеряло свой острый характер. Прежние руководители сектантов давно уже томятся “в глубине сибирских руд”... Какие же мотивы можно теперь привести для сохранения в прежней силе мер жестокости и притеснения? Таких мотивов нет! И каждое новое ограничение явится вопиющим нарушением неотъемлемых прав каждого человека на внутреннее самоопределение»¹².

В фокусе внимания Мельгунова находились в 1905 г. также последователи так называемых «изуверных» сект. Описывая уголовные процессы над сектой скопцов, публицист указывал на игравшую решающую роль в сектантских процессах экспертизу и необоснованность в ряде случаев позиций экспертов-миссионеров. В качестве примера приводился процесс над 83 крестьянами Скопинского уезда Рязанской губернии, обвиненных в принадлежности к секте. 65 человек, среди которых были лица, не принадлежавшие к секте, были приговорены к лишению прав состояния и высылке на поселение в Сибирь. Среди них были как дряхлые старики и старухи, так и подростки и даже дети. По словам освещавшего процесс корреспондента, большинство обвиняемых «производили чрезвычайно благоприятное впечатление своей скромностью и ласковым отношением друг к другу». Вместе с тем они были осуждены на основании мнения экспертов-миссионеров, не подкрепленного строгими доказательствами. Журналиста интересовал вопрос о гарантиях того, что после объявления в России веротерпимости подобные явления не повторяются. «Раз вероисповедная реформа не коснулась существа дела, – размышлял он, – не в праве ли мы ожидать, что наши эксперты-миссионеры и другие деятели православия постараются... найти признаки изуверства даже там, где другой бы увидел лишь идеальную нравственную чистоту?» Провозглашение веротерпимости порождало, по его мнению, принципиально иной подход к определению «изуверной» секты и степени ее общественной опасности. Определяя преступные свойства той или иной секты, суд должен был теперь точно установить практические проявления религиозных верований, в которых заключались изуверные и противонравственные действия¹³.

К положению старообрядцев Мельгунов обратился в 1906 г., когда вступил в партию конституционных демократов и активно включился в выборную кампанию кадетов. На собрании в Пресненском районе Москвы в октябре 1906 г. Мельгунов заявил, что партия делала ставку на старообрядцев и сектантов как на возможных союзников [27, с. 28–29]. Свою предвыборную агитацию Мельгунов построил на лозунге реализации свободы совести; он посвятил ей лекции, прочитанные в г. Богородске и Бронницы в конце 1906 – начале 1907 г.

В феврале 1907 г. Мельгунов выступил в заседании Юридического общества с характеристикой законопроекта о старообрядческих общинах 1906 г. Раскол трактовался им как форма протеста церковной иерархии попытке подчинить РПЦ государству и признавался прогрессивным явлением. Характеризуя проблему взаимоотношений Церкви и государства, Мельгунов приходил к выводу, что как Церковь не должна вмешиваться в светские дела, так и государство не должно вмешиваться в дела Церкви [27, с. 29].

Указ 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» предоставлял старообрядцам и сектантам право регистрировать свои общины, а также свободно отправлять религиозные обряды. Как оценил вклад русского государства в устройство старообрядческой общины профессор-канонист И.С. Бердников, то был «опыт устройства религиозных общин гражданским порядком и на государственный счет», какого не было ни в одном из европейских государств¹⁴. На основании указа 17 октября 1906 г. в 1907–1910 гг. в России организовалось около 1 500 старообрядческих общин. Старообрядцы, между тем, считали его несовершенно, не затронувшим всех сторон их церковно-общественной жизни [22, с. 182–183].

Мельгунов признавал указ 17 октября 1906 г. большим шагом вперед в сравнении с предшествовавшей практикой регламентации жизни старообрядцев и сектантов. Он отмечал, что если ранее, согласно акту от 3 мая 1883 г., заводить скиты и обители в России категорически запрещалось, а смотрителями замещавших их богаделен назначались чиновники МВД, то с 17 октября факт существования старообрядческих и сектантских обществ был официально признан и им было предоставлено право ведения метри-

¹² Мельгунов С. Веротерпимость и сектанты в Павловках // Русские ведомости. 1905. 15 июля. № 188.

¹³ Мельгунов С. Изуверные секты и веротерпимость // Русские ведомости. 1905. 2 авг. № 207.

¹⁴ Церковные ведомости. 1907. № 28. С. 1126, 1129.

ческих книг, устранявшее зависимость от духовных консисторий и полиции [28, с. 79].

Вместе с тем о сугубо благотворном влиянии указа 17 октября на быт старообрядцев публицист говорить не спешил. Главный его недостаток представлялся в сохранении административной опеки над религиозными обществами. Складывалась парадоксальная, по его мнению, ситуация, когда огромные старообрядческие общины, такие как Рогожская и Преображенская, не получали права на функционирование. Регламентируя жизнь религиозных обществ, указ не разрешал вопроса о регламентации публичного оказательства вероучения, несогласного с учением господствующей церкви [29, с. 185, 188].

Проблемные места в правовом положении старообрядцев после выхода в свет указа 1906 г. Мельгунов объяснял политическими аргументами, а преследования сектантов в 1908 г. — отождествлением религии с политикой. Так, ввиду соображений о политической неблагонадежности баптистов орловский губернатор, по сведениям Мельгунова, закрыл их молитвенные собрания. Киевский губернатор пошел на аналогичный шаг ввиду того, что на молитвенных собраниях баптистов присутствовало несколько православных. Такие аргументы не были предусмотрены законодательством. В ответ на жалобы сектантов последовали разъяснения МВД о предоставлении им указами 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. права свободного исповедания их вероучения, а также перехода в другое исповедание; политическая неблагонадежность не могла служить препятствием к совершению богомолений. Подобные аргументы спустя три с половиной года после провозглашения в России свободы совести выглядели анахронизмом. Мельгунов прогнозировал, что свободы совести в России не будет до тех пор, пока правительство не примет твердого конституционного курса.

К близкому выводу приходил и правовед С.А. Котляревский, выступивший с серией статей о законопроектах о старообрядцах. Котляревский также признал несостоятельность политики недоверия и ограничений по отношению к старообрядцам. Он указывал, что именно старообрядческое население в западных губерниях выступало одним из главных противников колонизации края. Котляревского смущала аргументация представителей РПЦ, сравнивавших старообрядцев с революционерами. Подобная риторика, по его словам, возвращала Россию

к временам, когда блага гражданской свободы, дарованные указом 17 апреля и Манифестом 17 октября, считались беспочвенными утопиями¹⁵.

4. Заключение

Подводя итог сказанному, отметим, что указы 1905–1906 гг. привели к заметному оживлению духовной и внецерковной жизни старообрядцев и сектантов, а также к развитию инфраструктуры создаваемых ими учреждений. Однако абсолютную свободу старообрядческим согласиям и сектантам они не предоставили.

Правоприменительная практика вобрала в себя все противоречия правовой политики думского периода, входя в ряде случаев в противоречие с содержанием указа о веротерпимости. Реализации провозглашенных свобод препятствовал укорененный в системе имперского управления принцип административной опеки, а также бюрократические методы проведения вероисповедной реформы. После 1910 г. правительство продолжило борьбу с независимым религиозным самовыражением. Усиливались консервативные тенденции в правительственной политике, и РПЦ стремилась утвердить превосходство. Православные иерархи высказывали недовольство «антиканонической» системой управления РПЦ и зависимым положением от государства, слабым материальным обеспечением приходских священников. Им казалось, что старообрядцы приобрели в 1905–1906 гг. больше прав, чем главенствующая конфессия.

Недружественные действия в отношении старообрядцев и сектантов получали поддержку местной администрации. Губернаторы ставили препятствия совершению старообрядцами религиозных процессий, не удовлетворяли их ходатайств о возврате отобранных у них святынь. В старообрядческих кругах отношение к ним признавалось неустойчивым [30, с. 207]. Последовавшие за указами 1905–1906 гг. многочисленные разъяснительные циркуляры создавали двусмысленные толкования. Силой вещей старообрядцы всё более втягивались в политику. Перспективы введения религиозной свободы всё чаще связывались ими с установлением конституционного строя. Справедливо умозаключение, что в начале прошлого века старообрядцы получили полноценный легальный статус на уровне отдельных общин, однако создания старообрядчества либо отдельных его согласий как всероссийских конфессий в империи не произошло [2, с. 564].

¹⁵ Котляревский С.А. Законопроекты о старообрядцах // Московский еженедельник. 1910. 29 мая. № 21. С. 1–8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ясевич-Бородаевская В. И. Борьба за веру : ист.-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству / В. И. Ясевич-Бородаевская. – СПб. : Гос. тип., 1912. – 696 с.
2. Верняев И. И. Очерки истории этноконфессиональной политики в России / И. И. Верняев. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2017. – 637 с.
3. Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.) / С. Л. Фирсов. – М., 2002. – 623 с.
4. Энгельштейн Л. Скопцы и Царство небесное / Л. Энгельштейн ; пер. с англ. В. Михайлина. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 328 с.
5. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви / Ф. Е. Мельников. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999. – 556 с.
6. Прозоров И. А. История старообрядчества / И. А. Прозоров. – М. : Третий Рим, 2002. – 227 с.
7. Керов В. В. Старообрядчество в 1917 г. / В. В. Керов // Российская история. – 2018. – № 1. – С. 143–160.
8. Шахов М. О. Старообрядчество, общество, государство / М. О. Шахов. – М., 1998. – 111 с.
9. Ершова О. П. Старообрядчество и власть / О. П. Ершова. – М. : Уникум-центр, 1999. – 203 с.
10. Керов В. В. Русская история сквозь призму старообрядческого фактора / В. В. Керов // Российская история. – 2014. – № 4. – С. 203–213.
11. Керов В. *Земля трудящемуся народу*: аграрный вопрос в политической программе старообрядцев / В. Керов // Quaestio Rossica. – 2019. – Т. 7, № 4. – С. 1243–1258. – DOI: 10.15826/qr.2019.4.436.
12. Waldron P. Religious Reform after 1905: Old Believers and the Orthodox Church / P. Waldron // Oxford Slavonic Papers. – 1987. – Vol. 20. – P. 110–139.
13. Селезнев Ф. А. Д.В. Сироткин и Всероссийские съезды старообрядцев в начале XX века / Ф. А. Селезнев // Отечественная история. – 2005. – № 5. – С. 78–90.
14. Селезнев Ф. А. Старообрядчество как контрэлита / Ф. А. Селезнев // Российская история. – 2014. – № 4. – С. 188–192.
15. Редькина О. Ю. Староверы Нижней Волги и Дона в конце XIX – XX веке / О. Ю. Редькина // Российская история. – 2012. – № 4. – С. 15–27.
16. Пигин А. Просительные и благодарственные письма старообрядцев в имперский период / А. Пигин // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8, № 1. – С. 176–189. – DOI: 10.15826/qr.2020.1.455.
17. Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения : к 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума / отв. ред. В. Н. Захаров. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2020. – 572 с.
18. Сафонов А. А. Государство и конфессии в поздней имперской России: правовые аспекты взаимоотношений / А. А. Сафонов. – М. : Проспект, 2017. – 349 с.
19. Дорская А. А. Проблема законодательного закрепления свободы совести в России в начале XX века : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Дорская. – СПб., 2001. – 184 с.
20. Зырянов П. Н. Положение о старообрядческих общинах в Государственной Думе и Государственном Совете и вопрос о свободе вероисповеданий (1906–1911) / П. Н. Зырянов // Религия, общество и государство в XX веке : материалы конф. 22–25 окт. 1991 г. – М., 1991. – С. 45–54.
21. Эткинд А. М. Хлыст: секты, литература и революция / А. М. Эткинд. – М. : Новое литературное обозрение, 1998. – 642 с.
22. Мельников Ф. Закон и жизнь / Ф. Мельников // Церковь. – 1911. – № 8. – С. 182–185.
23. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. – СПб., 2003. – Т. 2. – 649 с.
24. Кучинский С. А. Империя и религия: история незавершенных реформ / С. А. Кучинский // Империя и религия : к 100-летию Петерб. религиоз.-филос. собр. 1901–1903 гг. : материалы Всерос. конф. – СПб., 2006. – С. 7–20.
25. Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники / С. П. Мельгунов. – М., 2003. – 527 с.
26. Панях Э. Предисловие научного редактора / Э. Панях // Право и правоприменение в зеркале социальных наук : хрестоматия совр. текстов / под ред. Э. Л. Панях и А. М. Кадниковой. – М. : Статут, 2014. – С. 3–7.
27. Емельянов Ю. Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции / Ю. Н. Емельянов. – М. : Эдиториал УРСС, 1998. – 350 с.

28. Мельгунов С. Старообрядцы и свобода совести : (ист. очерк) / С. Мельгунов. – М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. – 86 с.
29. Мельгунов С. П. Старообрядческие и сектантские общины (Закон 17 октября 1906 г.) / С. П. Мельгунов // Церковь и государство в России: к вопросу о свободе совести : сб. ст. – М., 1907. – Вып. 1. – С. 184–190.
30. Мельников Ф. Министерские ответы на ходатайства старообрядцев / Ф. Мельников // Церковь. – 1913. – № 9. – С. 204–207.

REFERENCES

1. Yasevich-Borodaevskaya V.I. *The Struggle for Faith*, historical and everyday essays and a review of legislation on Old Believers and Sectarianism. St. Petersburg, State tipography Publ., 1912. 696 p. (In Russ.).
2. Vernyaev I.I. *Essays on the History of Ethno-confessional Politics in Russia*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2017. 637 p. (In Russ.).
3. Firsov S.L. *The Russian Church on the Eve of Changes (late 1890s – 1918)*. Moscow, 2002. 623 p. (In Russ.).
4. Engelshtein L. *Castration and the Heavenly Kingdom*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 328 p. (In Russ.).
5. Mel'nikov F.E. *A brief history of the Old Orthodox (Old Believer) Church*. Barnaul, Barnaul State Pedagogical University Publ., 1999. 556 p. (In Russ.).
6. Prozorov I.A. *The history of the Old Believers*. Moscow, Tretii Rim Publ., 2002. 227 p. (In Russ.).
7. Kerov V.V. Old believers in 1917. *Rossiiskaya istoriya = Russian history*, 2018, no. 1, pp. 143–160. (In Russ.).
8. Shakhov M.O. *Old Believers, society, state*. Moscow, 1998. 111 p. (In Russ.).
9. Ershova O.P. *Old Believers and the government*. Moscow, Unikum-tsentr Publ., 1999. 203 p. (In Russ.).
10. Kerov V.V. Russian history through a lens of the Old belief. *Rossiiskaya istoriya = Russian history*, 2014, no. 4, pp. 203–213. (In Russ.).
11. Kerov V. *Land to the Working People: The Agrarian Question in the Political Programme of Old Believers. Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 4, pp. 1243–1258. DOI: 10.15826/qr.2019.4.436. (In Russ.).
12. Waldron P. Religious Reform after 1905: Old Believers and the Orthodox Church. *Oxford Slavonic Papers*, 1987, vol. 20, pp. 110–139.
13. Seleznev F.A. D.V. Sirotkin and the all-Russia conventions of Old Believers in the early XXth century. *Otechestvennaya istoriya*, 2005, no. 5, pp. 78–90. (In Russ.).
14. Seleznev F.A. The Old believers as a counter-elite. *Rossiiskaya istoriya = Russian history*, 2014, no. 4, pp. 188–192. (In Russ.).
15. Red'kina O.Iu. Old Believers of the Lower Volga and Don region in the late of the XIX–XX century. *Rossiiskaya istoriya = Russian history*, 2012, no. 4, pp. 15–27. (In Russ.).
16. Pigin A. Old Believer Letters of Request and Thanks during the Imperial Period. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 176–189. DOI: 10.15826/qr.2020.1.455. (In Russ.).
17. Zakharov V.N. (ed.). *Old Believers in the History and culture of Russia: problems of study*, on the 400th anniversary of the birth of Archpriest Avvakum. Moscow, Institute of Russian History of the RAS Publ., 2020. 572 p. (In Russ.).
18. Safonov A.A. *The State and Confessions in Late Imperial Russia: Legal aspects of Relations*. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 349 p. (In Russ.).
19. Dorskaya A.A. *The problem of legislative consolidation of freedom of conscience in Russia at the beginning of the XX century*, Cand. Diss. St. Petersburg, 2001. 184 p. (In Russ.).
20. Zyryanov P.N. Regulations on Old Believer communities in the State Duma and the State Council and the issue of religious freedom (1906-1911), in: *Religiya, obshchestvo i gosudarstvo v XX veke*, Proceedings of the Conference on October 22–25, Moscow, 1991, pp. 45–54. (In Russ.).
21. Etkind A.M. *The Russian Flagellant: Sects, Literature, and Revolution*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 642 p. (In Russ.).
22. Mel'nikov F. Law and life. *Tserkov'*, 1911, no. 8, pp. 182–185. (In Russ.).
23. *From the archive of S.Y. Witte. Memories*, vol. 1. St. Petersburg, 2003. 649 p. (In Russ.).

24. Kuchinskii S.A. Empire and Religion: A history of incomplete Reforms, in: *Imperiya i religiya*, to the 100th anniversary of the St. Petersburg Religious and Philosophical Meetings of 1901–1903, Proceedings of the All-Russian Conference, St. Petersburg, 2006, pp. 7–20. (In Russ.).
25. Mel'gunov S.P. *Memoirs and diaries*. Moscow, 2003. 527 p. (In Russ.).
26. Paneyakh E. Preface by the scientific editor, in: Paneyakh E.L., Kadnikova A.M. (eds.). *Pravo i pravoprimerenie v zerkale sotsial'nykh nauk*, reader of modern texts, Moscow, Statut Publ., 2014, pp. 3–7. (In Russ.).
27. Emel'yanov Yu.N. *S.P. Melgunov: in Russia and emigration*. Moscow, Editorial URSS Publ., 1998. 350 p. (In Russ.).
28. Mel'gunov S. *Old Believers and Freedom of Conscience*, Historical essay. Moscow, G. Lissner and D. Sobko Publ., 1907. 86 p. (In Russ.).
29. Mel'gunov S.P. Old Believers and Sectarian Communities (Law of October 17, 1906), in: *Tserkov' i gosudarstvo v Rossii: k voprosu o svobode sovesti*, collected articles, iss. 2, Moscow, 1907, pp. 184–190. (In Russ.).
30. Mel'nikov F. Ministerial responses to the petitions of the Old Believers. *Tserkov'*, 1913, no. 9, pp. 204–207. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Туманова Анастасия Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, профессор департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
123022, Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., 3
E-mail: atumanova@hse.ru
ORCID: 0000-0003-3469-7144
ResearcherID: K-6105-2015
Scopus AuthorID: 39764677100
SPIN-код РИНЦ: 4615-9417

Сафонов Александр Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
123022, Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., 3
E-mail: asafonov@hse.ru
ORCID: 0000-0003-3577-5490
ResearcherID: K-6059-2015
SPIN-код РИНЦ: 9507-3097

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Туманова А.С. «Золотой век русского старообрядчества и сектантства»: реформа правового статуса старообрядцев и сектантов 1905–1906 гг. сквозь призму правоприменения / А.С. Туманова, А.А. Сафонов // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 5–14. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).5-14.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Anastasia S. Tumanova – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law
HSE University
3, Bol'shoi Trekhsvyatitel'skii per., Moscow, 123022, Russia
E-mail: atumanova@hse.ru
ORCID: 0000-0003-3469-7144
ResearcherID: K-6105-2015
Scopus AuthorID: 39764677100
RCSI SPIN-code: 4615-9417

Alexander A. Safonov – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law
HSE University
3, Bol'shoi Trekhsvyatitel'skii per., Moscow, 123022, Russia
E-mail: asafonov@hse.ru
ORCID: 0000-0003-3577-5490
ResearcherID: K-6059-2015
RCSI SPIN-code: 9507-3097

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tumanova A.S., Safonov A.A. "The Golden Age of the Russian Old Believers and Sectarianism": reform of the legal status of Old Believers and sectarians 1905–1906 through the prism of law enforcement. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 5–14. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).5-14. (In Russ.).

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВА И ИДЕОЛОГИИ*

Н.В. Гришанин^{1,2}, Я.В. Миневич^{1,3}, Т.Д. Соколова⁴, В.В. Товстий²

¹ Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия

² Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия

³ Московский государственный институт культуры, г. Химки, Россия

⁴ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

01 октября 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Ключевые слова

Право, идеология, ценности молодежи, корпоративная культура, факторы пентабазиса, молодежная культура, социологический опрос молодежной аудитории, компания – работодатель, индикаторы культуры, патриотизм

Ставится цель проанализировать систему ценностей молодежи, правовые реалии и идеологические особенности формирования российского государства вокруг факторов российской идентичности: семья, общество, страна, государство, человек, – описать возможность их включения в корпоративную культуру (работодателя) как основных принципов корпоративного управления. В качестве методов исследования выбраны групповое интервью, позволяющее свободно высказываться каждому из участников дискуссии по определенной проблеме и в ходе полемики сформировать единое представление группы по проблеме идеологии патриотизма и правовой культуры, в основе которых лежат факторы российской идентичности, и контент-анализ.

MODERN REALITIES OF CORPORATE CULTURE FORMATION IN THE YOUTH ENVIRONMENT: INTERACTION OF LAW AND IDEOLOGY**

Nikita V. Grishanin^{1,2}, Yakov V. Minevich^{1,3}, Tatiana D. Sokolova⁴, Vlada V. Tovstiy²

¹ State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

² North-West Institute of Management – branch of RANEPA, St. Petersburg, Russia

³ Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia

⁴ HSE University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2022 October 01

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

Corporate culture as it exists today is a cast of the Western European matrix, in which patriotic ideology is replaced by the values of the corporation and personal result. But modern realities form a new demand of society, moral principles and traditions develop modern legal relations. The human right to patriotic behavior is largely shaped by the system of religious and moral values that influenced Russian legislation long before the emergence of modern Russia. The purpose of the article (in the form of confirmation or refutation of a scientific hypothesis) is to analyze the value system of youth, legal realities and ideological features of the formation of the Russian state around the factors of Russian identity: family, society, coun-

* Статья подготовлена в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FZNF-2022-0001 – Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой среде).

** The article was prepared at the State Academic University for the Humanities in the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project no. FZNF-2022-0001 – Opportunities and features of the formation of a worldview in the digital environment).

Keywords

Law, ideology, values of youth, corporate culture, factors of pentabasis, youth culture, sociological survey of youth audience, employer company, indicators of culture, patriotism

try, state, person, to describe the possibility of their inclusion in the corporate culture (employer) as the basic principles of corporate governance.

The method of group interview, the method of content analysis was chosen as the research method. The method of group interview or classroom analysis allows each of the participants of the discussion to speak freely on a particular problem, and during the discussion in the polemic to form a unified representation of the group on the problem.

The respondents were students of universities in Moscow and St. Petersburg, aged 18 to 23 years, technical and humanitarian areas of training - a total of 150 people (110 humanities and 40 technical areas of training). During the survey, they were divided into groups of 7 to 10 people and the groups were asked to form an opinion on how they understand value, the group discussed the idea of value and recorded the definition and their understanding of this value.

As part of the study, young people aged 18 to 23 years were consistently considered about their values, how these values form the factors of pentabasis, contribute to the formation of relationships with companies. Then, which factors of pentabasis most influence the formation of the value field of youth and which indicators can be identified as markers of the formed value. Further, in order to determine how the company forms the pentabasis factors, taking into account values and indicators, young people write down which indicators and values are characteristic of the cross-influence of pentabasis factors on each other.

Thus, after we have considered the principles of the formation of legal awareness, it becomes transparently clear that when developing the principles of corporate culture, it is necessary to transfer to the factors of Russian identity. Patriotism in corporate communications, until they form a clear system of values for Russians, will be a superstructure that will not be fully realized in any corporation, since it is built on different values, which became clear to us when studying the history of legal awareness. Consequently, after the conducted research, we have described some conclusions on the principles of the formation of the ideology of corporate culture, which are based on the factors of Russian identity.

1. Введение

Патриотическое поведение всегда было ценностью для государства. Забота о формировании любви к родине и доверия государству в русской культуре не раз обсуждалась на разных уровнях – политическом, социальном, философском, творческом. Сегодня мы готовы столкнуться с еще одним вызовом – это противостояние корпоративной культуры, ценностей, ею формируемых, идеологии государства и права. При этом в каждом случае есть свои истоки формирования форм взаимодействия с аудиториями.

Могут ли внутри компании быть иные ценности, кроме государственных, и могут ли в государстве быть иные ценности, кроме как общемировые? Как ценностное поле молодежи меняется под влиянием корпоративного управления и мировых тенденций? Особое внимание социологов привлекает проблема трансформации ценностных ориентаций молодежи. Значительный вклад в развитие данного направления в отечественной социологии молодежи внесли труды таких ученых, как А.Э. Гергер [1], М.К. Горшков [2; 3], Ф.Э. Шереги [4], Е.К. Казарина-Волшебная [5] и др.

Трудовые ценности российской молодежи формируются в конкретных социокультурных и экономических условиях новой правовой реальности, а

потому выступают отражением доминирующих тенденций в сфере трудовых отношений современной России. В этой связи для изучения трудовых ценностей современной российской молодежи необходимо обращение к трудам таких исследователей, как О.В. Аксенова [6; 7], З.Т. Голенкова [8; 9], Ж.Т. Тощенко [10–12], А.А. Шамин [13].

На характер трудовых ценностей современной молодежи, в том числе российской, значительное влияние оказывает процесс глобализации, поэтому методологическую и практическую ценность для данной статьи имеют разработки в области теории глобализации таких отечественных ученых, как И.Ф. Девятко [14], В.А. Корецкий [15], М.О. Мнацаканян [16; 17] и др.

2. Идеология корпоративной культуры и право

Сегодня под корпоративной культурой подразумевают некую систему материальных и духовных ценностей, норм поведения и взаимодействия, присущих конкретной организации, отражающих ее индивидуальность [18]. Таким образом можно сказать, что и культура страны – это как система материальных и духовных ценностей, норм поведения и взаимодействия. Но в одной компании одни нормы поведения, в другой – другие, в государстве – совсем

иные. Вместе с тем сотрудник компании, являясь гражданином, живет по законам не компании, но государства, и к нему применимы нормы права и морали, принятые в государстве.

Корпоративная культура базируется на западноевропейской ценностной матрице [19]. Данная форма корпоративной культуры формирует корпоративное сознание, редко сочетающееся с патриотическим. Главное в корпорации – не государственная идеология, а корпоративные интересы. Что касается правосознания, то патриотическую компоненту права описал профессор А.П. Герасименко. Он выделил два типа правосознания – космополитичный и патриотичный, где космополитичный тип правосознания формируется под воздействием католичества и протестанства, а патриотичный – под влиянием буддизма и православия. Сообразно этому формируются две формы правовой системы: идеологическая и юридическая. В первой мораль преобладает над правом, во второй – наоборот: «В идеологической по типу правовой системе партийного государства может преобладать правосознание то патриотичного, то космополитичного типа. Точно так же, как в юридической по типу правовой системе правового государства вовсе не обязательно и не всегда господствует правосознание космополитичного типа, более того, чаще всего здесь доминирует именно патриотичное правосознание» [20, с. 22]. По его мнению, «правовая идеология католиков, протестантов и мусульман сродни консервативной, либеральной и социалистической и может считаться проюридической. Правовая идеология буддистов и православных христиан совпадает с антиюридическими установками анархистов и коммунистов. И это действительно так, потому что первые уравнивают право с моралью, а вторые отдают предпочтение морали, отводя праву ничтожную роль» [20, с. 24]. Схожие концепции были изложены и в других работах автора [21; 22].

Этой же позиции придерживается и А.В. Овчинников: «Сегодня речь должна идти о конструировании такого правового пространства образования, в котором должны, наконец, мирно ужиться духовно-нравственные и формально-правовые ценности, принадлежащие различным культурным и правовым традициям, принимаемым современным человеком уже в качестве общероссийских» [23, с. 43].

Таким образом, возьмем на себя смелость утверждать, что право в применении к российским реалиям имеет истоки в православии и поэтому активно стремится к поддержанию патриотических настроений в обществе.

На протяжении последних двадцати лет государственная власть принимала решения, направленные на утверждение традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Важнейшие положения государственной политики в этом направлении нашли отражение в поправках, внесенных в Конституцию РФ в 2020 г. Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, продолжила политическую линию на укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а сохранение культурного и исторического наследия народа России было определено в качестве национального приоритета на современном этапе. Правовое конституирование ценностей патриотизма отражено в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809¹.

С другой стороны, патриотизм в законодательстве может сыграть и роль обратного эффекта. Акт о патриотизме, принятый США после терактов 11 сентября 2001 г., открыл доступ к личной информации граждан США. «С одной стороны, их полномочия должны соответствовать тем реальным угрозам правам и свободам граждан, государству, обществу, чтобы они могли им эффективно противостоять (а главное предотвращать). С другой стороны – общество должно быть согласно на определенный уровень вторжения в личную свободу, но именно в таких пределах, чтобы государство могло использовать полученные полномочия для защиты граждан, а не для постановки их под тотальный полицейский контроль» [24].

В мировом опыте право по-разному поддерживает патриотические настроения.

3. Идеология компании-работодателя

Идеология компании-работодателя (далее – компания (Р)), отраженная в принципах корпоративной культуры, создает основу российской идентичности в сознании своего сотрудника через влияние на важнейшие для россиянина факторы и ценности. Далее нам необходимо рассмотреть эти ценности и факторы. Развитие вопроса о формировании ценно-

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению

и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Гарант».

стей молодежи² и школьников³ не снижает своей напряженности, и положительное отношение к государству и российской культуре устойчиво растет, но пока не достигает уровня до 1991 г.⁴ Молодые люди, пройдя курс в школе и институте, приходят в профессию, где инструменты и идеология менеджмента фирмы переписаны с западноевропейских и американских учебников, где патриотических идей нет ввиду объективного тяготения к космополитизму.

Можно ли в целом говорить об идеологии корпоративной культуры [18, с. 12] как о части культуры государства [25, с. 191]? Для того чтобы оценить место и значение современной компании в культуре, мы проведем опрос, в ходе которого предложим студентам разных вузов России дать характеристики ключевым факторам формирования российской идентичности.

Для обсуждения значения компании (Р) в культуре, формируемой корпорациями, должны быть определены системообразующие факторы. В качестве таковых мы взяли факторы пентабазиса, рассмотренные А.Д. Харичевым с соавторами: «Речь идет о таких факторах и структурах, как “человек”, “семья”, “общество”, “государство”, “страна”, которые взаимосвязаны между собой следующим образом: “человек” – ключевой субъект общественного бытия, “семья” – первичная форма общественной организации, “общество” – цивилизационно-обусловленная форма общественной организации, “семья семей”, “государство” – “организованное общество”» [26, с. 14]. Далее будет использоваться понятие «факторы пентабазиса». Эти факторы образуют идеологическое поле и, по мнению авторов, формируют идентичность российского государства.

4. Исследование идеологической основы корпоративной культуры в молодежной среде

В качестве исследования был предложен групповой опрос. Респондентами выступили студенты вузов Москвы и Санкт-Петербурга в возрасте от 18 до 23 лет технических и гуманитарных направлений подготовки – всего 150 человек (110 гуманитариев и

40 технического направления подготовки). В ходе опроса они были разделены на группы от 7 до 10 человек. Исследование разделено на три этапа. Для определения перечня ценностей было выбрано исследование, изложенное в монографии под общей редакцией С.В. Чуева [27].

В рамках исследования респондентами были рассмотрены и описаны ценности. Затем – то, какие факторы пентабазиса больше всего влияют на формирование ценностного поля молодежи и какие индикаторы можно определить в качестве маркеров сформированной ценности. Далее молодые люди в целях определения того, как компания (Р) формирует факторы пентабазиса с учетом ценностей и индикаторов, записывают, какие индикаторы и ценности характерны при перекрестном взаимовлиянии факторов пентабазиса друг на друга.

Описание ценностей представлено в табл. 1.

При определении того, какой фактор пентабазиса больше влияет на формирование молодежных ценностей, студенты ранжировали факторы пентабазиса – от первого до последнего места – по степени влияния. Мы представим только первые и последние в рейтинге факторы:

- Материальные ценности: общество и государство.
- Любовь / отношения, Дружба / социальные контакты / общение: семья и компания (Р).
- Патриотизм / гражданская позиция: государство и компания (Р).
- Культурные ценности / культурная идентичность: общество и компания (Р).
- Карьера: человек и страна.
- Индивидуализм: человек и страна.
- Здоровый образ жизни: общество и страна.
- Самореализация: человек и государство.
- Образование / знания: человек и страна.
- Социальная успешность / социальный статус: общество и страна.
- Семья: семья и компания (Р).
- Удовольствия: человек и компания (Р).

² Абрамов К. Патриотизм. Молодежь. Будущее (социологические исследования). URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/220908_Patriotizm._Molodezh._Budushchee._sociologicheskie_issledovaniya_Abramov_K._VEHF.pdf (дата обращения: 30.09.2022).

³ Большинство школьников считают себя патриотами // Институт изучения детства, семьи и воспитания: офиц. сайт. 09.05.2011. URL: https://институтвоспитания.рф/press-center/news/bolshinstvo-shkolnikov-schitayut-sebya-patriotami/?sphrase_id=23946 (дата обращения: 30.09.2022).

⁴ Исследование: 64 % подростков считают себя патриотами России // 1 Канал. 30 июня 2022. URL: <https://www.1tv.ru/publikacii/obzor-smi/issledovanie-64-podrostkov-schitayut-sebya-patriotami-rossii> (дата обращения: 30.09.2022); Почти половина российских школьников-патриотов желали эмигрировать // РБК. 15 сент. 2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/15/09/2022/6322c11b9a7947458ff3c60f> (дата обращения: 30.09.2022).

• Стремление к переменам: человек и семья.
На третьем этапе студенты назвали ценности, влияющие на формирование факторов российской

идентичности в большей и в меньшей степени (см. табл. 2).

Таблица 1

Описание ценностей молодежной аудиторией

Ценность	Описание ценности
Материальные ценности	Деньги / недвижимость / материальная независимость
Любовь / отношения, Дружба / социальные контакты / общение	Поддержка / чувства / забота / веселье
Патриотизм / гражданская позиция	Любовь к родине / чувство принадлежности к чему-то большему
Культурные ценности / культурная идентичность	Наследие предков / традиции и обычаи / искусство
Карьера	Навыки / самовыражение / признание / деньги
Индивидуализм	Не следовать за массой людей / уникальность / личность / самовыражение
Здоровый образ жизни	Спорт / питание / режим сна / самоуважение
Самореализация	Личностный рост / хобби / признание / возможности
Образование / знания	Интеллектуальное развитие / сила / решение в любых ситуациях
Социальная успешность / социальный статус	Положение в обществе / успешное окружение / деньги
Семья	Любовь / доверие / секс / близкие
Удовольствия	Еда / сон / хобби / любимая работа / путешествия
Стремление к переменам	Амбиции / развитие / надежда / поиск себя

Таблица 2

Влияние ценностей на формирование идентичности российского государства

Степень влияния	Факторы пентабазиса				
	Человек	Семья	Общество	Страна	Государство
Наибольшее влияние 1	Семья (37,5 %)	Любовь (62,5 %)	Культурные ценности (37,5 %)	Культурные ценности (75 %)	Патриотизм (87,5 %)
Наибольшее влияние 2	Самореализация (37,5 %)	Образование (37,5 %)	Социальные контакты (37,5 %)	Патриотизм (25 %)	Семья (25 %)
Наименьшее влияние	Социальные контакты	Культурные ценности	Патриотизм	Материальные ценности	Образование

Мы не включили компанию (Р) и даем описание ниже. Наибольшее влияние на молодежь имеет карьера (50 %). На втором месте – социальный статус и положение в обществе (37,5 %). На третьем – социализация и индивидуализм (25 %).

Финальное исследование было выполнено по принципу определения взаимовлияния факторов российской идентичности пентабазиса. Мы не приводим весь комплекс взаимовлияний и остановимся только на влиянии компании (Р):

• **Влияние на человека.** Компания (Р), в первую очередь, предоставляет рабочие места для населения, также создает конкуренцию для дальнейшего роста личности. Карьерный рост, ощущение важности дарят коллектив и компания, в которой работает человек.

• **Влияние на семью.** Семья начинает понимать ценность заработка. Компания, в которой работает

член семьи, при необходимости предоставляет социальную помощь, например декретный отпуск.

• **Влияние на общество.** Компании создают рабочие места, конкуренцию для стабильной работы и развития рынка. Также работа образует корпоративную культуру, актуализируя ценность труда.

• **Влияние на страну.** Проявляется в том, что компания (Р) строит мировую рыночную экономику, стирает государственные границы между странами, снимает торгово-экономические барьеры и ограничения, обучает сотрудников.

• **Влияние на государство.** Компания (Р) влияет на государство, вкладывая деньги в развитие бизнеса на равных с государством паях, распределяя ресурсы, создавая экономический потенциал государства, защищая его экономически.

Человек влияет на компанию (Р) тем, что увеличивает престиж компании, статус компании, форми-

рует выгодные предложения со стороны компании. *Семья* влияет тем, что воспитывает будущих работников через стимулирование выбора будущей профессии. *Общество* предоставляет компании рабочие места, формирует спрос и предложение, является сферой создания репутации и социальной ответственности, влияет на формирование корпоративных ценностей. *Страна* влияет тем, что предоставляет ресурс для продажи, предоставляет ресурс (природные богатства) для создания ценности, культурное разнообразие, образование. *Государство* влияет тем, что поддерживает бизнес, устанавливает размер налогов, размещает государственные заказы, осуществляет государственное регулирование, формирует и поддерживает экономику страны.

Таким образом, факторы пентабазиса и ценностное поле молодежи образуют идеологическую платформу корпоративной культуры. Далее приведем идеологические основы корпоративной культуры – данный комплекс коммуникаций соответствует описанию, которое дали студенты в нашем исследовании.

5. Принципы формирования корпоративной культуры с опорой на патриотические принципы пентабазиса и ценности молодежи

Патриотизм в корпоративных коммуникациях пока не включен в систему ценностей молодежи и будет надстройкой, ценность которой до конца не осознают ни в одной корпорации, поскольку они построены на разных ценностях, что нам стало понятно при изучении истории правосознания.

Нами после проведенного исследования сформулированы выводы по тем принципам формирования идеологии корпоративной культуры, в основе которых лежат факторы российской идентичности:

- *Государственная политика.* Компания (Р) поддерживает принципы справедливости. Компа-

ния в качестве цели выбирает справедливое общество, сообщество соучастников. Компания поддерживает формирование системы социальных лифтов и способствует организации обучения персонала и социальных рейтингов. В качестве ценности есть и помощь, взаимопомощь, организация стимулирует и поддерживает политику внимания и доброго менеджмента.

- *На уровне страны.* Компания поддерживает в корпоративной культуре ценности единой идентичности россиян, в своей политике настраивает сотрудников на понимание единства страны. Выстраивает систему прозрачной трудовой справедливости.

- *Внутрикорпоративная культура.* С целью формирования сильной страны прививается сотрудникам ценность труда как основы благополучия и жизненного успеха в противовес устоявшейся теории поиска «окна возможностей». Восприятие страны как справедливой родины. Надежность. В компании и ее внутрикорпоративной культуре существуют коммуникационные инструменты, с помощью которых формируется ценность восприятия родины как надежного и сильного государства.

- *На уровне общества.* Социальная ответственность бизнеса. Компания во внутрикорпоративной культуре формулирует ценность ответственности перед обществом. Гармонизация личного и общественного.

- *На уровне семьи.* Репродукция. Семья как ценность. Представление о семье как важной компоненте сотрудника компании. Партнерство. Внимание компании не только к отношениям «сотрудник – компания», но и «компания – семья сотрудника».

- *На уровне человека.* Здоровье – поддержание здоровья сотрудника компании. Знание – постоянное повышение квалификации, образование через всю жизнь. Оптимизм – мотивация труда, направленная на светлое будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегер А. Э. Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи. Релевантные методические решения / А. Э. Гегер // Социологические исследования. – 2010. – № 1 (309). – С. 132–141.
2. Горшков М. К. Молодежь и экономика будущего / М. К. Горшков // Управленец. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 2–7. – DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-3-1.
3. Горшков М. К. Российская идентичность в контексте новых вызовов и рисков / М. К. Горшков // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2015. – Т. 195, № 6. – С. 274–290.
4. Горшков М. К. Молодежь России: демографические тенденции историческое сознание / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2009. – № 6 (94). – С. 5–36.

5. Казарина-Волшебная Е. К. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи / Е. К. Казарина-Волшебная, И. Г. Комиссарова, В. Н. Турченко // Социологические исследования. – 2012. – № 6 (338). – С. 121–126.
6. Аксенова О. В. Традиционные ценности российских профессионалов в эпоху модернизации / О. В. Аксенова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 799–807.
7. Аксенова О. В. Затерянный город: медийный конструкт или реальность / О. В. Аксенова // Вестник Института социологии. – 2013. – № 7. – С. 62–74.
8. Голенкова З. Т. Самоидентификация личности в социально-структурных процессах / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2002. – № 1. – С. 20–26.
9. Голенкова З. Т. Региональная молодежь в нелинейном глоболокальном социуме: новые формы социального напряжения / З. Т. Голенкова, Т. А. Хагуров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 291–305. – DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-291-305.
10. Тощенко Ж. Т. Новое в социальной структуре общества: прекариат / Ж. Т. Тощенко // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 2 (87). – С. 100–108.
11. Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2016. – № 1 (381). – С. 5–17.
12. Тощенко Ж. Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2011. – № 12 (332). – С. 3–12.
13. Шамин А. А. Повышение трудовой активности молодежи в условиях нестабильной экономики / А. А. Шамин // Наука и школа. – 2013. – № 2. – С. 157–160.
14. Девятко И. Ф. Понятие ценности в социологической теории: влияние и (недооцененные) возможности его интерпретации с позиций гештальт-психологии / И. Ф. Девятко // Социологические исследования. – 2020. – № 10. – С. 3–12. – DOI: 10.31857/S013216250011945-2.
15. Халиков М. С. Моделирование тенденций глобализирующегося мира / М. С. Халиков, В. А. Корецкий // Социология власти. – 2011. – № 5. – С. 59–65.
16. Мнацаканян М. О. Глобализация и национальное государство: три мифа / М. О. Мнацаканян // Социологические исследования. – 2004. – № 5 (241). – С. 137–142.
17. Мнацаканян М. О. В поиске новой теории. Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / Отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: РГУ, 2016 / М. О. Мнацаканян // Социологический журнал. – 2016. – Т. 22. – № 4. – С. 166–172. – DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4814.
18. Персикова Т. Н. Феномен корпоративной культуры в современной России (сопоставительный анализ корпоративных культур в российских и иностранных организациях) : автореф. дис. ... канд. культурологии / Т. Н. Персикова. – М., 2007. – 20 с.
19. Данова Н. Ю. Культура предпринимательства как превалирующая доктрина в экономике современной России / Н. Ю. Данова // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 2 (60). – С. 27–32.
20. Герасименко А. П. Философия права: между патриотизмом и космополитизмом / А. П. Герасименко. – Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2021. – 93 с. – DOI: 10.22250/FP.
21. Герасименко А. П. Православная правовая идеология И.А. Ильина / А. П. Герасименко // Религиоведение. – 2019. – № 2. – С. 114–121. – DOI: 10.22250/2072-8662.2019.2.114-121.
22. Герасименко А. П. Б.П. Вышеславцев о религиозных корнях права / А. П. Герасименко // Религиоведение. – 2020. – № 1. – С. 101–113. – DOI: 10.22250/2072-8662.2020.1.101-113.
23. Овчинников А. В. Традиции общественного права образования как фактор формирования патриотизма молодежи России (историко-педагогический аспект) / А. В. Овчинников // Историко-педагогический журнал. – 2022. – № 4. – С. 42–51.
24. Романовская О. В. Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму / О. В. Романовская // Наука. Общество. Государство. – 2017. – Т. 5, № 2 (18). – URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovskaya_ov_17_2_02.pdf.

25. Каленчук Э. Н. Корпоративная культура в контексте идеологических процессов / Э. Н. Каленчук // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2015. – № 14. – С. 191–197.

26. Харичев А. Д. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 9–19. – DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19.

27. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования : моногр. / под общ. ред. С. В. Чуева. – М. : Изд. дом ГУУ, 2017. – 131 с.

REFERENCES

1. Ghegher A.E. Revealing individual and group values in youth groupings, relevant methodic solutions. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2010, no. 1 (309), pp. 132–141. (In Russ.).

2. Gorshkov M.K. Young People and the Future Economy. *Upravlenets = The Manager*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 2–7. DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-3-1. (In Russ.).

3. Gorshkov M.K. Russian identity in the context of new challenges and risks. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 2015, Vol. 195, no. 6, pp. 274–290. (In Russ.).

4. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Youth of Russia: demographic trends historical consciousness. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2009, no. 6 (94), pp. 5–36. (In Russ.).

5. Kazarina-Volshebnyaya E.K., Komissarova I.G., Turchenko V.N. Paradoxes of transformation of value orientations of Russian youth. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2012, no. 6 (338), pp. 121–126. (In Russ.).

6. Aksenova O.V. Traditional values of Russian professionals under the modernization. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 799–807. (In Russ.).

7. Aksenova O.V. A lost city: media constructs and reality. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2013, no. 7, pp. 062–074. (In Russ.).

8. Golenkova Z.T., Igithanjan E.D. Self-identification in socio-structural processes. *Vestnik Ros-siiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*, 2002, no. 1, pp. 20–26. (In Russ.).

9. Golenkova Z.T., Khagurov T.A. Regional youth in a nonlinear global-local society: New forms of social tension. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 291–305. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-291-305. (In Russ.).

10. Toshchenko Zh.T. New in the social structure of society: precariat. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamentalnykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*, 2017, no. 2 (87), pp. 100–108. (In Russ.).

11. Toshchenko Zh.T. Life world and its meanings. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2016, no. 1 (381), pp. 5–17. (In Russ.).

12. Toshchenko Zh.T. Centaur-idea as a deformation of social consciousness. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2011, no. 12 (332), pp. 3–12. (In Russ.).

13. Shamin A.A. Increase in labor activity of youth in the conditions of an unstable economy. *Nauka i shkola = Science and School*, 2013, no. 2, pp. 157–160. (In Russ.).

14. Devyatko I.F. The Concept of Value in Sociological Theory: The Influence and (Underestimated) Possibilities of Its Interpretation from the Standpoint of Gestalt Psychology. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2020, no. 10, pp. 3–12. DOI: 10.31857/S013216250011945-2. (In Russ.).

15. Khalikov M.S., Koretsky V.A. Modeling trends of the globalizing world. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*, 2011, no. 5, pp. 59–65. (In Russ.).

16. Mnatsakanyan M.O. Globalization and the national state: three myths. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2004, no. 5 (241), pp. 137–142. (In Russ.).

17. Mnatsakanyan M.O. In search of a new theory. [Rev.] *Sociology of life: Theoretical foundations and social practices*. Ed. by Z.T. Toshchenko. Moscow: Russian State Humanitarian University, 2016. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 2016, vol. 22, no. 4, pp. 166–172. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4814. (In Russ.).
18. Persikova T.N. *The phenomenon of corporate culture in modern Russia (comparative analysis of corporate cultures in Russian and foreign organizations)*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2007. 20 p. (In Russ.).
19. Danova N.Yu. Culture of business as the prevailing doctrine in economy of modern Russia. *Sot-sial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social Economic Phenomena and Processes*, 2014, no. 2 (60), pp. 27–32. (In Russ.).
20. Gerasimenko A.P. *Philosophy of law: between patriotism and cosmopolitanism*. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2021. 93 p. DOI: 10.22250/FP. (In Russ.).
21. Gerasimenko A.P. Orthodox Legal Ideology by I.A. Ilyin. *Religiovedenie = Study of Religion*, 2019, no. 2, pp. 114–121. DOI: 10.22250/2072-8662.2019.2.114-121. (In Russ.).
22. Gerasimenko A.P. B.P. Vycheslavzeff on religious roots of law. *Religiovedenie = Study of Religion*, 2020, no. 1, pp. 101–113. DOI: 10.22250/2072-8662.2020.1.101-113. (In Russ.).
23. Ovchinnikov A.V. Traditions of public education law as a factor in the formation of Russian youth patriotism (historical and pedagogical aspect). *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, 2022, no. 4, pp. 42–51. (In Russ.).
24. Romanovskaya O.V. Act on patriotism: restrictions on the right to privacy in the USA in order to counter terrorism. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = The science. Society. State*, 2017, vol. 5, no. 2 (18), available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovskaya_ov_17_2_02.pdf. (In Russ.).
25. Kalenchuk E. Corporate culture in the context ideological processes. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Filosofsko-gumanitarnye nauki*, 2015, no. 14, pp. 191–197. (In Russ.).
26. Harichev A.D., Shutov A.Yu., Polosin A.V., Sokolova E.N. Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (based on research and testing materials). *Zhurnal politicheskikh issledovaniy = Journal of Political Research*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 9–19. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19. (In Russ.).
27. Chuev S.V. (ed.). *Value orientations of Russian youth and the implementation of state youth policy: research results*, Monograph, under the general editorship of S.V. Chuev. Moscow, State University of Management Publ., 2017. 131 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гришанин Никита Владимирович – кандидат культурологии, ¹старший научный сотрудник, ²руководитель магистерской программы «Консалтинг и репутационный менеджмент в рекламе и связях с общественностью»

¹ Государственный академический университет гуманитарных наук

² Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС

¹ 119049, Россия, г. Москва, Мароновский пер., 26

² 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43

E-mail: grishanin-nv@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-8872-633X

РИНЦ AuthorID: 633945

Миневиц Яков Владимирович – кандидат социологических наук, ¹старший научный сотрудник, ²заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью

¹ Государственный академический университет гуманитарных наук

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Nikita V. Grishanin – PhD in Cultural Studies; ¹Senior Researcher; ²Head, Master's program “Consulting and Reputation Management in Advertising and Public Relations”

¹ State Academic University for the Humanities

² North-West Institute of Management – branch of RANEPA

¹ 26, Maronovskii per., Moscow, 119049, Russia

² 57/43, Srednii pr. V.O., St. Petersburg, 199178, Russia

E-mail: grishanin-nv@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-8872-633X

RSCI AuthorID: 633945

Yakov V. Minevich – PhD in Sociology; ¹Senior Researcher; ²Head, Department of Advertising and Public Relations

¹ State Academic University for the Humanities

² Moscow State Institute of Culture

¹ 26, Maronovskii per., Moscow, 119049, Russia

² *Московский государственный институт культуры*

¹ 119049, Россия, г. Москва, Мароновский пер., 26

² 141406, Россия, г. Химки, ул. Библиотечная, 7

E-mail: minevich@rim-pn.ru

Соколова Татьяна Дмитриевна – кандидат политических наук, доцент Школы коммуникаций факультета креативных индустрий

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

E-mail: tdsokolova@hse.ru

Товстий Влада Владимировна – магистрант Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС

199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр.

В.О., 57/43

E-mail: vtovstiy-21@edu.ranepa.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гришанин Н.В. Современные реалии формирования корпоративной культуры в молодежной среде: взаимодействие права и идеологии / Н.В. Гришанин, Я.В. Миневич, Т.Д. Соколова, В.В. Товстий // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 15–24. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).15-24.

² 7, Bibliotichaya ul., Khimki, 141406, Russia

E-mail: minevich@rim-pn.ru

Tatiana D. Sokolova – PhD in Politics, Associate Professor, School of Communications, Faculty of Creative Industries

HSE University

20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russia

E-mail: tdsokolova@hse.ru

Vlada V. Tovstiy – master's student

North-West Institute of Management – branch of RANEPa

57/43, Srednii pr. V.O., St. Petersburg, 199178, Russia

E-mail: vvtovstiy-21@edu.ranepa.ru

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Grishanin N.V., Minevich Ya.V., Sokolova T.D., Tovstiy V.V. Modern realities of corporate culture formation in the youth environment: interaction of law and ideology. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 15–24. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).15-24. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

УДК 342.7

DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(1).25-32

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Н. Костюков, Т.С. Черепанова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

28 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Выдвинута гипотеза о влиянии цифровой трансформации на конституционно-правовые основы государства. Проведен анализ возможного изменения их формы, содержания и системы реализации.

Ключевые слова

Цифровая трансформация,
цифровое государство, основы
конституционного строя,
трансформация
конституционных принципов,
право на доступ в Интернет,
цифровой профиль, принцип
цифрового государства,
информационное общество

THE IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION ON THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexander N. Kostyukov, Tatyana S. Cherepanova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2022 September 28

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

The subject. The impact of digital transformation on the foundations of the constitutional system, namely the possibility of its influence on their form, content and implementation system, has been studied in this article. The authors put forward a hypothesis about the formation of the principle of the digital state, which underlies the interaction of society and the state in the conditions of building a digital economy in Russia. Active implementation of this principle was observed during the COVID-19 pandemic. Also, the factors that can give an obvious and non-obvious impetus to the transformation of the constitutional identity of the foundations of the constitutional system are identified.

Keywords

Digital transformation, digital
state, foundations of the
constitutional system,
transformation of constitutional
principles, the right to access the
Internet, digital profile, the
principle of the digital state,
information society

The main functions of the constitutional principles are to preserve the stability of the foundations of the constitutional system and constitutional identity. We believe that modern legal science needs to comprehend the formation of new principles of interaction between society and public authorities, under the influence of digital technologies.

1. Введение

В мире наступил новый виток исторического развития, ознаменовавший себя как четвертая промышленная революция. Встречая 2019 г., никто в мире и подумать не мог, что к 2022 г. IT-специалисты станут самыми востребованными в мире. Ни одна государственная услуга (медицинская, образовательная, правоохранительная, налоговая, нотариальная и др.) не сможет быть оказана на высоком уровне без использования информационно-коммуникационных технологий. Толчком к мгновенному вынужденному переходу на новый принцип взаимодействия человека, государственного органа, органа государственной власти, общества явилась пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. В целях сокращения распространения вирусной инфекции ряд органов государственной власти, государственных органов, образовательных, медицинских учреждений по Указу Президента РФ от 20 октября 2021 г. № 595¹ и на основании Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ² ушли на удаленный режим работы («удаленка»). Сферы частного бизнеса, индивидуальной предпринимательской деятельности тоже не остались в стороне. Россия не стала первооткрывателем в этом направлении, «удаленка» охватит весь мир, как и пандемия. В рамках нашего исследования назовем принцип, лежащий в основе реализации электронного удаленного взаимодействия органов публичной власти с человеком и обществом, – принцип цифрового государства.

Целью исследования является изучение влияния принципа цифрового государства на конституционно-правовые основы Российской Федерации. Объектом исследования послужили изменения содержания правового регулирования общественных отношений под влиянием цифровизации. Цель предопределила задачи исследования:

– проанализировать влияние цифровой трансформации на конституционно-правовые основы Российской Федерации;

– определить правовую природу принципа цифрового государства как основы конституционного строя.

Для проведения глубокого изучения, анализа и сравнения эмпирического, практического, теоретического и научных материалов были использованы частно-научный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы.

2. Влияние цифровой трансформации на конституционно-правовые основы Российской Федерации

Конституционно-правовые основы Российской Федерации являются конституцией в конституции, поскольку гл. 1, 2, 9 Конституции РФ не подлежат пересмотру Федеральным Собранием РФ. Эта особенность характеризует жесткий порядок изменения нормативно-правового акта, обладающего высшей юридической силой в национальной правовой системе России. С точки зрения объективной действительности де-юре цифровая трансформация не в силах изменить основы конституционного строя России, но де-факто основы конституционного строя переживают изменение формы и процедуры их реализации и без разумной модификации выступают инструментом стагнации развития общественных отношений, консервируют развитие взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности общества и публичной власти.

По мнению А.В. Блещика, Е.Г. Калининой, С.Э. Несмеяновой, существует несколько типов трансформации конституционной идентичности, в рамках нашего исследования интересна внезапная трансформация – «это, по общему правилу, ответная реакция идентичности на некоторые факторы, очевидные и неочевидные» [1, с. 92]. Пандемия коронавирусной инфекции – прямой и очевидный фактор. Распространение Интернета, цифровизация носят отсроченный характер, являясь неочевидными факторами.

Между тем информационно-цифровые технологии изменяют фундаментальные принципы, лежащие в основе формирования диалога общества и власти (см., напр.: [2–12]). Текст Конституции РФ не содержит понятие «информационно-цифровое пространство (киберпространство)», но при этом ежедневно миллионы людей, имеющие устойчивую правовую связь с различными государствами, включая Россию, вступают в правоотношения, в том числе конституцион-

рации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50. Ст. 8052.

¹ Указ Президента РФ от 20 октября 2021 г. № 595 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в октябре – ноябре 2021 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 43. Ст. 7240.

² Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Феде-

ные, именно в нем. В науке конституционного права не сложилась единая точка зрения на содержание конституционных правоотношений, основ конституционного строя, конституционных принципов.

Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин под основами конституционного строя Российской Федерации предлагают понимать устои государства, его основные принципы, обеспечивающие России характер конституционного государства [13, с. 125]. А.Л. Захаров считает, что принципы могут быть одновременно основными идеями и нормами права [14, с. 24]. Наиболее многосторонней видится позиция В.В. Невинского – по его мнению, принципы можно рассматривать в трех категориях:

- 1) система научных идей, учений, доктрин;
- 2) основные цели развития общества и государства;
- 3) правовые категории, закрепленные в Основном законе государства [15, с. 11–12].

В рамках нашего исследования конституционными правоотношениями будем определять общественные отношения, урегулированные Конституцией РФ в сфере основ конституционного строя, правового статуса личности, федеративного устройства и организации системы органов публичной власти, а основами конституционного строя – основные цели развития общества и государства, обоснованные научно. Сама юридическая природа конституционных правоотношений, включающая в себя частные и публичные начала, затрагивает основополагающие ценности для общества и государства.

С.А. Мосин описывает триединое начало основных свойств конституционных принципов: аксиоматичность, презумптивность и догматическая фиктивность, – сквозь призму которых достигаются конституционные цели и сохраняются ценности [16].

На сегодняшнем этапе развития российского общества взят курс на построение «информационного общества», основными ценностями которого становятся информация и знания. Последние, в свою очередь, черпаются при наличии доступа:

- в информационно-цифровое пространство, базирующееся на всемирной системе (сети) передачи и хранения информации «Интернет»;
- к цифровым и компьютерным технологиям.

Среди новых конституционных ценностей выделим доступ к сети «Интернет» как одно из основных прав человека. Опыт закрепления такого права как основного имеется у Франции и Эстонии [17].

Таким образом, для того чтобы ощущать себя полноправным членом общества, обладающим ин-

формацией и знаниями, необходимо затратить финансовые средства для приобретения указанных мощностей. Автоматически реализация прав и свобод человека и гражданина, таких как право на образование, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, спотыкается о наличие финансовых возможностей гражданина. Отдельно обратим внимание на право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Сегодняшние должностные обязанности в подавляющем большинстве профессий и квалификаций неразрывно связаны с каждодневной ежеминутной деятельностью человека за компьютером, что в свою очередь пагубно отражается на его физическом и психическом здоровье. Итак, информационно-цифровое пространство становится новой сферой человеческого бытия и объектом правового воздействия (см., напр.: [18–20]).

По мнению Н.С. Бондаря, информационно-цифровое пространство (киберпространство) формирует новые принципы взаимоотношений публичной власти с человеком и обществом [21, с. 30]. В рамках нашего исследования назовем один из них «принцип цифрового государства». Он не нашел своего прямого отражения в Конституции РФ и конституциях зарубежных государств. Тем не менее современные цели развития российского и зарубежных обществ требуют правовой регламентации этого феномена.

Внедрение системы электронного голосования совершенно очевидно повлекло трансформацию демократии в электронную демократию, как следствие, высшим и непосредственным выражением власти народа становятся электронные выборы.

Отдельно остановимся на понятии государственного суверенитета. Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. Конституция РФ и федеральные законы имеют верховенство на всей территории нашей страны (ст. 4). Тем не менее информационно-цифровое пространство (киберпространство) обладает свойством экстерриториальности. Суверенитет в киберпространстве – это тема отдельного исследования [22]. Базой для реализации «принципа цифрового государства» в данном случае станет принцип распространения суверенитета и единства государственной целостности на российский сегмент сети «Интернет» – «Рунет» [17].

Целесообразно отметить, что, в условиях построения цифровой экономики в России, цифровая трансформация неизбежно захлестнула изменение принципов единства экономического пространства, свободного перемещения товаров и услуг, свободы

конкуренции, точнее – расширила сферу их правового регулирования [23]. Экономическая деятельность теперь осуществляется в том числе в «Рунете».

3. Правовая природа конституционно-правовых основ цифрового государства

С.В. Малюгин под правовой природой предлагает понимать «набор постоянных, существенных характеристик юридического объекта, проявляющихся в процессе его познания, позволяющих определить смысловое значение правового явления, а также установить принадлежность юридического факта гипотезе нормы права или иного объекта, связанного с правом, соответствующей юридической категорией» [24, с. 53]. Данный параграф посвятим исследованию содержания принципа цифрового государства, позволяющего описать смысловое значение этого правового явления для развития общества и государства в России. Итак, под влиянием внешнеэкономических и международных процессов в условиях пандемии во всем мире коммуникации между гражданами, органами государственной власти, между государственными учреждениями и гражданами складывались при помощи информационно-коммуникационных и цифровых технологий. Конечно, оказание государственных услуг при помощи информационно-коммуникационных технологий в России многие получали и до пандемии, не выходя из дома, зарегистрировавшись на сайте «Государственные услуги». Тем не менее в условиях распространения смертельно опасного вируса COVID-19 ряд государственных органов и органов государственной власти на законных основаниях перешли к реализации своих отдельных полномочий исключительно при помощи цифровых технологий³. Понятия «электронный больничный», «электронная трудовая книжка», «QR-код» – в качестве сертификата о вакцинации – прочно вошли в нашу жизнь. Гарантия общедоступности и бесплатности основного общего и среднего профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях становится условной, так как реализуется только при возможности получить удаленный доступ к оплачиваемому цифровому взаимодействию с преподавателем.

Такие перемены разделили общество в России на сторонников и противников цифровизации. Очень часто антипатия к термину «цифра» обуславливается:

- религиозными убеждениями граждан;
- страхом прошлого – присваивания номеров взамен личных имен узникам концентрационных лагерей в нацистской Германии;
- исторической памятью тоталитарного политического режима с его контролем всех сфер жизнедеятельности общества;
- недоверием представителям органов публичной власти.

Неотъемлемой частью основ конституционного строя Российской Федерации является набор характеристик государства. Статья 1 Конституции РФ устанавливает, что Российская Федерация есть демократическое, федеративное, правовое государство с республиканской формой правления. Статья 7 характеризует государство также как социальное, а ст. 14 – как светское. «Принцип цифрового государства» базируется на выстраивании диалога между органами государственной власти и народом при реализации общепризнанных прав и свобод человека и гражданина с помощью информационно-коммуникационных, цифровых технологий. При реализации данного принципа государство гарантирует защиту персональных данных и бесплатный доступ к сети «Интернет». Персональные данные граждан становятся объектом права и содержанием единого федерального информационного регистра⁴. В юридическую практику введено новое понятие – «цифровой профиль». Согласимся с мнением Е.В. Виноградовой об отсутствии целевого и качественного характера формирования совокупности данных, включенных законодателем в понятие «цифровой профиль» [25]. На наш взгляд, требует осмысления соотношение цифрового и правового статуса личности.

Демократия в цифровом государстве обретает новую форму – цифровой демократии: формирования органов публичной власти при помощи электронных выборов. Информация в цифровом государстве становится основным ресурсом, источником власти.

³ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821 (ред. от 29 апреля 2020 г.) «О приостановлении личного приема граждан в судах»; Письмо Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 7 мая 2020 г. № СД-АГ/667 «О деятельности судов и органов Судебного департамента в полном объеме с 12 мая 2020 года».

⁴ Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 24. Ст. 3742.

Цифровой документооборот вытесняет бумажный, становится базой для закрепления, подтверждения и реализации основных прав и свобод человека и гражданина с использованием электронной цифровой подписи (смарт-контракт, электронный больничный, электронная трудовая книжка и др.). Право на доступ в Интернет становится базой для осуществления власти народа, реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Денежная единица обретает цифровую форму: цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровой рубль⁵. Свободное перемещение товаров и услуг, информации в киберпространстве является частью развитой цифровой экономики (см., напр.: [26–30]). Появляются новые качества и свойства принятия политических решений в автоматизированном режиме, иногда без участия человека. Государственные органы становятся координаторами развития онлайн-сервисов, удовлетворяющих потребности граждан.

4. Заключение

Под воздействием цифровой трансформации конституционно-правовые основы становятся не только инструментом, обеспечивающим гарантии социального бытия, но и объектом цифровизации, в результате чего они претерпевают изменение формы, содержания и системы своей реализации. Происходит упрощение формальных процедур осуществления конституционных прав и свобод человека и гражданина, базирующихся на праве на доступ в Интернет как основном праве человека в современном информационном обществе, обеспечивающем реализацию «принципа цифрового государства». Главным условием преодоления стагнации в развитии цифрового государства и информационного общества становится государственная гарантия, обеспечивающая каждому гражданину реализацию права на доступ к информации в сети «Интернет».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блещик А. В. Трансформация конституционной идентичности государства в условиях вызовов современности / А. В. Блещик, Е. Г. Калинина, С. Э. Несмеянова // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 87–100. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).87-100.
2. Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 7. – С. 23–28.
3. Боброва Н. А. Цифровизация: плюсы и минусы / Н. А. Боброва // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 10. – С. 23–25.
4. Шахрай С. М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе / С. М. Шахрай // Вестник Российской академии наук. – 2018. – Т. 88, № 12. – С. 1075–1082. – DOI: 10.1134/S1019331618060126.
5. Безруков А. В. Современная модель конституционного правопорядка: Контуры формирования / А. В. Безруков, И. В. Тепляшин // Журнал российского права. – 2021. – № 1. – С. 77–88. – DOI: 10.12737/jrl.2021.008.
6. Бочков А. А. Современное государство и право в условиях цифровой реальности / А. А. Бочков // Право. Экономика. Психология. – 2019. – № 1 (13). – С. 3–9.
7. Государство и право в новой цифровой реальности : моногр. / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. И. А. Умновой-Конюховой и д-ра техн. наук, проф. Д. А. Ловцова. – М. : ИНИОН РАН, 2020. – 259 с.
8. Киричек Е. В. Информационно-цифровая сфера общественной жизни: взгляд через призму конституционно-правовой действительности / Е. В. Киричек // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 4 (56). – С. 23–29.
9. Киричек Е. В. Цифровизация в конституционно-правовом измерении / Е. В. Киричек // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 4 (95). – С. 29–40. – DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10078.

⁵ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп.,

вступ. в силу с 1 декабря 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 31.07.2020. № 0001202007310056.

10. Киричек Е. В. Цифровизация конституционно-правовой и общественно-политической жизни современной России: положительные и отрицательные стороны / Е. В. Киричек // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2020. – № 3 (53). – С. 33–40.
11. Федорова П. А. Глобализация и ее влияние на право / П. А. Федорова // Юрист. – 2020. – № 10. – С. 12–17. – DOI: 10.18572/1812-3929-2020-10-12-17.
12. Саурин А. А. Цифровизация как фактор трансформации права / А. А. Саурин // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8. – С. 26–31.
13. Козлова Е. И. Конституционное право России : учеб. / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2022. – 585 с.
14. Захаров А. Л. Принципы права / А. Л. Захаров, К. С. Захарова, С. Н. Ревина. – Самара : Офорт, 2010. – 598 с.
15. Невинский В. В. Основы конституционного строя Российской Федерации как система конституционных принципов / В. В. Невинский // Российский юридический журнал. – 2004. – № 1 (41). – С. 9–14.
16. Мосин С. А. Свойства конституционных принципов / С. А. Мосин // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 126–136. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).126-136.
17. Лунгу Е. В. Тенденции развития конституционных правоотношений в свете перехода к Digital state / Е. В. Лунгу // Российская юстиция. – 2020. – № 2. – С. 61–63.
18. Кириллова Е. А. Институт цифровых прав в гражданском праве России / Е. А. Кириллова, Т. Э. Зульфугарзаде, С. Е. Метелев // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 245–256. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).245-256.
19. Липень С. В. Законы о нормативных правовых актах стран СНГ – индикаторы процессов информатизации и цифровизации системы законодательства / С. В. Липень // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 8. – С. 22–33. – DOI: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.022-033.
20. Овчинников А. И. «Цифровой Левиафан» и права человека: риски инноваций в праве и государственном управлении / А. И. Овчинников // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 227–229.
21. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25–42.
22. Шахназаров Б. А. Территориальный принцип охраны интеллектуальной собственности и действие государственного суверенитета в цифровом пространстве / Б. А. Шахназаров // Lex russica. – 2018. – № 12. – С. 132–144. – DOI: 10.17803/1729-5920.2018.145.12.132-144.
23. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики : моногр. / под ред. И. А. Цинделиани. – М. : Проспект, 2019. – 320 с.
24. Малюгин С. В. Категория «правовая природа»: понятие, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению / С. В. Малюгин // Российский юридический журнал. – 2016. – № 3 (108). – С. 46–58.
25. Виноградова Е. В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации / Е. В. Виноградова, Т. А. Полякова, А. В. Минбалева // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 5–19. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19.
26. Кравец И. А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства / И. А. Кравец // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 9. – С. 9–15.
27. Balayan E. The Impact of Globalisation on the Constitutional Regulation of Human Rights / E. Balayan // BRICS Law Journal. – 2021. – Vol. 8, no. 1. – P. 63–85. – DOI: 10.21684/2412-2343-2021-8-1-63-85.
28. Kharitonova Yu. Digital Platforms in China and Europe: Legal Challenges / Yu. Kharitonova, L. Sannikova // BRICS Law Journal. – 2021. – Vol. 8, no. 3. – P. 121–147. – DOI: 10.21684/2412-2343-2021-8-3-121-147.
29. Василевич Г. А. Пандемия коронавируса как основание ограничения прав и свобод человека / Г. А. Василевич, И. Ю. Остапович, Е. Г. Калинина // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 62–76. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).62-76.
30. Лаптев В. А. Цифровая трансформация инструментов управления современными корпорациями: состояние и пути развития / В. А. Лаптев, С. Ю. Чуча, Д. Р. Фейзрахманова // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 229–244. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).229-244.

REFERENCES

1. Bleshchik A.V., Kalinina E.G., Nesmeyanova S.E. Transformation of constitutional identity due to contemporary challenges. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 87–100. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).87-100. (In Russ.).
2. Avakyan S.A. The information space of knowledge, digital world and constitutional law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2019, no. 7, pp. 23–28. (In Russ.).
3. Bobrova N.A. Digitalization: pros and cons. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2019, no. 10, pp. 23–25. (In Russ.).
4. Shakhrai S.M. Digital Constitution: Fundamental Rights and Freedoms of an Individual in a Totally Informational Society. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 88, no. 6, pp. 441–447. DOI: 10.1134/S1019331618060126.
5. Bezrukov A.V., Teplyashin I.V. The modern model of constitutional law: the contours of the formation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2021, no. 1, pp. 77–88. DOI: 10.12737/jrl.2021.008. (In Russ.).
6. Bochkov A.A. Modern state and law in the digital reality. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya = Law. Economy. Psychology*, 2019, no. 1 (13), pp. 3–9. (In Russ.).
7. Umnova-Konyukhova I.A., Lovtsova D.A. (eds.). *State and law in the new digital reality*, Monograph. Moscow, INION RAS Publ., 2020. 259 p. (In Russ.).
8. Kirichek E.V. Information and digital sphere of public life: a view through the prism of constitutional and legal reality. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*, 2020, no. 4 (56), pp. 23–29. (In Russ.).
9. Kirichek E.V. Digitalization in the constitutional and legal dimension. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2020, no. 4 (95), pp. 29–40. DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10078. (In Russ.).
10. Kirichek E.V. Digitalization of constitutional-legal and socio-political life of modern Russia: positive and negative aspects. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*, 2020, no. 3 (53), pp. 33–40. (In Russ.).
11. Fedorova P.A. Globalization and Its Influence on Law. *Yurist = Jurist*, 2020, no. 10, pp. 12–17. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-10-12-17. (In Russ.).
12. Saurin A.A. Digitization as a law transforming factor. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2019, no. 8, pp. 26–31. (In Russ.).
13. Kozlova E.I., Kutafin O.E. *Constitutional law of Russia*, Textbook, 3rd ed. Moscow, Yurist Publ., 2022. 585 p. (In Russ.).
14. Zakharov A.L., Zakharova K.S., Revina S.N. *Principles of law*. Samara, Ofort Publ., 2010. 598 p. (In Russ.).
15. Nevinsky V.V. Fundamentals of the constitutional system of the Russian Federation as a system of constitutional principles. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*, 2004, no. 1 (41), pp. 9–14. (In Russ.).
16. Mosin S.A. Properties of constitutional principles. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 126–136. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).126-136. (In Russ.).
17. Lungu E.V. Trends in the development of constitutional legal relations in the light of the transition to digital state. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2020, no. 2, pp. 61–63. (In Russ.).
18. Kirillova E.A., Zulfugarzade T.E., Metelev S.E. The institution of digital rights in Russian civil law. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 245–256. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).245-256. (In Russ.).
19. Lipen S.V. Laws on normative legal acts of the cis countries – indicators of informatization and digitalization processes in the legislation system. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 8, pp. 22–33. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.022-033. (In Russ.).
20. Ovchinnikov A.I. Digital Leviathan and human rights: risks of innovations in law and public administration. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2021, no. 15, pp. 227–229. (In Russ.).
21. Bondar N.S. Information and digital space in the constitutional dimension: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 25–42. (In Russ.).

22. Shakhnazarov B.A. Territorial Principle of Intellectual Property Protection and the Effect of State Sovereignty in the Digital Space. *Lex russica*, 2018, no. 12, pp. 132–144. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.145.12.132-144. (In Russ.).
23. Tsindeliani I.A. (ed.). *Financial law in the conditions of digital economy development*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 320 p. (In Russ.).
24. Malyugin S.V. A category of legal nature in jurisprudence: the notion, determinants, key features, and approaches to understanding. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*, 2016, no. 3 (108), pp. 46–58. (In Russ.).
25. Vinogradova E.V., Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Digital profile: the concept, regulatory mechanisms and enforcement problems. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 5–19. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19. (In Russ.).
26. Kravets I.A. Informational and digital constitutionalism and constitutional public initiatives in conditions of the Russian legal framework. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2020, no. 9, pp. 9–15. (In Russ.).
27. Balayan E. The Impact of Globalisation on the Constitutional Regulation of Human Rights. *BRICS Law Journal*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 63–85. DOI: 10.21684/2412-2343-2021-8-1-63-85.
28. Kharitonova Yu., Sannikova L. Digital Platforms in China and Europe: Legal Challenges. *BRICS Law Journal*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 121–147. DOI: 10.21684/2412-2343-2021-8-3-121-147.
29. Vasilevich G.A., Ostapovich I.Yu., Kalinina E.G. Coronavirus pandemic as a reason for limitation of human rights and freedoms. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 62–76. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).62-76. (In Russ.).
30. Laptsev V.A., Chucha S.Yu., Feyzrakhmanova D.R. Digital transformation of modern corporation management tools: the current state and development paths. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 229–244. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).229-244. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Костюков Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой государственного и муниципального права Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: omsk.post@gmail.com
SPIN-код РИНЦ: 1428-1209; AuthorID: 353695

Черепанова Татьяна Сергеевна – аспирант 3-го курса юридического факультета Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: tata.nk@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 8665-3050

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Костюков А.Н. Влияние цифровой трансформации на конституционно-правовые основы Российской Федерации / А.Н. Костюков, Т.С. Черепанова // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 25–32. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).25-32.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Alexander N. Kostyukov – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation; Head, Department of State and Municipal Law Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: omsk.post@gmail.com
RSCI SPIN-code: 1428-1209; AuthorID: 353695

Tatyana S. Cherepanova – 3rd year postgraduate student, Faculty of Law Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: tata.nk@yandex.ru
RSCI SPIN-code: 8665-3050

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kostyukov A.N., Cherepanova T.S. The impact of digital transformation on the constitutional and legal foundations of the Russian Federation. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 25–32. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).25-32. (In Russ.).

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

А.Н. Вылегжанин, П.В. Сотскова

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

29 декабря 2021 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Ключевые слова

Биологическое разнообразие, генетические ресурсы, охрана окружающей среды, международное экологическое право, районы за пределами действия национальной юрисдикции

Вопрос, сложились ли контуры международно-правового режима генетических ресурсов, исследуется в контексте, прежде всего, применимых норм о биоразнообразии и растущей осведомленности государств о востребованности научно уточненных правовых мер охраны окружающей среды. Анализируются действующие международно-правовые нормы о генетических ресурсах, а также разрабатываемый в настоящее время проект договора о сохранении и устойчивом использовании биоразнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции. Рассматриваются и варианты перспективы уточнения правового режима генетических ресурсов на региональном уровне.

GENETIC RESOURCES AS AN OBJECT OF INTERNATIONAL LAW

Alexander N. Vylegzhanin, Polina V. Sotskova

MGIMO University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2021 December 29

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

Keywords

Biological diversity, genetic resources, environmental protection, international environmental law, areas beyond national jurisdiction

The article examines whether the legal regime of genetic resources is outlined in the context of applicable rules relating to biological diversity. The purpose of the research is to confute the prospects for the formation of a universal legal regime for genetic resources, in the context of the draft UN Agreement on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity in Areas beyond National Jurisdiction, and the possibilities of using regional mechanisms in this domain.

The methodology of the research includes the formal legal, comparative, historical, systemic and structural methods. The authors analyze and examine applicable international legal sources, including the 1992 Convention on Biological Diversity and its 2010 Nagoya Protocol. On the basis of the systemic and structural method the authors carry out the analysis of the sources of international law related to the conservation and sustainable use of genetic and other biological resources.

The main results. The international community's interest in genetic resources results from the growing need to take more informed environmental decisions. The relevant universal legal basis, created by the 1992 Convention on Biological Diversity, does not provide answers to some important questions, including the detailed legal definition of the term "genetic resources", though the relevant definition contained in the 1992 Convention remains the only one that has been accepted by a large number of states. It is possible that states will be able to develop a more concrete legal rules relating to the genetic resources in the course of negotiating the UN Agreement on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity in Areas beyond National Jurisdiction. However, the development of such a universal international treaty might require a lot of effort in order to reconcile the divergent interests of states.

Conclusions. Based on the analysis of applicable international law, the authors assert that the generally outlined legal basis for conservation of biodiversity, laid down by the 1992 Convention, demands further detailing in the modern context. The UN process on the con-

servation and sustainable use of marine biological diversity in areas beyond national jurisdiction is likely to take considerable efforts of participating actors before the appropriate legal mechanisms are agreed upon. So regional legal regimes might be an appropriate way to ensure the efficient management of genetic resources taking into account peculiarities of each individual region.

1. Введение

Устойчивое использование природных ресурсов [1], предусмотренное в международно-правовых документах [2, с. 6–28], сводится к «толковому управлению природой», к решениям на основе лучших научных данных, причем в «долговременной перспективе» [3, р. 9]. На такой основе природоохранная политика государства подразумевает вовлечение лучших механизмов управления природными ресурсами, более эффективное их использование (продовольственное, коммерческое, медицинское). Это обусловило, в частности, постановку вопроса об уточнении правового режима и генетических ресурсов. В юридических исследованиях сохранение «генетического разнообразия» рассматривается как необходимость, поскольку, например, еще в 1990 г. кора тихоокеанского дерева (*the Pacific Yew tree*) использовалась для лечения рака, а из «материалов живой и неживой природы» производятся многие «полезные продукты химической промышленности», «продукция фармацевтической отрасли» и т. д. [4, р. 814]. Генетические ресурсы нужны и для снижения последствий загрязнения морской среды посредством биоремедиации, для обеспечения продовольственной безопасности [5; 6]. Кроме того, в настоящее время разрабатывается проект универсального международного договора – в развитие тех положений *Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.*¹ (далее – Конвенция 1982 г.), которые касаются сохранения биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции. Как предлагается, новый договор будет регулировать доступ к генетическим ресурсам в названных районах, а биоматериал, содержащийся в них, представляет растущую ценность для человечества в контексте нынешней технологической и информационной революции. С учетом изложенного, в данной статье анализируются международно-правовые нормы о генетических ресурсах. В задачи иссле-

дования входят выявление содержания понятия «генетические ресурсы» в международном праве, анализ действующих документов по теме и имеющихся научно-правовых оценок. Об актуальности такого исследования свидетельствуют и разные позиции государств, обозначенные при разработке проекта упомянутого соглашения о сохранении морского биоразнообразия.

2. Генетические ресурсы как понятие естественных наук и международного права

Все живые организмы (животные, растения, микроорганизмы) являются носителями генетического материала, ценного для человечества. Такие ресурсы могут быть получены от диких и от одомашненных или культивируемых видов как в естественных условиях обитания (*in situ*), так и в условиях, специально созданных человеком, например в ботанических садах, генетических банках, семенных фондах и коллекции культур микроорганизмов (*ex situ*)². Вопрос об определении понятия «генетические ресурсы» (как и понятий «генетический код», «ДНК») давно решен в рамках естественных наук. А дискуссии о статусе генетических ресурсов привели к разработке первых договорных определений данного понятия. Государства, принимая на себя права и обязанности по международному договору, заинтересованы в том, чтобы иметь единое понимание его терминов. Причем определения термина в праве и в естественных науках могут не совпадать [7, р. 14]; в международном праве квалификация континентального шельфа, например, отличается от его обозначения в геологии [8, с. 128].

В авторитетном англоязычном юридическом словаре термины *Genetic fingerprinting / DNA identification* определены следующим образом: это «анализ дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), в результате которого определяется химическая структура генетической информации человека»; это метод «определения деструктивных паттернов в генетиче-

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10 декабря 1982 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Конвенция о биологическом разнообразии: ABS (доступ и совместное использование выгод). Понятие доступа и сов-

местного использования выгод / сост. Секретариатом при Конвенция о биол. разнообразии. 2011. URL: <https://www.cbd.int/abs/infokit/revise/web/brochure-ru.pdf> (дата обращения: 19.08.2021).

ском материале для определения источника биологического образца, такого как ткань, кровь или волосы» [9, р. 480]. Понятие «генетические ресурсы» в Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. (далее – Конвенция 1992 г.) увязано с понятием «биологическое разнообразие»; последнее включает в себя триаду «разнообразие в рамках вида, между видами и разнообразие экосистем»³; генетические ресурсы относятся к одной из групп живых организмов, на сохранение которых нацеливает конвенция. В порядке ее толкования отмечено, что в названной триаде первое («разнообразие в рамках вида») подразумевает прежде всего разнообразие на генетическом уровне [10, р. 12]. Дано и конвенционное определение таких ресурсов: «генетические ресурсы» означают генетический материал, представляющий фактическую или потенциальную ценность (ст. 2). А к генетическому материалу Конвенция 1992 г. относит «любой материал растительного, животного, микробного или иного происхождения, содержащий функциональные единицы наследственности». Аналогичное определение содержится в *Международном договоре о генетических ресурсах растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства 2001 г.* (далее – Договор 2001 г.): «Генетические ресурсы растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства означают любой генетический материал растительного происхождения, представляющий фактическую или потенциальную ценность для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства»; понятие «генетический материал» означает «любой материал растительного происхождения, включая репродуктивный и вегетативный материал для размножения, содержащий функциональные единицы наследственности»⁴. Как сказано в Договоре 2001 г., целями являются «сохранение и устойчивое использование генетических ресурсов растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства, справедливое и равноправное

распределение выгод, получаемых от их использования в соответствии с положениями Конвенции о биологическом разнообразии для оказания содействия устойчивому ведению сельского хозяйства» (ст. 1).

Международно-правовое содержание понятия «генетические ресурсы» может быть уточнено в ходе разработки проекта названного выше международного договора о сохранении и устойчивом использовании морского биоразнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции. На Конференции по согласованию этого документа отмечено, что общеприемлемое определение морских генетических ресурсов должно включать четыре характеристики: 1) животное, растительное, микробное или иное происхождение из океанов и морей; 2) наличие функциональных единиц наследственности; 3) наличие фактической или потенциальной ценности; 4) нахождение в районах за пределами действия национальной юрисдикции⁵. В проекте договора предложены дефиниции: 1) морские генетические ресурсы означают генетический материал морского растительного, животного, микробного или иного происхождения, содержащий функциональные единицы наследственности и некодирующие области нуклеиновых кислот и имеющий фактическую или потенциальную ценность с точки зрения его генетических и биохимических свойств, включая генетическую информацию⁶; 2) «морской генетический материал» означает материал морского растительного, животного, микробного или иного происхождения, содержащий функциональные единицы наследственности и имеющий фактическую или потенциальную ценность.

Согласно определениям понятия «генетический материал» в Конвенции 1992 г. и в Договоре 2001 г. его ключевым элементом являются «функциональные единицы наследственности». Ограничительное толкование этого термина приводит к тому, что сфера применения понятия «генетические ре-

³ Конвенция о биологическом разнообразии (заключена в Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Международный договор о генетических ресурсах растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <http://www.fao.org/3/i0510r/i0510r.pdf> (дата обращения: 21.09.2022).

⁵ Chair's streamlined non-paper on elements of a draft text of an international legally-binding instrument under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the conservation

and sustainable use of marine biological diversity of areas beyond national jurisdiction // United Nations: official site. URL: http://www.un.org/depts/los/biodiversity/prepcom_files/Chairs_streamlined_non-paper_to_delegations.pdf (дата обращения: 16.08.2021).

⁶ The Revised draft text of an agreement under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the conservation and sustainable use of marine biological diversity of areas beyond national jurisdiction. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/368/56/PDF/N2236856.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.12.2022).

сурсы» ограничивается генами, хотя на практике его применение более широкое⁷. Так, в Нагойском протоколе 2010 г. в таком контексте использовано понятие «дериваты» – «естественно встречающееся биохимическое соединение, являющееся результатом генетической экспрессии или метаболизма биологических или генетических ресурсов, даже если он не содержит функциональных единиц наследственности»⁸. Термин «дериваты» связан с понятием «биотехнологии», предусмотренным Конвенцией 1992 г., а последнее, в свою очередь, Нагойским протоколом включено в понятие «использование генетических ресурсов», под которым понимается «проведение исследований и разработок генетического и/или биотехнологического состава генетических ресурсов, в том числе путем применения биотехнологии». Такие юридические формулировки, как отмечено, позволяют широко определять режим генетических ресурсов, включая в это понятие и гены, и «дериваты» [11].

Другой вопрос, связанный с определением понятия «генетические ресурсы»: что означает договорное выражение «представляющий фактическую или потенциальную ценность»? Например, в Конвенции 1992 г. признаётся «непреходящая ценность биологического разнообразия, а также экологическое, генетическое, социальное, экономическое, научное, воспитательное, культурное, рекреационное и эстетическое значение биологического разнообразия и его компонентов». Генетические ресурсы признаются ценными с различных точек зрения [12, р. 105], ценность предложено понимать как социальную, культурную, экономическую и т. д. [13]. При этом указание и на «фактическую», и на «потенциальную» ценность рассматривается как отсылка к «уровню развития техники»; «фактическая ценность» относится к ценности генетического материала, связанной с использованием методов, известных и уже разработанных на момент освоения таких ресурсов; а под «потенциальной ценностью» понимается использование ныне неизвестных методов, в результате которых может быть реализована еще неведомая ценность функциональных единиц наследственности [13]. Не возражая против допустимости такого

толкования, отметим, что потенциальная ценность генетических ресурсов не ограничена лишь применением новых методов их разработки, будущими научными открытиями. Она может быть обусловлена и иными факторами, в том числе геополитическими, вследствие которых сама шкала ценностей может измениться в сравнении с существующей.

3. Резюме правовых документов о генетических ресурсах

Предписания о сохранении компонентов живой природы наличествуют в законах древнего Китая; законах Ассирии [14, с. 70]; в конвенциях о регулировании рыболовства [15]; в договорах русских князей XIV–XVI вв. [16, с. 137–138, 143]; в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН [17, с. 122]; в Декларации по окружающей человека среде 1972 г. и т. д. Но именно Конвенция 1992 г. увенчала «купол» правового режима такого сохранения [17, с. 122; 18, р. 34], обозначив угрозу биологическим ресурсам Земли [19], «самого массового в истории» исчезновения видов [20]. Толкование Конвенции 1992 г. значимо и для выявления складывающегося правового режима генетических ресурсов⁹. При разработке Конвенции 1992 г. учитывались исследования таких ресурсов, проведенные в некоторых государствах. Например, первые полевые испытания генетически измененных бактерий проводились еще в 1980-х гг., а успешные полевые испытания генно-инженерного хлопка были завершены в 1990-х гг. Результаты этих исследований, в свою очередь, способствовали разработке правовых идей о генетических ресурсах как объекте международного права [13]. Подчеркнем, что обозначенный в Конвенции 1992 г. принцип «суверенных прав государства над его собственными ресурсами» применим и к генетическим ресурсам (в пределах юрисдикции соответствующего государства). Согласно Конвенции 1992 г. «государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы» и несут «ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или под их контролем не наносила ущерба окружающей среде других государств». Здесь слова «в рамках юрисдикции» означают пространство, находящиеся под *суверенитетом* госу-

⁷ Chair's streamlined non-paper...

⁸ Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии (подписан в Нагое 29 окт. 2010 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Жизнь в гармонии с природой / Секретариат Конвенции о биол. разнообразии. URL: <https://www.cbd.int/undb/media/factsheets/undb-factsheets-ru-web.pdf> (дата обращения: 17.08.2021).

дарства (в пределах государственных границ), а также исключительную экономическую зону и континентальный шельф прибрежного государства (в их отношении оно осуществляет *суверенные права и юрисдикцию*). В соответствии со ст. 15 Конвенции 1992 г. государство определяет условия доступа к генетическим ресурсам в пределах действия его национальной юрисдикции. То есть, по смыслу этой конвенции, генетические ресурсы не обременены дополнительными предписаниями по их использованию, как, например, морские живые ресурсы согласно ст. 62 Конвенции 1982 г.

Конвенция 1992 г. применима и к генетическим ресурсам (как виду биологических ресурсов), находящимся в районах за пределами действия национальной юрисдикции. Конвенция 1992 г. применяется «в отношении каждой Договаривающейся стороны: а) в том, что касается компонентов биологического разнообразия в пределах ее национальной юрисдикции; и б) в том, что касается процессов и деятельности, независимо от места проявления их последствий, осуществляемых под ее юрисдикцией или контролем, как в пределах ее национальной юрисдикции, так и за пределами национальной юрисдикции» (ст. 4).

В целях реализации целей Конвенции 1992 г. к ней были приняты два протокола – в 2000 и 2010 гг. Целью *Картахенского протокола 2000 г. по биобезопасности* является «содействие обеспечению надлежащего уровня защиты в области безопасной передачи, обработки и использования живых измененных организмов, являющихся результатом применения современной биотехнологии и способных оказать неблагоприятное воздействие на сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия», с учетом также «рисков для здоровья человека» и при «особом внимании к трансграничному перемещению»¹⁰. Упомянутый выше *Нагойский протокол 2010 г.* представляет собой соглашение государств о совместном использовании выгод от применения генетических ресурсов, сохранения и устойчивого использования биоразнообразия. Этот протокол, опираясь на положения Конвенции 1992 г. о генетических ресурсах, предусматривает более конкретные

правовые рамки как для поставщиков, так и для потребителей этих ресурсов, при большей прозрачности¹¹, в том числе в отношении доступа к ним и «передачи соответствующих технологий», путем «надлежащего финансирования». То, что именно генетические ресурсы являются стержневым объектом Нагойского протокола, подчеркнуто в его ст. 3: «Настоящий Протокол применяется к генетическим ресурсам в рамках сферы действия статьи 15 Конвенции и к выгодам от использования таких ресурсов. Протокол применяется также к традиционным знаниям, связанным с генетическими ресурсами».

Сохранение «генетического разнообразия» в качестве одного из обязательств государств-участников предусмотрено в *Соглашении АСЕАН об охране природы и природных ресурсов 1985 г.* В этом договоре предусмотрено обязательство «поддерживать генетическое разнообразие» путем принятия мер, направленных на обеспечение сохранения «видов животных и растений, наземных, морских и пресноводных», а также мест их обитаний (ст. 3)¹².

С учетом международно-правовых актов, охарактеризованных выше, приоритетное внимание государств в настоящее время сфокусировано на уточнении правового режима сохранения и устойчивого использования биоразнообразия в районах за пределами национальной юрисдикции.

4. Проект универсального международного договора о сохранении биоразнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции

В ряде мер по повышению эффективности управления морскими живыми ресурсами¹³ международный диалог, инициированный ООН в 2004 г., нацелен на уточнение правового режима биоразнообразия в районах за пределами национальной юрисдикции. В его рамках сопоставляются оценки состояния морского биоразнообразия, предлагаются варианты правовых механизмов универсального сотрудничества государств в этой сфере [21, р. 5]. Предложено достигнуть договоренности по следующим позициям: о режиме морских генетических ресурсов; о применимых механизмах зонального управления; об адаптации оценок воздействия на окружающую среду; о наращивании потенциала

¹⁰ Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии (подписан в Монреале 29 янв. 2000 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Десятилетие биоразнообразия ООН...

¹² ASEAN Agreement on the Conservation of Nature and Natural Resources. Jul 9, 1985. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20161129035620.pdf> (дата обращения: 18.10.2021).

org/media/download/20161129035620.pdf (дата обращения: 18.10.2021).

¹³ Marine biological diversity of areas beyond national jurisdiction. Legal and policy framework. URL: https://www.un.org/Depts/los/biodiversityworkinggroup/webpage_legal_and_policy.pdf (дата обращения: 13.10.2021).

технологий и их передаче¹⁴. К настоящему времени не удалось достичь консенсуса по вопросу о том, следует ли ключевым понятием – «морские генетические ресурсы» – охватывать упомянутые выше «дериваты»¹⁵. Нет и общей позиции государств-участников в том, включает ли понятие «морские генетические ресурсы» относящуюся к ним «информацию и данные»; должны ли последние быть частью объектного состава правового режима морских генетических ресурсов; применим ли ранее согласованный договорно-правовой режим природных ресурсов к генетическим ресурсам. Например, режим, установленный в Конвенции 1992 г., не может, как утверждается, применяться непосредственно в отношении морского дна за пределами национальной юрисдикции – «Района», поскольку, дескать, отсутствует юрисдикция государства в отношении морских генетических ресурсов в Районе, с учетом полномочий здесь Международного органа по морскому дну (далее – Органа) [22]. Возразим автору: Орган имеет полномочия, согласно Конвенции 1982 г., только в отношении минеральных ресурсов Района, но не живых природных ресурсов, к которым относятся генетические ресурсы.

Обобщая позиции государств, обозначенные в рамках рассматриваемого обсуждения в ООН, выделим две стержневые. Сторонники *первой позиции* придерживаются мнения о том, что на морские генетические ресурсы и их «дериваты» в районах за пределами национальной юрисдикции следует распространить принцип свободы открытого моря. Но в рамках этого подхода остаются вопросы. Должно ли новое международное соглашение ограничить существующие права в открытом море путем установления исключений из свобод открытого моря, в контексте Конвенции 1982 г.? Ведь п. 2 ст. 87 этой конвенции предусматривает: «Все государства осуществляют эти свободы, должным образом учитывая заинтересованность других государств в пользовании свободой открытого моря, а также должным образом учитывая права, предусмотренные настоящей Конвенцией в отношении деятельности в Районе». Или же четко прописать в будущем соглашении, что установленный в Конвенции 1982 г. режим Района, полномочия Органа ограничены только экс-

плуатацией минеральных ресурсов Района, а его живые ресурсы, в том числе генетические, подчинены режиму открытого моря? Предложено, например, в проекте будущего соглашения закрепить дополнительные обязательства, касающиеся «биоразведки» в районах за пределами действия национальной юрисдикции [23, р. 8].

Сторонники *второй позиции* выступают за распространение на все природные ресурсы в районах за пределами национальной юрисдикции, включая морские генетические ресурсы, положений Конвенции 1982 г. об «общем наследии человечества». Согласно такому подходу природоресурсная деятельность в названных районах осуществляется «на благо всего человечества» по той же бюрократизированной модели, которая отражена в Конвенции 1982 г. В ст. 9 проекта международного договора о сохранении и устойчивом использовании морского биоразнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции отражен именно этот подход. Среди сторонников данного подхода существуют, впрочем, разногласия: некоторые считают, что принцип «общего наследия человечества» должен применяться только к морским генетическим ресурсам, расположенным в недрах морского дна за пределами континентального шельфа. А принцип свободы открытого моря должен регулировать использование генетических ресурсов, расположенных в водной толще открытого моря. Однако большинство государств выступило за то, что все морские генетические ресурсы в районах за пределами национальной юрисдикции должны подпадать под единый правовой режим, независимо от того, расположены такие ресурсы в водной толще или на морском дне и в его недрах. Сторонники такого «интегрированного» подхода ссылаются на то, что морские организмы, обитающие на морском дне, на практике трудно отделить от морских организмов, обитающих в расположенной над морским дном водной толще [24].

В литературе по международному праву встречаются и иные варианты уточнения правового режима морских генетических ресурсов: 1) продолжить разработку их статуса на основе разграничения такого режима для водной толщи и для морского дна, но с применением положений о «сидячих» видах, опреде-

¹⁴ Международный юридически обязательный документ на базе Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за

пределами действия национальной юрисдикции: Резолюция 72/249: принята Генеральной Ассамблеей 24 дек. 2017 г. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1468985?> (дата обращения: 18.10.2021).

¹⁵ Chair's streamlined non-paper...

ление которых закреплено в Конвенции 1982 г. [25, р. 40; 26, р. 626; 27, р. 114]; 2) применять подход, основанный на регулировании конкретных морских экосистем [28, р. 228; 29, р. 149]; 3) создать режим *sui generis*, применимый ко всем морским генетическим ресурсам в районах за пределами национальной юрисдикции, тем самым создав «более простые и рациональные» договорно-правовые рамки [30, р. 190].

5. Заключение

Изложенные характеристики действующих международно-правовых норм о генетических ресурсах, а также существующих подходов к содержанию будущего соглашения о биоразнообразии за пределами действия национальной юрисдикции, как и дискуссий внутри каждого такого подхода, подтверждают сложность вопросов уточнения статуса генетических ресурсов. Можно с осторожностью прогнозировать, что разработка названного универсального соглашения либо затянется на годы, либо завершится принятием весьма неконкретного текста – «компромисса компромиссов». Но значимость сохранения биоразнообразия всё прирастает, на фоне чего универсальная правовая основа такого сохранения, заложенная Конвенцией 1992 г., проявляет себя одновременно и востребованной, и недостаточной.

Государства уже принимают иные международно-правовые документы, в том числе о сохране-

нии конкретных видов организмов или конкретного района обитания биоресурсов. При этом фундаментальные изменения в современной экономической деятельности на планете вследствие технического прогресса, изменений климата, ряда социально-экономических факторов приводят к кристаллизации обновленных международно-правовых приоритетов, в том числе уточнения правового режима генетических ресурсов до начала их масштабного использования. В эффективной их эксплуатации, влекущей потенциальные выгоды по различным аспектам жизни человека, объективно заинтересованы все государства, что свидетельствует о востребованности международного сотрудничества в этой сфере. Вместе с тем генетические ресурсы становятся и новым объектом межгосударственной состязательности. В изложенном контексте, как представляется, оптимальная правовая политика государств видится при большем акценте на уточнении правового положения генетических ресурсов в конкретном регионе, с учетом специфики его особенностей, фактических и правовых. В свою очередь, пионерные механизмы сохранения и использования генетических ресурсов как объекта регионального международного договора могли бы способствовать согласованию универсальных контуров правового режима таких ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mirovitskaya N. Guide to Sustainable Development and Environmental Policy / N. Mirovitskaya, W. Ascher. – Durham ; London, 2001. – XXVII, 391 p.
2. Вылегжанин А. Н. Клаузулы устойчивого развития в международном морском праве / А. Н. Вылегжанин, А. М. Корженяк // Московский журнал международного права. – 2022. – № 4. – С. 6–33. – DOI: 10.24833/0869-0049-2022-4-6-33.
3. Aniansson B. Towards an Ecologically Sustainable Economy / B. Aniansson, U. Svedin. – Stockholm : Swedish Council for Planning and Coordination of Research, 1990. – 144 p.
4. Campbell-Mohn C. Environmental Law: From Resources to Recovery / C. Campbell-Mohn, B. Breen, W. J. Futrell. – West Group, 1993. – 994 p.
5. Jaspars M. The marine biodiscovery pipeline and ocean medicines of tomorrow / M. Jaspars, D. de Pascale, J. H. Andersen, F. Reyes, A. D. Crawford, A. Ianora // Journal of the Marine Biological Association of the United Kingdom. – 2019. – Vol. 96, iss. 1. – P. 151–158. – DOI: 10.1017/s0025315415002106.
6. Blasiak R. The Ocean Genome: Conservation and the Fair, Equitable and Sustainable Use of Marine Genetic Resources : Blue Paper 4 / R. Blasiak, R. Wynberg, K. Grorud-Colvert, S. Thambisetty, N. M. Bandarr, A. V. M. Canário, J. da Silva, C. M. Duarte, M. Jaspars, A. D. Rogers, K. Sink, C. C. C. Wabnitz. – Washington, DC : World Resources Institute, 2020. – 62 p. – URL: http://opus.sanbi.org/bitstream/20.500.12143/7038/1/Blasiak_etal_2020_Blue_Paper_The_Ocean_Genome.pdf.
7. Aricò S. Bioprospecting of Genetic Resources in the Deep Seabed: Scientific, Legal and Policy Aspects / S. Aricò, C. Salpin. – Yokohama : United Nations University, 2005. – 76 p.
8. Международное морское право / отв. ред. С. А. Гуреев. – М. : Юридическая литература, 2003. – 448 с.
9. Black's Law Dictionary. – Sixth Edition. – St. Paul, Minn : West Publishing CO, 1990. – 1657 p.

10. De Lucia V. The Concept of Commons and Marine Genetic Resources in Areas beyond National Jurisdiction / V. De Lucia // *Marine Safety and Security Law Journal*. – 2018–2019. – Iss. 5 : Special Issue on Ocean Commons. – URL: https://www.marsafelawjournal.org/wp-content/uploads/2018/11/MarSafeLawJournal_Issue5_DeLucia.pdf.
11. Harden-Davies H. Marine genetic resources beyond national jurisdiction: an integrated approach to benefit-sharing, conservation and sustainable use : Doctor of Philosophy thesis / H. Harden-Davies. – Australian National Centre for Ocean Resources and Security, University of Wollongong, 2018. – xxi, 380 p.
12. Atkinson G. Valuing Ecosystem Services and Biodiversity / G. Atkinson, I. Bateman, S. Mourato // *Nature in the Balance: The Economics of Biodiversity* / ed. by D. Helm, C. Hepburn. – Oxford University Press, 2014. – P. 101–150.
13. Schei P. J. “Genetic Resources” in the CBD. The Wording, the Past, the Present and the Future : FNI Report 4/2010 / P. J. Schei, M. W. Tvedt. – Fridtjof Nansen Institute, 2010. – 24 p.
14. Вылегжанин А. Н. Биоразнообразие морской среды / А. Н. Вылегжанин // *Государство и право*. – 2001. – № 3. – С. 69–81.
15. Birnie P. W. Environmental Law and the Environment / P. W. Birnie, A. E. Boyle. – Oxford, 1992. – XXVII, 563 p.
16. Булгаков М. Б. Природоохранные акты: от «Русской правды» до Петровских дней / М. Б. Булгаков, А. А. Ялбуганов // *Государство и право*. – 1996. – № 8. – С. 136–146.
17. Колбасов О. С. Международное экологическое право на пороге XXI века / О. С. Колбасов // *Первая конференция Всемирной ассоциации международного права в России (1997)* / отв. ред. А. Л. Колодкин. – Новороссийск, 1999. – С. 120–135.
18. International law and the conservation of biological diversity / ed. by M. Bowman, C. Redgwell. – London ; Boston : Kluwer Law International, 1996. – xiv, 334 p.
19. Young O. R. Addressing the Grand Challenges of Planetary Governance / O. R. Young. – Cambridge University Press, 2023. – 58 p.
20. Klein C. New Leadership Needed: The Convention on Biological Diversity / C. Klein // *Emory International Law Review*. – 2016. – Vol. 31, iss. 1. – P. 135–165.
21. Broggiato A. Mare Geneticum: Balancing Governance of Marine Genetic Resources in International Waters / A. Broggiato, T. Vanagt, L. E. Lallier, M. Jaspars, G. Burton, D. Muyldermans // *International Journal of Marine and Coastal Law*. – 2018. – Vol. 33, no. 1. – P. 3–33. – DOI: 10.1163/15718085-13310030.
22. Tvedt M. W. Marine Genetic Resources: a Practical Legal Approach to Stimulate Research, Conservation and Benefit Sharing / M. W. Tvedt // *The Law of the Seabed: Access, Uses, and Protection of Seabed Resources* / ed. by C. Banet. – Leiden ; Boston : Brill Nijhoff, 2020. – P. 238–254. – (Publications on Ocean Development; Vol. 90). – DOI: 0.1163/9789004391567_013.
23. Correa C. M. Access to and Benefit Sharing of Marine Genetic Resources Beyond National Jurisdiction: Developing a New Legally Binding Instrument / C. M. Correa. – Geneva : South Center, 2017. – 29 p.
24. Mossop J. Towards a Practical Approach to Regulating Marine Genetic Resources / J. Mossop // *ESIL Reflections*. – 2019. – Vol. 8, iss. 3. – URL: <https://esil-sedi.eu/esil-reflection-towards-a-practical-approach-to-regulating-marine-genetic-resources/>.
25. Korn H. Deep Sea Genetic Resources in the Context of the Convention on Biological Diversity and the United Nations Convention on the Law of the Sea : BfN – Skripten 79 / H. Korn, S. Friedrich, U. Feit. – Bundesamt für Naturschutz, 2003. – 83 p.
26. Allen C. Protecting the Oceanic Gardens of Eden: International Law Issues in Deep Sea Vent Resources Conservation and Management / C. Allen // *Georgetown International Environmental Law Review*. – 2001. – Vol. 13. – P. 563–660.
27. Mossop J. The Continental Shelf Beyond 200 Nautical Miles: Rights and Responsibilities / J. Mossop. – Oxford University Press, 2016. – 310 p.
28. Leary D. International Law and the Genetic Resources of the Deep Sea / D. Leary. – Martinus Nijhoff Publishers, 2007. – xvii, 301 p.
29. Oude Elferink A. G. The Regime of the Area: Delineating the Scope of Application of the Common Heritage Principle and the Freedom of the High Seas / A. G. Oude Elferink // *International Journal of Marine and Coastal Law*. – 2007. – Vol. 22, iss. 7. – P. 143–176. – DOI: 10.1163/157180807781475272.
30. Scovazzi T. The Negotiations for a Binding Instrument on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity Beyond National Jurisdiction / T. Scovazzi // *Marine Policy*. – 2016. – № 70. – P. 188–191. – DOI: 10.1016/j.marpol.2016.04.007.

REFERENCES

1. Mirovitskaya N., Ascher W. *Guide to Sustainable Development and Environmental Policy*. Durham, London, 2001. XXVII + 391 p.
2. Vylegzhanin A.N., Korzhenyak A.M. Sustainable Development Clauses in the International Law of the Sea. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2022, no. 4, pp. 6–33. DOI: 10.24833/0869-0049-2022-4-6-33. (In Russ.).
3. Aniansson B., Svedin U. *Towards an Ecologically Sustainable Economy*. Stockholm, Swedish Council for Planning and Coordination of Research Publ., 1990. 144 p.
4. Campbell-Mohn C., Breen B., Futrell W.J. *Environmental Law: From Resources to Recovery*. West Group Publ., 1993. 994 p.
5. Jaspars M., de Pascale D., Andersen J. H., Reyes F., Crawford A. D., Ianora A. The marine biodiscovery pipeline and ocean medicines of tomorrow. *Journal of the Marine Biological Association of the United Kingdom*, 2016, vol. 96, iss. 1, pp. 151–158. DOI: 10.1017/s0025315415002106.
6. Blasiak R., Wynberg R., Grorud-Colvert K., Thambisetty S., Bandarr N., Canário A.V.M., Silva J. da, Duarte C.M., Jaspars M., Rogers A.D., Sink K., Wabnitz C.C.C. *The Ocean Genome: Conservation and the Fair, Equitable and Sustainable Use of Marine Genetic Resources*, Blue Paper 4. Washington, DC, World Resources Institute Publ., 2020. 62 p. Available at: http://opus.sanbi.org/bitstream/20.500.12143/7038/1/Blasiak_etal_2020_Blue_Paper_The_Ocean_Genome.pdf.
7. Aricò S., Salpin C. *Bioprospecting of Genetic Resources in the Deep Seabed: Scientific, Legal and Policy Aspects*. Yokohama, United Nations University Publ., 2005. 76 p.
8. Gureev S.A. (ed.). *International Maritime Law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 2003. 448 p. (In Russ.).
9. *Black's Law Dictionary*, Sixth Edition. St. Paul, Minn., West Publishing CO, 1990. 1657 p.
10. De Lucia V. The Concept of Commons and Marine Genetic Resources in Areas beyond National Jurisdiction. *Marine Safety and Security Law Journal*, 2018–2019, iss. 5: Special Issue on Ocean Commons, available at: https://www.marsafelawjournal.org/wp-content/uploads/2018/11/MarSafelawJournal_Issue5_DeLucia.pdf.
11. Harden-Davies H. *Marine genetic resources beyond national jurisdiction: an integrated approach to benefit-sharing, conservation and sustainable use*, Doctor of Philosophy thesis. Australian National Centre for Ocean Resources and Security, University of Wollongong Publ., 2018. xxi + 380 p.
12. Atkinson G., Bateman I., Mourato S. Valuing Ecosystem Services and Biodiversity, in: Helm D., Hepburn C. (eds.). *Nature in the Balance: The Economics of Biodiversity*, Oxford University Press, 2014, pp. 101–150.
13. Schei P.J., Tvedt M.W. “Genetic Resources” in the CBD: The Wording, the Past, the Present and the Future, FNI Report 4/2010. Fridtjof Nansen Institute Publ., 2010. 24 p.
14. Vylegzhanin A.N. Marine Biodiversity and International Law. *Gosudarstvo i pravo*, 2001, no. 3, pp. 69–81. (In Russ.).
15. Birnie P.W., Boyle A.E. *Environmental Law and the Environment*. Oxford, 1992. XXVII + 563 p.
16. Bulgakov M.B., Jalbuganov A.A. Environmental Regulations: from “the Russkaya Pravda” to the era of Peter the Great. *Gosudarstvo i pravo*, 1996, no. 8, pp. 136–146. (In Russ.).
17. Kolbasov O.S. International Environmental Law on the Verge of the 21st Century, in: Kolodkin A.L. (ed.). *Pervaya Konferentsiya Vsemirnoi assotsiatsii mezhdunarodnogo prava v Rossii (1997)*, Novorossiysk, 1999, pp. 120–135. (In Russ.).
18. Bowman M., Redgwell C. (eds.). *International law and the conservation of biological diversity*. London, Boston, Kluwer Law International Publ., 1996. xiv + 334 p.
19. Young O.R. *Addressing the Grand Challenges of Planetary Governance*. Cambridge University Press, 2023. 58 p.
20. Klein C. New Leadership Needed: The Convention on Biological Diversity. *Emory International Law Review* 2019, vol. 31, iss. 1, pp. 135–165.
21. Broggiato A., Vanagt T., Lallier L.E., Jaspars M., Burton G., Muyldermans D. Mare Geneticum: Balancing Governance of Marine Genetic Resources in International Waters. *International Journal of Marine and Coastal Law*, 2018, vol. 33, no. 1, pp. 3–33. DOI: 10.1163/15718085-13310030.
22. Tvedt M.W. Marine Genetic Resources: a Practical Legal Approach to Stimulate Research, Conservation and Benefit Sharing, in: Banet C. (ed.). *The Law of the Seabed: Access, Uses, and Protection of Seabed Resources*,

Publications on Ocean Development; Vol. 90, Leiden, Boston, Brill Nijhoff Publ., 2020, pp. 238–254. DOI: 0.1163/9789004391567_013.

23. Correa C.M. *Access to and Benefit Sharing of Marine Genetic Resources Beyond National Jurisdiction. Developing a New Legally Binding Instrument*. Geneva, South Center Publ., 2017. 29 p.

24. Mossop J. Towards a Practical Approach to Regulating Marine Genetic Resources. *ESIL Reflections*, 2019, vol. 8, iss. 3, available at: <https://esil-sedi.eu/esil-reflection-towards-a-practical-approach-to-regulating-marine-genetic-resources/>.

25. Korn H., Friedrich S., Feit U. *Deep Sea Genetic Resources in the Context of the Convention on Biological Diversity and the United Nations Convention on the Law of the Sea*, BfN Skript 79. Federal Agency for Nature Conservation Publ., 2003. 83 p.

26. Allen C. Protecting the Oceanic Gardens of Eden: International Law Issues in Deep Sea Vent Resources Conservation and Management. *Georgetown International Environmental Law Review*, 2001, Vol. 13, pp. 563–660.

27. Mossop J. *The Continental Shelf Beyond 200 Nautical Miles: Rights and Responsibilities*. Oxford University Press, 2016. 310 p.

28. Leary D. *International Law and the Genetic Resources of the Deep Sea*. Martinus Nijhoff Publishers, 2007. Xvii + 301 p.

29. Oude Elferink A.G. The Regime of the Area: Delineating the Scope of Application of the Common Heritage Principle and the Freedom of the High Seas. *International Journal of Marine and Coastal Law*, 2007, vol. 22, iss. 7, pp. 143–176. DOI: 10.1163/157180807781475272.

30. Scovazzi T. The Negotiations for a Binding Instrument on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity Beyond National Jurisdiction. *Marine Policy*, 2016, no. 70, pp. 188–191. DOI: 10.1016/j.marpol.2016.04.007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вылегжанин Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76
E-mail: danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Сотскова Полина Викторовна – аспирант кафедры международного права
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76
E-mail: paulineterekhova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8608-8346

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Вылегжанин А.Н. Генетические ресурсы как объект международного права / А.Н. Вылегжанин, П.В. Сотскова // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 33–42. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).33-42.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Alexander N. Vylegzhanin – Doctor of Law, Professor; Head, Department of International Law
MGIMO University
76, Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia
E-mail: danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Polina V. Sotskova – PhD student, Department of International Law
MGIMO University
76, Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia
E-mail: paulineterekhova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8608-8346

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Vylegzhanin A.N., Sotskova P.V. Genetic resources as an object of international law. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 33–42. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).33-42. (In Russ.).

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН

О.Н. Шупицкая

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь

Информация о статье

Дата поступления –

03 августа 2021 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2022 г.

Ключевые слова

Презумпция невиновности, конституционно-правовые акты, конституция, конституционный принцип, конституционный суд, уголовный процесс, судопроизводство

Презумпция невиновности – конституционный принцип, привлекающий постоянное внимание исследователей. Будучи выраженной в правовых источниках, имеющих значение конституционных актов, она является элементом механизма защиты основных прав и свобод личности. Действие презумпции невиновности не ограничивается сферой уголовного права и процесса. Она взаимодействует с иными конституционными принципами, функционируя в их системе. Определяя взаимоотношения между публичным и частным интересом, презумпция невиновности обеспечивает, в первую очередь, права личности. Данное явление имеет значение конституционного феномена, требуя уважения к индивиду со стороны общества и государства в различных сферах общественных отношений.

THE PRESUMPTION OF INNOCENCE AS A CONSTITUTIONAL PHENOMENON

Aksana N. Shupitskaya

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

Article info

Received –

2021 August 03

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

Keywords

Presumption of innocence, constitutional and legal acts, constitution, constitutional principle, constitutional court, criminal procedure, judicial proceedings

Report. The presumption of innocence is a legal phenomenon that constantly attracts the attention of researchers. It is considered in legal science from the point of view of its origin, legal formalization, content and meaning. The interest in this problem is caused, on the one hand, by the multidimensional nature of this presumption, and, on the other, by its practical significance not only for society and the state, but, first of all, for a specific individual. The presumption of innocence is usually considered by specialists in the field of criminal law and criminal procedure, since, in their opinion, it belongs to the criminal sphere, the sphere of judicial proceedings, evidence. Meanwhile, such a view of the problem, it seems, limits the true essence of the phenomenon and reduces its significance.

The purpose of this study is to substantiate the constitutional nature of the principle of the presumption of innocence.

Research methodology. In this work, general scientific and private scientific research methods were used, such as analysis, synthesis, abstraction, and the case method.

The results of the conducted research. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that the presumption of innocence is a constitutional principle. The constitutional nature of this phenomenon is inherent in its nature, sources, content, meaning.

Conclusions. The presumption of innocence is a constitutional principle. Considering it exclusively through the prism of criminal law and criminal procedure, as an element of judicial proceedings related to the theory of evidence and the adversarial nature of the parties, greatly limits its role and significance, leads to too narrow an understanding of its content. The presumption of innocence is a legal phenomenon that affects various social relations, including those related to the electoral process, to administrative proceedings, to tax relations, etc. As a constitutional principle, the presumption of innocence interacts with other constitutional principles: the principle of the rule of law, the social state, the democratic state, freedom, equality, justice, legality, etc. The presumption of innocence expresses the balance of the public and private interests of a state-organized society. The existence of this one of the most important constitutional phenomenon shows the value of the individual in the legal system.

1. Введение

В условиях современных постсоветских государств проблема презумпции невиновности не только не утрачивает своей актуальности, но и приобретает всё большее значение. Причины данного процесса различны. Это и превалирование государственных органов над человеком в системе взаимоотношений личности и государства, и приоритет публичных интересов над частными в условиях современных постсоветских государств, и несовершенство судебных систем. В этой связи обращение к исследованию презумпции невиновности в условиях современных постсоветских государств, причем как с точки зрения исторической, так и содержательной, а также практической, видится весьма правильным и необходимым.

Цель настоящей работы – рассмотреть вопрос о законодательном (нормативном) закреплении принципа презумпции невиновности, проанализировать его содержание, раскрыть сущность, исследовать взаимосвязь с другими конституционными принципами и доказать, что данное правовое явление имеет конституционный характер, значение которого выходит далеко за рамки отношений, связанных с совершением преступлений.

Презумпция невиновности – тема, интересующая исследователей различных исторических эпох, национально-правовых систем, отраслей права. Свой вклад в анализ данной проблемы внесли Дж. Локк [1], Ч. Беккариа [2], Г. Еллинек [3] и др. Среди советских ученых, исследовавших презумпцию невиновности, – М.С. Строгович [4], Н.Н. Полянский [5], А.И. Трусов [6], Я.О. Мотовиловкер [7], М.Л. Якуб [8], И.Л. Петрухин [9]. Примечательно, что И.Л. Петрухин рассматривал презумпцию невиновности как конституционный принцип. Современные исследователи данного вопроса – это исследователи из государств постсоветского пространства: В.М. Абдрашитов [10; 11], Т.Т. Алиев [12], В.К. Бабаев [13], В.М. Савицкий [14], – а также представители зарубежной юридической науки: Дж. Флэтчер [15], С. Барадарян [16], В. Тадрос [17], Дж. Уитман [18], П. Фергюсон [19], Л. Лодэн [20]. Между тем презумпция невиновности по-прежнему остается вопросом, не все аспекты которого изучены с достаточной полнотой. Один из таких аспектов – характер указанной презумпции, т. е. вопрос, от решения которого зависят не только теоретические выводы, но и вполне практические проблемы, связанные с применением презумпции невиновности.

2. Формирование презумпции невиновности как конституционного принципа

Вопрос о презумпции невиновности, с точки зрения права, – комплексный вопрос. Между тем в советской и постсоветской правовой науке, так же как и в зарубежных исследованиях, он в большей степени рассматривался (и рассматривается) специалистами в области уголовного права и уголовного процесса. Такой подход является следствием восприятия презумпции невиновности исключительно как уголовно-правового феномена. Он характерен и для индивидов, точнее – для их правосознания. К сожалению, иногда даже для профессионального.

Тезис автора настоящего исследования: история формирования презумпции невиновности как правового принципа и его функционирования в правовых системах – это история формирования и функционирования конституционного явления.

В пользу рассмотрения презумпции невиновности как конституционного принципа говорит следующее. Англо-американская правовая система, в условиях которой и сформировалась презумпция невиновности, основана на понимании конституционного права как системы норм и принципов, определяющих, в первую очередь, взаимоотношения личности и органов государства. В этой связи презумпция невиновности в указанных системах сформировалась и была сформулирована как способ защиты прав и свобод личности. Права и свободы личности, их содержание, условия ограничения, методы обеспечения – вопросы конституционно-правового характера.

Сторонники рассмотрения презумпции невиновности исключительно как уголовно-правового принципа указывают, среди прочих аргументов, на отсутствие ее регламентации на уровне источников конституционного права. Данный довод видится несостоятельным. Презумпция невиновности как принцип права появилась в английской правовой системе. Британская конституция включает в себя конституционные принципы и конституционные нормы, которые содержатся в различных источниках права, начиная от правовых обычаев и заканчивая нормативными правовыми актами. К числу источников конституционного права в Великобритании относятся также Великая хартия вольностей 1215 г. и Хабеас корпус акт 1679 г.¹ – правовые акты, которые регламентировали презумпцию невиновности.

¹ Полное название: *An Act for the better securing the Liberty of the Subject and for Prevention of Imprisonments beyond the*

Seas (букв. Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями).

В соответствии с нормами Великой хартии вольностей запрещались арест, задержание и наказание («личная и имущественная кара») лица без соблюдения определенной процедуры («на основании закона и по приговору своих «пэров»). Хабеас корпус акт, принятый в XVII в., предписывал любому лицу, которое содержит другое лицо под охраной, в установленное время – три дня, но не более двадцати дней – после получения судебного приказа «хабеас корпус» доставить арестованного или задержанного к лицу, которым данный приказ был выдан. Лорд-канцлер, лорд – хранитель печати Англии, судья или барон суда должен был проверить причины задержания или заключения. Анализируемый правовой документ предусмотрел возможность обращения с соответствующим ходатайством или жалобой за получением приказа «хабеас корпус» не только задержанного или арестованного, но и лиц, действующих в его или их интересах. В течение двух дней ходатайство или жалоба рассматривались судьей единолично в присутствии задержанного или арестованного. Рассмотрение дела осуществлялось в форме сокращенного судопроизводства. Судья выяснял все обстоятельства дела и принимал решение: подлежит ли задержанный или арестованный освобождению, или его необходимо отправить в тюрьму, либо его можно отпустить на свободу временно с применением денежного залога и обязать явиться для рассмотрения дела по существу на ближайшую сессию суда. Согласно ст. VI акта никакого лица или лица, освобожденные или отпущенные по какому-либо «хабеас корпус», не могли быть впредь заключены или арестованы за то же преступление иначе, как по приказу суда.

Очевидно, что вышеназванные положения Великой хартии вольностей и Хабеас корпус акта не закрепляли непосредственно презумпцию невиновности. Но они представляли собой определенный шаг на пути к ее формулировке. Положения Хабеас корпус акта установили также необходимость судебного контроля за задержанием субъекта, подозреваемого в совершении преступления. Судебный контроль – важнейший элемент презумпции невиновности. Возникновение презумпции невиновности, таким образом, в английском праве, традиционно уделяющем большое внимание правовым процеду-

рам, позволяет утверждать, что презумпция невиновности – это форма защиты личности.

Еще один пример закрепления актами конституционного уровня презумпции невиновности – статуты Великого Княжества Литовского, в состав которого входили белорусские земли, по мнению В.Н. Бибило, представлявшие собой конституции феодального государства, точнее протоконституции [21]. Попытки сформулировать данный принцип делались при подготовке статуты Великого Княжества Литовского 1529 и 1566 гг. Согласно норме, закрепленной в Статуте Великого Княжества Литовского 1529 г., никто не должен был быть наказан, если его вина не установлена судом. Статут Великого Княжества Литовского 1566 г. распространял анализируемый принцип на сословие шляхтичей. Статут 1588 г. указал на необходимость использовать презумпцию невиновности и в отношении простых людей.

Впервые в виде, приближенном к ныне существующему, презумпция невиновности была сформулирована во Французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Статья 9 данного правового акта гласит: «Всякий человек предполагается невинным до тех пор, пока он не объявлен виновным. Посему, если будет сочтено необходимым задержать его, всякая мера строгости, не являющаяся неизбежной для того, чтобы воспрепятствовать ему скрыться, должна быть сурово карается Законом»².

Первые писанные конституции – Конституция США 1787 г. и Конституция Речи Посполитой 1791 г. – не содержали указаний на презумпцию невиновности. Исследователи объясняют это нежеланием авторов указанных конституционных актов закреплять ее в силу того, что презумпция невиновности, по их мнению, носит естественный характер, принадлежит человеку от рождения, а потому – абсолютна. Между тем в более поздних конституциях отдельных государств она всё же нашла свое закрепление.

Имея по своей природе естественный характер, презумпция невиновности закрепляется важнейшими международно-правовыми актами, регламентирующими правовой статус индивида, такими как Всеобщая Декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская конвенция о защите прав и основных свобод.

² Первая французская конституция // Тексты важнейших основных законов иностранных государств / пер. прив.-доц. Ф.Ф. Кокошкина. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1905. Ч. I:

Основные законы Англии, французские конституции 1791, 1814 и 1830 годов и бельгийская конституция. С. 28–29.

В странах постсоветского пространства в настоящее время презумпция невиновности, как правило, формулируется в конституциях. «Лицо считается невиновным до тех пор, пока его виновность не доказана в установленном законом порядке и не признана вступившим в законную силу приговором суда», – гласит ч. 1 ст. 31 Конституции Литовской Республики³. Согласно п. 1 ч. 3 ст. 77 Основного закона Республики Казахстан «лицо считается невиновным в совершении преступления, пока его виновность не будет признана вступившим в законную силу приговором суда»⁴. В соответствии со ст. 49 Конституции РФ⁵ виновность обвиняемого должна быть доказана и установлена приговором суда, причем «обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность». Анализируемый принцип сформулирован в ст. 26 Конституции Республики Беларусь⁶.

Презумпция невиновности в условиях современных государств также закрепляется и важнейшими правовыми актами отраслевого законодательства – уголовного, уголовно-процессуального, административно-процессуального. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь «никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовной ответственности иначе, как по приговору суда и в соответствии с законом»⁷. Согласно ст. 16 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь лицо признаётся невиновным, пока его виновность не установлена приговором суда⁸. Часть 1 ст. 2.7 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь гласит: «Лицо не может быть привлечено к административной ответственности, пока в порядке, установленном настоящим Кодексом, не будет установлена его виновность в совершении правонарушения, предусмотренного Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях»⁹. В соответствии с ч. 2 названной статьи «обязанность

доказывать виновность лица, в отношении которого ведется административный процесс, возлагается на должностное лицо органа, ведущего административный процесс...».

Анализируя законодательное закрепление презумпции невиновности в государствах постсоветского пространства, следует указать на несколько особенностей такой регламентации. Во-первых, вслед за международно-правовыми актами, закрепляющими основы правового статуса личности в современном государстве, конституции бывших союзных республик указывают в своих текстах презумпцию невинности непосредственно. Это свидетельствует об ее конституционном характере. Закрепление данной презумпции в процессуальных кодексах – вторично по отношению к конституциям.

Презумпция невиновности издавна рассматривается как естественное право индивида. Именно поэтому она не всегда закрепляется в правовых актах, определяющих правовой статус личности. В этом случае находит свое выражение следующая позиция законодателя: естественные права и свободы не нуждаются в своем нормативном оформлении в правовых актах, поскольку принадлежат человеку от рождения, носят неотъемлемый характер вне зависимости от формы своего выражения.

Об ошибочности рассмотрения презумпции невиновности исключительно как принципа, имеющего отношение только к сфере уголовного или административного права, говорит и содержание данного принципа. По поводу данного вопроса в науке также продолжают споры. На это указывает, в частности Лэри Лодэн, утверждая, что нет единого мнения о том, что именно презумпция невиновности означает, что ведутся горячие споры о том, к кому и когда она применяется, и что суды и ученые-правоведы расходятся во мнениях относительно того, стоит ли она доктринально на собственных ногах или

³ Конституция Литовской Республики // Универсальная научно-популярная энциклопедия Кругосвет. URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/gosudarstvo-i-politika/litva-konstituciya>.

⁴ Конституции Республики Казахстан 1995 г. (с изм. и доп. по состоянию на 23 марта 2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029.

⁵ Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Конституция Республики Беларусь 1994 г.: с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. Здесь и далее нормативные акты Республики Беларусь приводятся по информац.-правовой системе «ЭТАЛОН-ONLINE».

⁷ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изм. и доп.).

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (с изм. и доп.).

⁹ Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-3.

просто очевидное, хотя и нетривиальное следствие стандарта доказательства [20]. Презумпция невиновности, закрепляемая в настоящее время правовыми актами, включает в себя два аспекта. С одной стороны, это положение, согласно которому никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Второй аспект исследуемого конституционного принципа – лицо не обязано доказывать свою невиновность.

Российская Конституция, формулируя презумпцию невиновности, использует категорию «обвиняемый». Понимаемый буквально, данный термин относит нас к уголовно-правовой сфере. Обвиняемый – участник уголовного процесса, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого. Еще один аргумент в пользу уголовно-правовой характеристики данного принципа – употребление в Конституции РФ термина «преступление». Белорусский законодатель при формулировке презумпции невиновности использует два термина: «никто» и «обвиняемый». Говоря о невозможности признать лицо виновным в совершении преступления иначе как на основании приговора суда, используется понятие «никто». Указывая на отсутствие обязанности доказывать свою невиновность, законодатель использует категорию «обвиняемый». Думается, что термин «обвиняемый», как и понятие «преступление», в данном случае не может пониматься буквально. Здесь речь должна вестись о расширительном их толковании. Обвиняемый в вышеупомянутом контексте – это лицо, подозреваемое в причастности к совершению неправомерного проступка. Проступок – не соответствующее норме права деяние: деликт, правонарушение, преступление. Отсюда – никто не должен доказывать свою невиновность в общении с должностными лицами и (или) государственными органами, осуществляющими любые функции: правоохранительные,

налоговые, таможенные, функции, связанные с реализацией избирательных процедур, и т. п., если иное не предусмотрено соответствующими нормативными актами.

Невиновность не доказывается на всех этапах правоприменительного процесса – от начальных до окончательных, – за исключением случаев, прямо предусмотренных соответствующими процессуальными актами. На данную особенность реализации принципа презумпции невиновности указывали как Конституционный Суд РФ, так и Конституционный Суд Республики Беларусь. В своем Постановлении от 27 апреля 2001 г. № 7-П Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, согласно которой Конституция РФ закрепляет презумпцию невиновности «применительно к сфере уголовной ответственности»¹⁰. Иными словами, обязанность по доказыванию вины в совершении преступления возлагается на государственные органы. В других сферах, где применяется юридическая ответственность, законодатель вправе решать вопрос о распределении бремени доказывания вины иным образом, учитывая при этом особенности соответствующих отношений и их субъектов (в частности, предприятий, учреждений, организаций и лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица), а также требования неотвратимости ответственности и интересы защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и свобод других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 2, ст. 15; ч. 3, ст. 55 Конституции РФ). В соответствии с Решением Конституционного Суда Республики Беларусь от 22 ноября 2010 г. № Р-515/2010¹¹, признавшим соответствующей Конституции Республики Беларусь ч. 2 ст. 2 Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях»,

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 апреля 2001 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ “АвтоВАЗ” и “Комбинат “Североникель”, обществ с ограниченной ответственностью “Верность”, “Вита-Плюс” и “Невско-Балтийская транспортная компания”, товарищества с ограниченной ответственностью “Совместное российско-южноафриканское пред-

приятие “Эконт” и гражданина А.Д. Чулкова» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 22 ноября 2010 г. № Р-515/2010 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении дополнений и изменений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях”» // Конституционный Суд Республики Беларусь: офиц. сайт. URL: <http://www.kc.gov.by/document-21503>.

презумпция невиновности не применяется в следующем случае: должностное лицо органа, ведущего административный процесс, не обязано доказывать виновность лица в превышении им скорости движения транспортного средства, зафиксированной работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи. По мнению Конституционного Суда Республики Беларусь, законодатель сделал, таким образом, исключение из принципа презумпции невиновности применительно к административному процессу в отношении только определенной категории дел об административных правонарушениях, совершение которых подтверждается указанными способами.

3. Презумпция невиновности как конституционный принцип

Презумпция невиновности характеризуется чертами, присущими конституционным принципам, на которые в той или иной мере указывается в научной литературе по конституционному праву С.А. Авакьяном [22], Н.С. Бондарем [23], А.Н. Кокотовым [24], А.Н. Костюковым [25; 26], А.А. Ливеровским [27; 28], О.Н. Шупицкой [29–31]. В презумпции невиновности проявляется баланс публичных и частных интересов государства и общества. С точки зрения публичных интересов – поддержание общественного порядка, недопущение случаев его нарушения, восстановление социальной справедливости в ситуациях, когда совершены неправомерные действия. Восстановление социальной справедливости осуществляется через наказание виновного, возмещение ущерба потерпевшему. На стороне защиты публичного интереса – вся сила государства, монополии на применение легального насилия. Между тем частный интерес – это интерес индивида, гораздо менее защищенный, чем интерес общественный, но от этого не менее значимый. Презумпция невиновности призвана обеспечить, в первую очередь, интерес отдельного индивида.

Презумпция невиновности как конституционный принцип существует во взаимосвязи с иными конституционными принципами, к числу которых относятся фундаментальные конституционные принципы правового государства, социального, демократического, республиканского государства, и специаль-

ные конституционные принципы – принципы свободы, равенства, справедливости и др. Только в условиях правового государства обеспечиваются права и свободы индивида, включая право на защиту от обвинения со стороны государственных органов, а также право на справедливое судебное разбирательство. Независимая судебная система – элемент системы разделения властей, демократического правового государства. Именно в судебном процессе непосредственно проявляется действие презумпции невиновности, принимая во внимание которую суд оценивает представленные доказательства и выносит окончательное решение относительно виновности субъекта в совершении преступления.

Значение презумпции невиновности не позволяет рассматривать данный принцип как положение, относящееся только лишь к сфере уголовного или административного права. «Презумпция невиновности является именно исходным началом для уголовного процесса», – заявляет В.Н. Бибило [21, с. 262]. И с этим мнением трудно не согласиться. Презумпция невиновности – конституционный феномен, имеющий значение для всей правовой системы. В нем проявляется уважение к индивиду, значимость личности в государстве и обществе.

4. Заключение

Презумпция невиновности является конституционным принципом. Рассмотрение ее исключительно через призму уголовного права и уголовного процесса как элемента судебного разбирательства, связанного с теорией доказательств и состязательностью сторон, весьма ограничивает ее роль и значение, приводит к слишком узкому пониманию ее содержания. Презумпция невиновности – правовое явление, затрагивающее различные социальные связи, в том числе относящиеся к избирательному процессу, к административному разбирательству, к налоговым отношениям и т. п. Как конституционный принцип презумпция невиновности взаимодействует с иными конституционными принципами: принципом правового государства, социального, демократического государства, свободы, равенства, справедливости, законности и др. В презумпции невиновности проявляется баланс публичных и частных интересов государственно-организованного общества. В существовании этого важнейшего конституционного феномена проявляется значимость индивида в правовой системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк. – М. : Социум, 2016. – 494 с.
2. Беккариа Ч. О преступлении и наказании / Ч. Беккариа. – М. : Директ-Медиа, 2011. – 183 с.
3. Еллинек Г. Декларация прав человека и гражданина / Г. Еллинек ; пер. с нем. под ред. А. Э. Вормса. – [2-е изд., пересмотр.]. – М., 1905. – XIX, 81 с.
4. Строгович М. С. Уголовный процесс : учеб. для вузов / М. С. Строгович. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 311 с.
5. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н. Н. Полянский ; под ред.: Д. С. Карев. – М. : МГУ, 1956. – 196 с.
6. Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств / А. И. Трусов. – М. : Госюриздат, 1960. – 176 с.
7. Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса / Я. О. Мотовиловкер. – Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1978. – 96 с.
8. Якуб М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права / М. Л. Якуб. – М., 1960. – 171 с.
9. Петрухин И. Л. Презумпция невиновности – конституционный принцип советского уголовного процесса / И. Л. Петрухин // Советское государство и право. – 1978. – № 12. – С. 18–24.
10. Абдрашитов В. М. Актуальные проблемы и вопросы понимания и толкования принципа презумпции невиновности в современном праве / В. М. Абдрашитов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). – С. 48–53.
11. Абдрашитов В. М. Принцип презумпции невиновности в России и тенденции в области прав человека / В. М. Абдрашитов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2012. – № 1 (16). – С. 33–39.
12. Алиев Т. Т. Основные начала уголовного судопроизводства / Т. Т. Алиев, Н. А. Громов. – М., 2003. – 144 с.
13. Бабаев В. К. Презумпции в советском праве / В. К. Бабаев. – Горький : Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. – 124 с.
14. Савицкий В. М. Презумпция невиновности / В. М. Савицкий. – М. : Норма, 1997. – 121 с.
15. Fletcher G. P. The presumption of innocence in the Soviet Union / G. P. Fletcher // UCLA Law Review. – 1967. – Vol. 15. – P. 1203–1224.
16. Baradaran S. Restoring the presumption of innocence / S. Baradaran // Ohio State Law Journal. – 2011. – Vol. 72, no. 4. – P. 723–776.
17. Tadros V. The ideal of the presumption of innocence / V. Tadros // Criminal Law and Philosophy. – 2014. – Vol. 8, no. 2. – P. 449–467.
18. Whitman J. Q. Presumption of Innocence or Presumption of Mercy: Weighing Two Western Modes of Justice / J. Q. Whitman // Texas Law Review. – 2015. – Vol. 94. – P. 933–993.
19. Ferguson P. R. The presumption of innocence and its role in the criminal process / P. R. Ferguson // Criminal Law Forum. – 2016. – Vol. 27, no. 2. – P. 131–158.
20. Laudan L. The presumption of innocence: Material or probatory? / L. Laudan // Legal Theory. – 2005. – Vol. 11, no. 4. – P. 333–361. – DOI: 10.1017/S1352325205050184.
21. Бибило В. Н. Презумпция невиновности как сущностное начало уголовного процесса / В. Н. Бибило // Бибило В. Н. Теория и история права, судоустройства и уголовного процесса : сб. науч. ст. / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2020. – С. 256–264.
22. Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. / С. А. Авакьян. – Изд. 7-е. – М. : Норма, 2021. – Т. 1. – 864 с.; Т. 2. – 936 с.
23. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
24. Кокотов А. Н. Право конституции в российском праве / А. Н. Кокотов // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10 (47). – С. 2162–2168.
25. Костюков А. Н. Четвертьвековой юбилей Российской Конституции / А. Н. Костюков // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 3. – С. 5–18. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(3).5-18.

26. Костюков А. Н. Выборность органов власти в Российской Федерации и российская дореволюционная цензовая избирательная система / А. Н. Костюков // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 17–25. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).17-25.

27. Ливеровский А. А. Уточнение смысловых представлений о конституционном нормоконтроле / А. А. Ливеровский // Право: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 32–48.

28. Ливеровский А. А. Право Конституции / А. А. Ливеровский // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права, конституционная аксиология пропорциональности : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20–22 мая 2016 г. / под общ. ред. А. А. Ливеровского, В. П. Сальникова. – СПб. : Фонд «Университет» : С.-Петерб. гос. экон. ун-т, 2017. – С. 182–194.

29. Шупицкая О. Н. Конституционные принципы как часть социальной системы / О. Н. Шупицкая // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 5. – С. 12–16.

30. Шупицкая О. Н. Реализация конституционных принципов в судебном правоприменении / О. Н. Шупицкая // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 56–64. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(1).56-64.

31. Шупицкая О. Н. Конституционное право: общие положения : пособие / О. Н. Шупицкая. – Гродно : ГрГУ, 2019. – 63 с.

REFERENCES

1. Locke J. *Two treatises on government*. Moscow, Sotsium Publ., 2016. 494 p. (In Russ.).
2. Beccaria Ch. *About crime and punishment*. Moscow, Direkt-Media Publ., 2011. 183 p. (In Russ.).
3. Jellinek G. *Declaration of Human and Civil Rights*, Trans. from German edited by A.E. Worms, 2nd ed. Moscow, 1905. XIX + 81 p. (In Russ.).
4. Strogovich M.S. *Criminal process*, Textbook for universities. Moscow, Legal Publishing house of the People's Commissariat of Justice of the USSR Publ., 1941. 311 p. (In Russ.).
5. Polyanskii N.N. *Questions of the theory of the Soviet criminal process*, ed. by D.S. Karev. Moscow, Moscow State University Publ., 1956. 196 p. (In Russ.).
6. Trusov A.I. *Fundamentals of the theory of judicial evidence*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 176 p. (In Russ.).
7. Motovilovker Ya.O. *About principles of objective truth, the presumption of innocence and the adversarial process*. Yaroslavl, Yaroslavl University Publ., 1978. 96 p. (In Russ.).
8. Yakub M.L. *The Democratic foundations of the Soviet criminal law and procedure*. Moscow, 1960. 171 p. (In Russ.).
9. Petrukhin I.L. The presumption of innocence – the constitutional principle of the Soviet criminal process. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1978, no. 12, pp. 18–24. (In Russ.).
10. Abdrashitov V.M. Actual problems and issues of understanding and interpretation of the principle of the presumption of innocence in modern law. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya = Science journal of Volgograd state university. Jurisprudence*, 2012, no. 2 (17), pp. 48–53. (In Russ.).
11. Abdrashitov V.M. Principle of presumption of innocence in Russia and modern tendencies in human rights. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya = Science journal of Volgograd state university. Jurisprudence*, 2012, no. 1 (16), pp. 33–39. (In Russ.).
12. Aliev T.T., Gromov N.A. *The main principles of criminal proceedings*. Moscow, 2003. 144 p. (In Russ.).
13. Babaev V.K. *Presumptions in Soviet law*. Gorky, Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1974. 124 p. (In Russ.).
14. Savitskii V.M. *Presumption of innocence*. Moscow, Norma Publ., 1997. 121 p. (In Russ.).
15. Fletcher G.P. The presumption of innocence in the Soviet Union. *UCLA Law Review*, 1967, no. 15, pp. 1203–1224.
16. Baradaran S. Restoring the presumption of innocence. *Ohio State Law Journal*, 2011, vol. 72, pp. 723–776.
17. Tadros V. The ideal of the presumption of innocence. *Criminal Law and Philosophy*, 2014, vol. 8, no. 2, pp. 449–467.

18. Whitman J.Q. Presumption of Innocence or Presumption of Mercy: Weighing Two Western Modes of Justice. *Texas Law Review*, 2015, vol. 94, pp. 933–993.
19. Ferguson P.R. The presumption of innocence and its role in the criminal process. *Criminal Law Forum*, 2016, vol. 27, no. 2, pp. 131–158.
20. Laudan L. The presumption of innocence: Material or probatory? *Legal Theory*, 2005, vol. 11, no. 4, pp. 333–361. DOI: 10.1017/S1352325205050184.
21. Bibilo V.N. The presumption of innocence as the essential beginning of the criminal process, in: Bibilo V.N. *Teoriya i istoriya prava, sudoustroistva i ugovornogo protsesssa*, Collection of scientific articles, Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2020, pp. 256–264. (In Russ.).
22. Avak'yan S.A. *Constitutional law of Russia*, Training course, in 2 volumes. Moscow, Norma Publ., 2021. Vol. 1. 864 p.; Vol. 2. 936 p. (In Russ.).
23. Bondar' N.S. *Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice*. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2011. 544 p. (In Russ.).
24. Kokotov A.N. Law of the constitution in the Russian Law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 10 (47), pp. 2162–2168. (In Russ.).
25. Kostyukov A.N. Quarter-century anniversary of the Russian Constitution. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 3, pp. 5–18. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(3).5-18. (In Russ.).
26. Kostyukov A.N. The electivity of public authorities in the Russian Federation and the Russian pre-revolutionary electoral qualification system. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 17–25. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).17-25. (In Russ.).
27. Liverovsky A.A. Clarification of the Concept of Constitutional Normative Control. *Pravo: istoriya i sovremennost'*, 2018, no. 1, pp. 32–48. (In Russ.).
28. Liverovsky A.A. The right of the Constitution, in: Liverovsky A.A., Sal'nikov V.P. (eds.). *Methodology of modern constitutionalism: the constitutionalization of positive law; constitutional axiology of proportionality*, Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference on Constitutional Law, St. Petersburg, May 20–22, 2016, St. Petersburg, Fund «University», St. Petersburg State Economic University Publ., 2017, pp. 182–194. (In Russ.).
29. Shupitskaya O.N. Constitutional principles as a social system constituent. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2018, no. 5, pp. 12–16. (In Russ.).
30. Shupitskaya O.N. Application of constitutional principles in judicial enforcement. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 1, pp. 56–64. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(1).56-64. (In Russ.).
31. Shupitskaya O.N. *Constitutional law: general provisions*, training manual. Grodno, Grodno State University Publ., 2019. 63 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шулицкая Оксана Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
230023, Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22
E-mail: oshupitskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1699-3583
SPIN-код РИНЦ: 5222-9274

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Aksana N. Shupitskaya – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of International Law
Yanka Kupala State University of Grodno
22, Ozheshko ul., Grodno, 230023, Belarus
E-mail: oshupitskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1699-3583
RSCI SPIN-code: 5222-9274

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шулицкая О.Н. Презумпция невиновности как конституционный феномен / О.Н. Шулицкая // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 43–51. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).43-51.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Shupitskaya A.N. The presumption of innocence as a constitutional phenomenon. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 43–51. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).43-51. (In Russ.).

ПОВЫШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ КОНТРОЛЕ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Т.Н. Михеева, Д.С. Михеев

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

06 апреля 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Ключевые слова

Общественный контроль,
местное самоуправление,
субъекты общественного
контроля

Один из новых демократических институтов России – общественный контроль – рассматривается с позиций его реализации на муниципальном уровне. Анализируется законодательно закрепленный перечень субъектов, уполномоченных осуществлять контрольные мероприятия. Установлено, что унифицированный субъектный состав, замыкающийся в основном на общественных палатах (советах), не учитывает специфику местного самоуправления. С целью активизации гражданского участия в контроле и оценке деятельности власти на муниципальном уровне рассматривается незадействованный ресурс местного сообщества, отдельные сегменты которого и сейчас показывают примеры общественной активности. На этой основе вносятся предложения о законодательном расширении перечня потенциальных субъектов общественного контроля.

INCREASING CIVIL PARTICIPATION IN PUBLIC CONTROL AT THE MUNICIPAL LEVEL

Tatiana N. Mikheeva, Denis S. Mikheev

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

Article info

Received –

2022 April 06

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

Keywords

Public control, local self-
government, public control
subjects

The subject of the research is public control, which is considered to be a modern instrument of citizens' participation in the cases of local self-government. It significantly complements the basic mechanisms of direct democracy at the municipal level, providing the population with the opportunity to evaluate the activities of local authorities.

The purpose of the study is to consider public control from the perspective of its implementation at the municipal level. The key task is to find and justify additional subjects close to this level, revealing new opportunities for a more active response of residents to the shortcomings of the local authorities. The most important in this series is the definition of citizens' role and the public structures they create in the implementation of public control. Another significant task is to develop recommendations for improving the legal regulation of public control at the municipal level.

The methodology. The solution of the set tasks is supposed to be carried out using a number of cognition methods with the analysis as the leading one. It has become determinant in the study of scientific sources and the empirical base. The doctrinal method was used to study the opinions of legal scholars on the issue under discussion. Working with legislation regulating public control was based on a formal and logical method. To formulate the research conclusions the authors used general scientific methods of synthesis and analogy, as well as general-to-specific method.

The main results. The analysis showed that the public chambers (councils) of municipalities created by local governments to exercise public control are to a certain extent dependent on these bodies. We focused on more independent segments of the local community that are not included in the law, but show examples of social activity. The resource of society increases many times if three new subjects at the municipal level are given legislative access to public control: citizens, local public associations, and organized groups of citizens – territorial public self-governments that successfully operate in the local territories of municipalities.

Conclusions. The recommendations presented in the study are the basis for improving domestic legislation on public control and local self-government. Filling in the legislative gaps should have a positive impact on law enforcement practice. The practical nature of the received conclusions and proposals is that they open up new opportunities for the represent-

atives of the local community: (a) to protect their rights and legitimate interests with the help of the tools of public control; (b) to promptly correct mistakes and miscalculations of local authorities. The authors are convinced that the development of democracy on the scale of such a huge state as the Russian Federation should start with a small entity — its entrance hall, street, neighborhood, settlement, and city.

1. Введение

Одним из признаков демократического государства является право граждан на управление государственными делами. Данное право наиболее непосредственным образом может быть реализовано на местном уровне¹, чем демонстрируется ценность общественной активности не только лидеров, политиков, парламентариев и других публичных людей, но и каждого человека, проживающего в небольшом городке, сельском поселении.

Государства обязаны обеспечить каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, право участвовать в делах местного органа власти, понимая под этим право стремиться или влиять на осуществление полномочий и обязанностей местных органов власти². Эти слова можно понимать как доказательство отсутствия или неадекватности существующих мер для права на участие в делах местного самоуправления [1, р. 271]; также как недостаточной прозрачности осуществления местными органами власти полномочий и обязанностей [2, с. 25].

Российское законодательство предоставляет гражданам достаточно широкие возможности участвовать в решении вопросов местного значения посредством референдума, собраний и конференций граждан, публичных слушаний и других форм муниципальной демократии. И.В. Тепляшин считает, что общественное присутствие не только необходимо, но и является значимым качеством демократии современной России [3, с. 3]. В свою очередь местное самоуправление, по мнению А.Н. Костюкова, как самостоятельная форма демократии, призвано оживить гражданскую активность населения, в том числе с целью совместного принятия публично значимых решений [4, с. 31]. В дополнение к данному тезису отметим, что у граждан при этом имеется прямая заинтересованность, поскольку именно в рамках муниципалитетов решаются их повседневные вопросы

по обеспечению качественной жизни. Жители знают все особенности, которые присутствуют на их микроуровне, и мы не должны удивляться, что они становятся более требовательными к результатам работы власти.

С принятием Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³ (далее – Закон № 212-ФЗ) жители муниципальных образований приобрели новые правовые рычаги для оценки деятельности органов местной власти. Институт общественного контроля следует рассматривать как дополнение базовых механизмов прямой демократии, расширение гражданских прав.

Названный закон породил противоречивые оценки, особенно в части субъектов общественного контроля, закрепленных в ст. 9. Если одни исследователи полагают, что наибольшая ценность принятого закона заключается в закреплении системы и правового статуса субъектов общественного контроля [5, с. 33], то другие, напротив, видят недостатком закона слишком узкий круг названных субъектов [6, с. 45]; указывают на общественные объединения, незаслуженно не упомянутые в ст. 9 [7, с. 238]. Нами также неоднократно высказывалось мнение об обоснованности критики по поводу отсутствия в перечне таких субъектов, как граждане и общественные объединения [8, р. 268–269], подчеркивалась неоднозначность закона в отношении граждан, не позволяющая даже наиболее активным из них по собственному волеизъявлению включиться в общественный контроль [9, с. 121; 10, с. 179; 11, с. 91].

Согласимся с R. James и W.F. Hatch в том, что, несмотря на возможность участия в общественном контроле граждан, общественных объединений, его система замкнута на общественные палаты и общественные советы, так как только они согласно закону являются субъектами данного контроля. Соответственно, чтобы получить статус официальных ре-

¹ Европейская хартия местного самоуправления ETS № 122 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 36. Ст. 4466.

² Additional Protocol to the European Charter of Local Self-Government on the right to participate in the affairs of a local

authority (Utrecht, 16.IX.2009). URL: <https://rm.coe.int/168008482a>.

³ Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4213.

зультатов общественного контроля, материалы правозащитных некоммерческих организаций должны будут пройти через их фильтр [12].

Закон № 212-ФЗ сейчас закрепляет лишь унифицированных субъектов, не предлагая для местного самоуправления каких-то иных, более приближенных к населению общественных структур, которые могли бы реализовать свои возможности в данном направлении. Авторы видят актуальной исследовательской задачей обоснование дополнительных субъектов общественного контроля в сфере местного самоуправления, открывающее новые возможности для активности жителей.

2. Обоснование необходимости дополнительных субъектов общественного контроля на муниципальном уровне

На новый для российской правовой системы институт общественного контроля возлагались большие надежды. Его появление было встречено сначала с большим энтузиазмом и оценивалось как один из самых эффективных механизмов обеспечения прозрачности публичной власти [13, с. 32], как инструмент противодействия коррупции в дополнение к государственному контролю [14, с. 38]. Согласно позиции председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, институт общественного контроля является показателем общественного согласия, социального компромисса для облечения социально-политической стабильности, необходимой для дальнейшего развития общества и государства [15, с. 7–8].

Однако встречаются и более осторожные оценки. Например, А.А. Минина и О.А. Ризк высказывают опасения, что общественный контроль может быть использован для борьбы против власти и стать некой оппозиционной силой [16, с. 622].

Объективное суждение удалось сформировать С.А. Авакьяну, полагающему, что в принципе общественный контроль оказался не адекватен тем надеждам, которые имеются в обществе в связи с необходимостью воздействия на государство, структуры государственной и муниципальной власти [17, с. 9–10]. Разделяя это мнение, дополним, что во многом причиной его появления стали недостатки самого Закона № 212-ФЗ, препятствующие широкому внедрению нового демократического института в жизнь. К подобному убеждению приходишь, когда анализируешь законодательные нормы с позиций применения в муниципальных образованиях.

В структуре общественных элементов, активно заявляющих о себе на местном уровне, отмечаются:

население, инициативные граждане, большой пласт различных объединений граждан, которые более чувствительны к общественным проблемам, выступают своеобразным барометром мнения и нужд населения, улавливают их быстрее, чем властные органы. К таковым можно отнести общественные объединения различной направленности: экологические, молодежные, женские и другие организации, деятельность которых осуществляется на территории поселения, города, иного муниципального образования и имеет в основе местный интерес.

Также заслуживают внимания добровольно образуемые населением для реализации собственных инициатив общественные структуры по месту проживания – территориальные общественные самоуправления (далее – ТОС).

Подобная практика нашла распространение и в зарубежных государствах. Е.А. Незнамова отмечает создаваемые с конца 1960-х гг. в крупных американских городах различные гражданские формирования, целью которых ставилось повышение эффективности обслуживания районов и обеспечения взаимодействия с населением [18, с. 181]. Н.В.С. Spiegel приводит пример получивших известность так называемых *Blockorganization* – организаций, объединяющих жителей одной или нескольких улиц, стремящихся к улучшению обеспечения чистоты территории, благоустройства дворовых площадок, поддержанию общественного порядка [19].

Образным в данном контексте является мнение М. Реџариџ о том, что местное население может служить «лабораториями демократии» [1, р. 280]. В нашем случае было бы уместным дополнить это меткое выражение: «Местное сообщество способно стать “лабораторией демократии”, порождающей новых субъектов общественного контроля, адаптированных к муниципальному уровню». Отвечая на вопрос, почему здесь таковые необходимы, заметим, что люди должны иметь возможность проявить личную активность по месту проживания для достижения удовлетворения своих непосредственных интересов. Расширение доступа к общественному контролю в этом случае является условием для принятия новых предложений, критики и решений, чтобы побудить местную власть более чутко реагировать на разнообразные запросы жителей.

3. Система действующих субъектов общественного контроля и парадоксы закона

Субъектам общественного контроля в Законе № 212-ФЗ посвящена самостоятельная статья – ст. 9. Во-первых, ими являются Общественная палата РФ,

общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные палаты (советы) муниципальных образований, общественные советы при федеральных и региональных органах исполнительной власти; во-вторых, могут создаваться общественные инспекции и группы общественного контроля.

В.В. Гриб, указывая на неопределенность данной нормы, приходит к выводу, что, несмотря на незначительное различие в формулировке, исследуемые группы включают в себя различный субъектный состав и наполнены различным содержанием. За первой группой субъектов закреплено «осуществление», а за второй – «участие в осуществлении» общественного контроля [20, с. 14].

Характерной особенностью статуса общественных палат и общественных советов всех уровней является их аффилированность с органами, за деятельностью которых названные палаты и советы должны осуществлять общественный контроль. В.В. Гриб называет таких субъектов зависимыми по той причине, что они создаются (полностью или частично), поддерживаются и финансируются государством [21, с. 109–110]. По мнению С.А. Васильева, они являются по своей сути государственно-общественными формированиями [22, с. 160–161]. Аналогичная ситуация сохраняется и на муниципальном уровне. Там общественные палаты (советы) формируются либо при главе муниципального образования, либо при местной администрации [23, с. 99–100].

Между тем, говоря об общественных советах, И.В. Тепляшин находит их важным средством конструктивного диалога между государством и обществом и коммуникативной формой взаимодействия самих общественных структур [3, с. 4].

В целом же можно констатировать, что вся официальная система многочисленных субъектов общественного контроля представлена участниками, не свободными от влияния органов публичной власти.

Законодатель своеобразно подошел к правовой регламентации прав граждан в сфере общественного контроля. Они странным образом оказались за пределами ст. 9 и включены в самостоятельную статью – ст. 3 «Право граждан на участие в осуществлении общественного контроля», согласно которой граждане а) не называются субъектами общественного контроля; б) могут лишь участвовать в его осуществлении; в) по сути, имеют только две формы участия – в качестве общественного инспектора и общественного эксперта. Осмысление нормы и соотнесение ее с другими статьями Закона № 212-ФЗ убеждает, что «личного», по собственной инициативе, участия гражда-

нина не предусмотрено, оно связано с волеизъявлением третьих лиц, таких как организатор общественной проверки или общественной экспертизы.

Вероятно, законодатель опасался чрезмерного необоснованного вмешательства, неправомерного воздействия или создания препятствий деятельности органов публичной власти, т. е. того, что, по образному выражению В.В. Полянского и И.Б. Борисова, может вызвать «паралич властных органов» [24, с. 16].

На практике, если гражданин привлекается к общественной проверке или общественной экспертизе в качестве общественного инспектора или общественного эксперта, то он фактически выступает в качестве субъекта такого контроля. В этом случае имеются все основания включить категорию «граждане» в перечень субъектов, установленных ст. 9 Закона № 212-ФЗ.

Странности вышеназванной ст. 3 на этом не заканчиваются. Вопреки названию она урегулировала также и вопросы относительно общественных объединений, наделив их правом выступать организаторами общественного мониторинга, общественного обсуждения. Не имеется ни малейшего повода усомниться в том, что по перечисленным двум формам общественного контроля общественные объединения, не будучи официально признанными в законе субъектами, фактически являются ими. Логика подсказывает, что необходимо ликвидировать сложившуюся неоднозначную ситуацию и узаконить фактический статус общественных объединений путем их включения в ст. 9 Закона № 212-ФЗ, закрепившую субъектов общественного контроля, тем самым распространить на данные общественные структуры весь комплекс прав и обязанностей легитимных субъектов.

4. Потенциал местного сообщества для расширения субъектов общественного контроля

Местные общественные объединения и граждане получили, хотя и нечеткое, регулирование в Законе № 212-ФЗ. Их статус путем предложенных выше поправок может быть значительно укреплен, и местное сообщество получит дополнительное число субъектов общественного контроля. Они, в отличие от некоторых общественных палат и советов, зачастую выступающих лишь «украшением» легитимности, принесут дополнительный гражданский импульс в обсуждаемый общественный институт.

Вместе с тем в муниципалитетах существуют и другие организованные группы для продвижения потребностей своих членов. Заметной формой самоорганизации граждан по месту жительства стали тер-

риториальные общественные самоуправления, создающиеся добровольно гражданами для самостоятельного осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения и получившие урегулирование в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴ (далее – Закон № 131-ФЗ).

ТОС по сути своей является наиболее подвижной и оперативной формой самоорганизации граждан, максимально приближенной к жителям [25, с. 51], создание которой не диктуется сверху местными органами власти, а осуществляется по добровольной инициативе жителей.

С таких позиций представляется уместным наделение ТОС в лице его органов правом осуществлять общественный контроль за деятельностью муниципальных органов, непосредственно затрагивающей интересы жителей конкретной локальной территории. Именно в этом заключается самостоятельное и под свою ответственность осуществление собственных инициатив по вопросам местного значения, выступающее целью самоорганизации граждан по месту их жительства.

Закон № 131-ФЗ в числе главных полномочий органов ТОС называет представление интересов населения, проживающего на соответствующей территории; обеспечение исполнения решений, принятых на собраниях и конференциях жителей.

В 2020 г. Закон № 131-ФЗ был дополнен ст. 26.1⁵, посвященной инициативным проектам, в связи с чем заслуживает особого рассмотрения роль ТОС в этой сфере. В статье не дается понятие новой форме муниципальной демократии, однако из ее содержания можно заключить, что инициативное проектирование предполагает право жителей муниципального образования (или его части) на внесение в органы местного самоуправления инициативного проекта, связанного с решением того или иного вопроса местного значения, дальнейшее их участие в реализации (финансовое, имущественное, трудовое), а также в контроле за ходом выполнения.

Законодательная новелла существенно дополнила полномочия органов ТОС, наделив их правом

инициативы на внесение такого проекта и, что особенно актуально в контексте настоящего исследования, – правом на осуществление общественного контроля за его реализацией.

Данные технологии напрямую связаны с повышением гражданской активности, поскольку объектом инициативного проектирования являются мероприятия по благоустройству территорий проживания населения, общественных пространств [26, с. 34–35], т. е. вопросов, близких для него, непосредственно влияющих на качество, комфортность, обустройство среды обитания.

Возложение функции общественного контроля на ТОС в данном случае убеждает в жизнеспособности нашего предложения о закреплении ТОС в Законе № 212-ФЗ в качестве самостоятельного субъекта общественной контрольной деятельности в целом. Очевидно, что в силу многочисленности этих структур в России (около 35 000)⁶ и той роли, которая им отводится в новых условиях, позиции общественного контроля в сфере местного самоуправления могут значительно упрочиться.

У ТОС как субъекта общественного контроля появляется возможность привлечения общественных инспекторов к общественной проверке и общественных экспертов к общественной экспертизе из числа компетентных граждан, проживающих на локальной территории общественного самоуправления. Подбор кандидатур для привлечения в качестве общественного инспектора и общественного эксперта значительно упрощается. Совместное проживание и неформальные межличностные коммуникации жителей позволяют неплохо узнать друг друга, составить представление об образовательном уровне, деловых качествах, квалификации, правовой культуре граждан.

При всей демократичности постановки вопроса о расширении имеющихся в Законе № 212-ФЗ субъектов, нельзя обойти вниманием осторожные мнения. А.Д. Керимов отмечает, что общественный контроль как одна из форм участия граждан в государственном (муниципальном) управлении выступает одним из наиболее сложных видов человеческой

⁴ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁵ Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Россий-

ской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4762.

⁶ Стратегия развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации до 2030 года: принята решением Общего собрания ОАТОС от 13 мая 2022 г. № 5. URL: https://strategiya_razvitiya_tos_v_rossiyskoy_federacii_do_2030 (дата обращения: 24.12.2022).

деятельности, требующим соответствующих знаний и навыков, широкой эрудиции и даже мудрости [27, с. 25–26]. Аналогичное мнение высказывается Е.С. Шугриной, озабоченной отсутствием в числе основных принципов общественного контроля профессионализма и компетентности. Например, для граждан, изъявивших желание участвовать в общественном контроле, можно предусмотреть прохождение государственной, муниципальной или общественной аккредитации [28, с. 21–22]. Г.Н. Чеботарев также указывает на важность проведения тщательного отбора претендентов для включения в общественные инспекции и группы общественного контроля. Он предлагает обеспечить представительство разумных граждан, которые в силу своего образования, квалификации, личностных качеств, правовой и политической культуры настроены на конструктивный диалог с властью, адекватно воспринимают ошибки и просчеты органов власти. Они должны быть способны предложить конкретные варианты исправления таких ошибок и предотвращения возможных негативных последствий принимаемых решений [29, с. 47].

Закон № 212-ФЗ содержит некоторые положения, гарантирующие как от необоснованного осуществления общественного контроля его субъектами, так и от допуска к нему некомпетентных исполнителей. Например, для инициирования общественной проверки требуются основания – жалоба, сообщение в средствах массовой информации и другие поводы. Безосновательное проведение проверки недопустимо, простого желания гражданина или иного субъекта из личных побуждений проверить работу органа или организации недостаточно.

5. Заключение

Развитие местной демократии наиболее успешно, по мнению А.И. Черкасова, на небольших территориях, в рамках которых возможно действительное участие населения в решении различных вопросов местной жизни [30, с. 101]. Здесь сказывается близость к населению муниципальных органов, а также масштаб решаемых ими задач – предоставление жителям важнейших жизнеобеспечивающих муниципальных услуг. Население знакомо с работой этих органов непосредственно, ощущает ее эффек-

тивность, видит недостатки и могло бы внести свой плодотворный вклад в повышение общего коэффициента полезного действия. В силу этого общественный контроль как инструмент проверки и оценки деятельности публичной власти представляется наиболее значимым в сфере местного самоуправления.

Однако возможности Закона № 212-ФЗ, проанализированные через призму муниципальных образований, представляются не вполне достаточными, как невелик и эффект от их реализации. Подобный пессимизм вызван отсутствием приближенных к муниципальному уровню субъектов общественного контроля. В их числе не нашлось места гражданам и созданным по их инициативе различного рода гражданским формированиям из состава местного сообщества.

Для выполнения миссии общественного контроля требуется благоприятная среда, включая благоприятное законодательство, устанавливающее точные и ясные процедуры. Обоснована необходимость дополнения субъектного состава Закона № 212-ФЗ за счет имеющихся резервов местных сообществ. Гражданский ресурс многократно возрастает, если к контрольным мероприятиям открыть законодательный доступ трем новым субъектам на муниципальном уровне: гражданам непосредственно; местным общественным объединениям; организованным группам граждан – ТОС, успешно действующим на локальных территориях муниципалитетов.

Сформулированные в исследовании рекомендации являются основой совершенствования отечественного законодательства об общественном контроле, о местном самоуправлении. Восполнение законодательных пробелов позитивным образом должно сказаться на правоприменительной практике. Прикладной характер полученных выводов и предложений заключается в том, что они открывают перед представителями местного сообщества новые возможности а) защиты своих прав и законных интересов инструментами общественного контроля; б) оперативной корректировки ошибок и просчетов органов местной власти. Авторы убеждены, что развитие демократии в масштабах такого огромного государства, как Россия, нужно начинать с малого – своего подъезда, улицы, микрорайона, поселения, города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pečarič M. Some Initiatives for Modernization of Local Democracy / M. Pečarič // *Lex localis – Journal of Local Self-Government*. – 2013. – Vol. 11, № 3. – P. 271–291. – DOI: 10.4335/11.3.271-291(2013).

2. Готов С. А. «Забытый» протокол. Когда Россия будет готова ратифицировать Дополнительный протокол «О праве участвовать в делах местного органа власти» / С. А. Готов // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 8 (57). – С. 21–26.
3. Тепляшин И. В. Общественные советы в системе субъектов общественного контроля / И. В. Тепляшин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 9. – С. 3–7. – DOI: 10.18572/1813-1247-2019-9-3-7.
4. Костюков А. Н. Народовластие и местное самоуправление: конституционные проблемы реализации / А. Н. Костюков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (33). – С. 30–37.
5. Гриб В. В. Место и роль общественных палат в системе общественного контроля в Российской Федерации / В. В. Гриб // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 33–38.
6. Киричек Е. В. Общественный контроль в России: некоторые теоретико-методологические особенности и проблемы законодательного регулирования / Е. В. Киричек // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 9. – С. 43–46.
7. Килессо М. А. Субъекты, осуществляющие общественный контроль над деятельностью органов местного самоуправления в России / М. А. Килессо // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 3 (87). – С. 237–240. – DOI: 10.7256/1999-2807.2015.3.14320.
8. Mikheeva T. N. On Changes of Public Control in the Legislation / T. N. Mikheeva, D. S. Mikheev // Proceedings of SOCIOINT 2017 - 4th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities 10-12 July. Dubai, UAE. – 2017. – P. 267–270.
9. Михеев Д. С. Роль гласности в осуществлении общественного контроля на муниципальном уровне / Д. С. Михеев, Т. Н. Михеева // Вестник Российского университета кооперации. – 2016. – № 1 (23). – С. 120–123.
10. Михеева Т. Н. Общественный контроль с позиций конституционного права граждан на участие в управлении делами государства / Т. Н. Михеева // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10 (95). – С. 177–183. – DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.177-183.
11. Михеева Т. Н. К вопросу об общественных палатах муниципальных образований / Т. Н. Михеева // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 1. – С. 88–92.
12. James R. Organizing Civil Society in Russia and China: A Comparative Approach / R. James, W. F. Hatch // International Journal of Politics, Culture and Society. – 2013. – Vol. 26, iss. 4. – P. 323–347.
13. Дементьев А. Н. Общественный контроль как необходимое условие обеспечения прозрачности деятельности публичной власти, предупреждения и предотвращения коррупции / А. Н. Дементьев, О. А. Дементьева // Муниципальная власть. – 2015. – № 4. – С. 32–37.
14. Прудентов Р. В. Общественный контроль как инструмент противодействия коррупции / Р. В. Прудентов // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 10. – С. 37–42.
15. Зорькин В. Д. Конституция Российской Федерации – правовая основа интеграции российского общества / В. Д. Зорькин // Государство и право. – 2018. – № 12. – С. 5–17.
16. Минина А. А. Правовая активность граждан как критерий эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления / А. А. Минина, О. А. Ризк // Административное и муниципальное право. – 2014. – № 7 (79). – С. 619–625. – DOI: 10.7256/1999-2807.2014.7.12258.
17. Авакьян С. А. Об эффективности общественного контроля в Российской Федерации / С. А. Авакьян // Проблемы реализации общественного контроля на уровне местного самоуправления : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – Йошкар-Ола : Вертола, 2016. – С. 8–12.
18. Незнамова Е. А. Местное самоуправление: прошлое, настоящее, будущее / Е. А. Незнамова. – М. : РАГС, 2009. – 268 с.
19. Spiegel H. Love thy neighborhood! Essays on Neighborhood Development / H. Spiegel // Citizen Forum National Municipal League. – New York, 1982. – P. 8–11.
20. Гриб В. В. Актуальные проблемы нормативного закрепления системы субъектов общественного контроля в Российской Федерации / В. В. Гриб // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 1. – С. 13–16.
21. Гриб В. В. Общественный контроль : учеб. / В. В. Гриб. – М. : Юрист, 2017. – 656 с.
22. Васильев С. А. Государственно-общественные формирования как субъекты конституционно-правовых отношений / С. А. Васильев // Lex russica. – 2017. – № 1 (122). – С. 153–163. – DOI: 10.17803/1729-5920.2017.122.1.153-163.

23. Антонова Н. А. Развитие общественного контроля в муниципальных образованиях / Н. А. Антонова // Конституционализм и государственное устройство. – 2017. – № 2 (10). – С. 97–101.
24. Полянский В. В. Общественный контроль на выборах : учеб. / В. В. Полянский, И. Б. Борисов. – М. : Бахрах-М, 2015. – 183 с.
25. Чекрыга М. А. Вопросы правового регулирования территориального общественного самоуправления / М. А. Чекрыга // Правоприменение. – 2019. – Т. 3, № 2. – С. 50–58. – DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).50-58.
26. Усманова Р. М. Соучаствующее проектирование как форма партисипаторной демократии на местном уровне / Р. М. Усманова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 4. – С. 32–35. – DOI: 10.18572/1813-1247-2021-4-32-35.
27. Керимов А. Д. Государственная ориентация общественной жизнедеятельности: вопросы теории / А. Д. Керимов. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 191 с.
28. Шургина Е. С. Возможные направления повышения эффективности деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации / Е. С. Шургина // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 3. – С. 19–24.
29. Чеботарев Г. Н. Общественный контроль в системе местного самоуправления / Г. Н. Чеботарев // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 9. – С. 45–48.
30. Черкасов А. И. Местное управление в зарубежных странах: реформы и тенденции развития / А. И. Черкасов // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1 (88). – С. 97–105.

REFERENCES

1. Pečarič M. Some Initiatives for Modernization of Local Democracy. *Lex localis – Journal of Local Self-Government*, 2013, vol. 11, no. 3, pp. 271–291. DOI: 10.4335/11.3.271–291(2013).
2. Glotov S.A. “Forgotten protocol”. When will Russia be ready to ratify the Additional Protocol to the European Charter of Local Self-Government on the right to participate in the affairs of a local authority? *Aktual’nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 8, pp. 21–26. (In Russ.).
3. Teplyashin I.V. Public Councils within the System of Public Control Subjects. *Gosudarstvennaia vlast’ i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*, 2019, no. 9, pp. 3–7. DOI: 10.18572/1813-1247-2019-9-3-7. (In Russ.).
4. Kostyukov A.N. The People’s Authority and Local Self-Government: Constitutionale Problems of Execution. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2018, no. 4, pp. 30–37. (In Russ.).
5. Grib V.V. The Place and Role of Civic Chambers in the System of Public Control in the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal’noe pravo = Constitutional and municipal Law*, 2015, no. 5, pp. 33–38. (In Russ.).
6. Kirichek E.V. Public control in Russia: Some Theoretical Methodological Features and Problems of Legislative regulation. *Konstitutsionnoe i munitsipal’noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2016, no. 9, pp. 43–46. (In Russ.).
7. Killesso M.A. Subjects Executing Public Control over the Activities of Local Governments in Russia. *Administrativnoe i munitsipal’noe pravo = Administrative and municipal Law*, 2015, no. 3 (87), pp. 237–240. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.3.14320. (In Russ.).
8. Mikheeva T.N., Mikheev D.S. On Changes of Public Control in the Legislation. *Proceedings of SOCIOINT 2017 – 4th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities*, 10-12 July, Dubai, UAE, 2017, pp. 267–270.
9. Mikheev D.S., Mikheeva T.N. Publicity Role in Implementation of Public Control at the Municipal Level. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Vestnik of the Russian University of Cooperation*, 2016, no. 1 (23), pp. 120–123. (In Russ.).
10. Mikheeva T.N. Public Control from the Standpoint of the Constitutional Right of Citizens to Participate in the State Affairs Management. *Aktual’nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 1, pp. 177–183. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.177-183. (In Russ.).
11. Mikheeva T.N. On Civic Chambers of Municipalities. *Aktual’nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 1, pp. 88–92. (In Russ.).

12. James R., Hatch W.F. Organizing Civil Society in Russia and China: A Comparative Approach. *International Journal of Politics, Culture and Society*, 2013, vol. 26, iss. 4, pp. 323–347.
13. Dement'ev A., Dement'eva O. Social control as an essential condition for ensuring the transparency of the public authority, warning and the prevention of corruption. *Munitsipal'naya vlast'*, 2015, no. 4, pp. 32–37. (In Russ.).
14. Prudentov R.V. Public Control as an Instrument for Preventing Corruption. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2016, no. 10, pp. 37–42. (In Russ.).
15. Zorkin V.D. The Constitution of the Russian Federation – the legal basis the integration of Russian society. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2018, no. 12, pp. 7–8. (In Russ.).
16. Minina A.A., Rizk O.A. Legal Activity of Citizens as a Criterion for the Efficient Activities of the State Government and Municipal Bodies. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and Municipal Law*, 2014, no. 7 (79), pp. 619–625. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.7.12258. (In Russ.).
17. Avak'yan S.A. The effectiveness of social control in Russian Federation, in: *Problemy realizatsii obshchestvennogo kontrolya na urovne mestnogo samoupravleniya*, Collection of materials of the international scientific and practical conference, Yoshkar-Ola, Vertola Publ., 2016, pp. 8–12. (In Russ.).
18. Neznamova E.A. *Local Self-government: Past, Present, and Future*. Moscow, Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation Publ., 2009. 268 p. (In Russ.).
19. Spiegel H. Love thy neighborhood! Essays on Neighborhood Development, in: *Citizen Forum National Municipal League*, New York, 1982, pp. 8–11.
20. Grib V.V. Current Problems of Legitimizing the System of Public Control Subjects in the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2016, no. 1, pp. 13–16. (In Russ.).
21. Grib V.V. *Public Control*, Textbook. Moscow, Yurist Publ., 2017. 656 p. (In Russ.).
22. Vasiliev S.A. State and Public Formation as Subjects of Constitutional Legal Relations. *Lex russica*, 2017, no. 1, pp. 153–163. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.122.1.153-163. (In Russ.).
23. Antonova N.A. Development of Public Control in Municipal Formations. *Konstitutsionalizm i gosudarstvennoye pravo = Constitutionalism and Political Science*, 2017, no. 2, pp. 97–101. (In Russ.).
24. Polyanskii V.V., Borisov I.B. *Public Control in an Election*, Textbook. Moscow, Bakhrah-M Publ., 2015. 183 p. (In Russ.).
25. Chekryga M.A. Legal Framework of Territorial Public Self-Government. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 50–58. DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).50-58. (In Russ.).
26. Usmanova R.M. Partisipatory Design as a Form of Partisipatory Democracy on the Local Level. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe camoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2021, no. 4, pp. 32–35. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-4-32-35. (In Russ.).
27. Kerimov A.D. *State Orientation of Public Life: Questions of the Theory*. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2014. 191 p. (In Russ.).
28. Shugrina E.S. Opportunities of Increasing Efficiency of Public Control Subjects' Activities in the Russian Federation. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe camoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2016, no. 3, pp. 19–24. (In Russ.).
29. Chebotarev G.N. Public Control in Local Self-Government System. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 9, pp. 45–48. (In Russ.).
30. Cherkasov A.I. Local Government in Foreign Countries: Reforms and Development Trends. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2013, no. 1 (88), pp. 102–103. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Михеева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права *Марийский государственный университет* 424001, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1
E-mail: tnmiheeva14@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6060-0257

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tatiana N. Mikheeva – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation; Professor, Department of Constitutional and Administrative Law *Mari State University* 1, Lenina pl., Yoshkar-Ola, 424001, Russia
E-mail: tnmiheeva14@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6060-0257

ResearcherID: F-5996-2014
SPIN-код РИНЦ: 1737-2382

Михеев Денис Степанович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права
Марийский государственный университет
424001, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1
E-mail: Mikheev_DS@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5927-5859
ResearcherID: F-2946-2014
SPIN-код РИНЦ: 1108-9483

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Михеева Т.Н. Повышение гражданского участия в общественном контроле на муниципальном уровне / Т.Н. Михеева, Д.С. Михеев // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 52–61. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).52-61.

ResearcherID: F-5996-2014
RSCI SPIN-code: 1737-2382

Denis S. Mikheev – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Constitutional and Administrative Law
Mari State University
1, Lenina pl., Yoshkar-Ola, 424001, Russia
E-mail: Mikheev_DS@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5927-5859
ResearcherID: F-2946-2014
RSCI SPIN-code: 1108-9483

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Mikheeva T.N., Mikheev D.S. Increasing civil participation in public control at the municipal level.
Pravoprimerenie = Law Enforcement Review, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 52–61. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).52-61. (In Russ.).

НАЛОГОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВА И ПРАВИЛА ПРИМЕНЕНИЯ КОНТРОЛЬНО-КАССОВОЙ ТЕХНИКИ: ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ

А.А. Батарин^{1,2}

¹ Федеральная налоговая служба, г. Москва, Россия

² Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

01 октября 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Ключевые слова

Контрольно-кассовая техника,
налоговая обязанность,
административная
ответственность, налоговый
контроль, оперативный
контроль, фиксация расчетов,
налоговое правоотношение,
фискализация

Рассмотрено соотношение действующего правового регулирования применения контрольно-кассовой техники (ККТ) в Российской Федерации и налогового законодательства. Ввиду отсутствия на сегодняшний день необходимого качества правовой связи между применением ККТ и уплатой налогов автором, после определения места ККТ в системе правоотношений, последовательно рассмотрены теоретические, практические и нормотворческие вопросы интеграции законодательных норм о применении ККТ в систему налогового законодательства, обоснована необходимость такой интеграции и определены ее основные параметры. Отражены основные идеи автора относительно трансформации подхода законодателя к регулированию обязанности фиксации расчетов и оперативного контроля.

THE TAX LEGISLATION OF THE STATE AND THE RULES FOR THE USE OF CASH REGISTERS: INTEGRATION ISSUES

Aleksei A. Batarin^{1,2}

¹ Federal Tax Service of Russia, Moscow, Russia

² Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia

Article info

Received –

2022 October 01

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

Keywords

Cash registers, tax liability,
administrative responsibility, tax
control, operational control, fixing
settlements, tax legal relationship,
fiscalization

The subject of the study is the legal regulation of the obligation to use cash registers and its relationship with the tax obligation, as well as the ratio of tax control and control over the use of cash registers (operational control).

The purpose of the study is to determine the theoretical, practical and legislative (normative) approaches to the integration of relations for fixing settlements (including with the use of cash registers) in the sphere of tax legislation regulation. The author determined the place of relations in the field of application of cash registers in the system of tax legal relations.

The main hypothesis proposed by the author is that Russian legislation lacks the required quality of a legal link between the use of cash registers and the payment of taxes. According to the Tax Code of the Russian Federation, the obligation to use cash registers is not the responsibility of the taxpayer. At the same time, the obligation of organizations and individual entrepreneurs who make settlements in the Russian Federation is enshrined in a separate legislative act. This act establishes that the use of cash registers is carried out, among other things, for tax purposes, and the tax authorities are vested with the appropriate powers to control the use of cash registers.

The author emphasizes that the use of a cash register is a tool for fixing the calculation - documenting in the trusted zone of the state the fact of the financial and economic life of the taxpayer. The nature of the obligation to use cash registers is the nature of tax legal relations. Although liability for violation of the rules for the use of cash registers under Russian law is administrative in nature, this fact does not contradict the theory of law. Consequently, the transformation of administrative responsibility for violation of the rules for the use of cash registers into tax liability is optional.

In this regard, it is necessary to implement legislative changes in order to integrate into the tax legislation relations on the use of cash registers and control over the use of cash registers. The author, citing foreign legislation as an example, points to various options and degrees of integration. As the best option, it is proposed to include the obligation to record settlements in the Tax Code of the Russian Federation and recognize operational control as part of tax control there.

In the course of the work, the author used both general research methods, including methods analysis and synthesis, as well as industry, including the formal legal method.

Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that it is necessary to transform the approach to the use of cash registers, to move to the category of “fixing settlements”. The necessity of including operational control in the composition of tax control is emphasized. This fact will create a single set of tools and rules for the work of tax authorities. All of the above will lead to the fact that each specific fact of violation of the rules for the use of cash registers can be reflected in a desk or field tax audit. As a result, the obligation to fix the calculations will become the basis for the functioning of new and promising taxation regimes.

1. Введение

Контрольно-кассовая техника (далее – ККТ) представляет собой уникальный инструмент контроля учета выручки лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью.

Параметры обязанности применять ККТ, равно как и сфера фискализации, изменяются со временем в каждом отдельно взятом государстве исходя из экономических, социальных, политических и иных аспектов.

Несмотря на то, что то или иное государство может закрепить различные цели обязанности применения ККТ (фискальный контроль, контроль движения товаров, защита прав налогоплательщиков), одно остается неоспоримым (неважно, говорит об этом законодатель прямо либо нет) – это обеспечение документального оформления расчета, как правило, сопровождающееся выдачей чека.

Вторым важным параметром такой обязанности, которое является общим знаменателем для законодателей различных стран, является возложение администрирования и контроля за исполнением государственного предписания лицам применять ККТ на налоговые органы государства.

На этом, пожалуй, связующие законодательства различных государств моменты заканчиваются, уступая место различиям, которые чаще всего выражаются в степени интеграции правоотношений в сфере применения и контроля за применением ККТ в систему налогового законодательства.

Вместе с тем за скобками перманентно остается вопрос целеполагания, решение которого так и не нашло места в российском законодательстве, а именно: применение кассового аппарата есть инструмент фиксации расчета – документального

оформления в доверенной зоне государства факта финансово-хозяйственной жизни налогоплательщика. Только беря за точку опоры данный постулат, приходит осознание необходимости признания обязанности применения ККТ и контроля за применением ККТ частью налоговых правоотношений, за которым логически следует необходимость интеграции законодательных норм о применении ККТ в Налоговый кодекс РФ с трансформацией соответствующих обязанности и контроля.

2. Применение ККТ в системе налоговых правоотношений

Финансы составляют необходимую отрасль правительственной деятельности, потому что они дают материальные средства для всех учреждений и мероприятий государственной власти [1, с. 4].

В отношениях, возникающих в процессе финансовой деятельности государства, правила поведения людей призваны установить финансово-правовые нормы [2, с. 26], а урегулированное нормой права общественное отношение представляет собой правоотношение [3, с. 51], под которым понимается возникающая на основе норм права индивидуализированная общественная связь между лицами, характеризующаяся наличием субъективных юридических прав и обязанностей и поддерживаемая (гарантируемая) принудительной силой государства [4, с. 82]. Удовлетворение же публичного фискального интереса производится путем перераспределения экономических благ в установленной законом доле в пользу публично-правовых образований [5, с. 138].

Одним из субъектов финансовых отношений всегда выступает само государство в лице уполномоченного органа, осуществляющего от имени и под контролем государственной власти действия власт-

ного характера [6, с. 13]. Именно такие взаимосвязи, существующие между субъектами правоотношений, которые имеют властно-имущественный характер и возникают между налоговым органом и налогоплательщиком, образуют налоговые правоотношения [7, с. 12, 23], а вся совокупность правовых норм, которые определяют виды налогов, размер их и порядок их взимания, – можно назвать податным правом данного государства [8, с. 273], т. е. налоговым правом.

Стоит отметить, что от налоговых правоотношений, полноты охвата, всесторонности их регулирования зависят величина средств, поступающих в бюджет, устойчивость, быстрота и регулярность этих поступлений, а следовательно, и бесперебойность финансирования различных общегосударственных мероприятий, успешность осуществления финансово-экономической политики [9, с. 49–50]. Таким образом, налоги составляют органический источник государственных доходов. При этом с развитием цивилизации и культуры налоги получают первенствующее значение в финансовой системе государства [10, с. 286], которое всегда было и будет заинтересовано в создании и соблюдении налоговых отношений, обеспечивающих его имущественные интересы [11, с. XII].

Учитывая изложенное, одной из задач правового регулирования отношений, связанных с аккумуляцией доходов бюджета, является установление такого правового режима, который мог бы содействовать улучшению условий развития производства [12, с. 30].

Казалось бы, что всё вышесказанное – это прописные истины. Да, налоги важны, да – они необходимый аспект существования любого государства, которое появилось одновременно с ними [13, с. 170–171]. Но что обеспечивает уверенное поступление денежных средств в государственную казну? Естественно, это эффективное налоговое администрирование и не менее эффективный налоговый контроль, который в том числе обеспечивается наличием хорошо разработанных процедур [14, с. 245]. Справедливо согласиться, что налоговый контроль нацелен на создание совершенной системы налогообложения и достижение такого уровня исполнительности (налоговой дисциплины) среди налогоплательщиков и налоговых агентов, при котором исключаются нарушения налогового законодательства или их число остается незначительным [15, с. 189–190]. Соблюдение же норм налогового права обеспечивается возможностью государства применять меры принуждения за нарушение обязанностей [16, с. 84].

Эффективность и действенность налогового контроля зависит от четкости определения и законо-

дательного закрепления его объекта и предмета [17, с. 452], что особенно важно, ведь налоговый контроль охватывает и полномочия, не связанные непосредственно, не выражающиеся в перемещении денежных фондов [18, с. 484].

О формах и методах налогового контроля написано много: как исследований, так и нормативного материала, – однако за пределами такого налогового контроля до сих пор в российском налоговом законодательстве остается контроль за применением ККТ. Вместе с тем институт ККТ является одним из важных в системе налоговых правоотношений: именно посредством эффективной системы администрирования и наделения налоговых органов соответствующими инструментами возможно обеспечить должные (корректные) поступления налоговых отчислений от индивидуальных предпринимателей и организаций, реализующих, в первую очередь, товары, работы и услуги населению в бюджетную систему. Данный институт на сегодняшний день является ответом на вызовы рыночной экономики, когда происходит не упрощение, а усложнение финансовой деятельности, и для гарантии сохранения социальной направленности экономической, а также финансовой политики государства происходит усиление финансового контроля [19, с. 6].

Применение ККТ является частью налоговых отношений, но сегодня существует достаточно серьезный правовой водораздел между налоговой обязанностью и обязанностью применять ККТ (тогда как последняя по сути направлена на декларирование размера будущего налогового обязательства), между налоговым контролем и контролем за применением ККТ (тогда как оба этих контроля осуществляются налоговыми органами). В этой связи справедливо возникают предпосылки к интеграции правового регулирования сферы применения ККТ в налоговое законодательство, как теоретического, так и практического характера.

3. Теоретические предпосылки интеграции

Под интеграцией отношений в сфере применения ККТ в систему налогового законодательства стоит понимать не только механический перенос норм одного законодательного акта в другой, не только юридическую технику, хотя даже этого, по нашему мнению, достаточно. И тут нельзя не согласиться с выводом почти 120-летней давности, что техническое несовершенство права представляет собой несовершенство всего права, недостаток, тормозящий право и вредящий ему во всех его целях и задачах. Вместе с тем малозаметная работа юридической техники в ни-

знах права способствует развитию последнего нередко больше самого глубокого мыслительного труда [20, с. 24]. В конце концов именно уровень юридической техники – один из показателей уровня юридической культуры в стране [21, с. 528].

При этом мы говорим о крайне важном институте ККТ, о полноценном функционировании системы передачи и анализа сведений о проводимых расчетах. Несмотря на это, сегодня по-прежнему применение ККТ воспринимается как обязанность использования кассового аппарата в отрыве от обязанности уплаты налогов. Отсюда и некий парадокс: между контролем за полнотой учета выручки (контроль за применением ККТ) и налоговым контролем (камеральные и выездные проверки) практически отсутствует взаимосвязь (либо она крайне хрупка), т. е. не всегда результаты мероприятий этих видов контроля служат основой один другого или вытекают один из другого.

Одна из причин – нечеткое закрепление статуса ККТ и законодательное дистанцирование контроля за ККТ от налогового контроля. Вместе с тем ККТ является лишь инструментом фиксации сведений о расчетах в целях налогообложения. Поэтому при интеграции необходимо изменение самой концепции обязанности [22, с. 29].

То есть, с одной стороны, мы имеем налоговое законодательство с его набором правил поведения, с его методологическими и контрольными инструментами, в котором понятие «контрольно-кассовая техника» упоминается лишь в контексте. С другой стороны, анализируя содержания ст. 7 Федерального закона от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ¹ (далее – Закон о ККТ), мы видим перечисление не входящих в систему налогового контроля форм и методов контроля, которые вправе проводить и проводят налоговые органы. Речь идет об уникальных и свойственных только оперативному контролю инструментах – наблюдение, мониторинг и контрольная закупка.

Сейчас, после завершения основных этапов кассовой реформы, ККТ стала основой функционирования автоматизированной системы контроля (АСК ККТ), полноценным инструментом формирования налоговой базы, и контроль за применением такого инструмента необходимо осуществлять уже на этапе формирования налоговых обязательств. Очевидно,

что площадкой для такого регулирования должен выступать именно Налоговый кодекс РФ.

Речь не просто о переименовании контроля за применением ККТ в оперативный контроль (как наиболее отражающий смысл данного контроля термина), а о комплексной систематизации, введении термина «фиксация расчетов», а также об использовании результатов проведения оперативного контроля при проверке налоговой декларации.

4. Практические предпосылки интеграции

Идея интеграции ККТ в Налоговый кодекс РФ не является первичной относительно тех угроз для фискального контроля, которые уже успели сформироваться, в том числе:

1) существенное сокращение жизненного цикла организаций и товаров;

2) миграция бизнеса в виртуальную среду и виртуализация основных средств (стоит согласиться, что проблема налогообложения электронной коммерции кажется всё более актуальной и способной вызывать дискуссии в науке налогового права [23, с. 53]);

3) выгодоприобретатель не является владельцем используемых основных средств и значимого имущества;

4) активное развитие маркетинговых программ с неденежными методами расчета.

Именно трансформация налоговых отношений и их правового регулирования представляет особую важность в аспекте формирования эффективного ответа на вызовы, порожденные цифровизацией [24, с. 46]. Можно смело утверждать, что возможность быстро разрабатывать и внедрять новые формы и алгоритмы контроля в ближайшем будущем станет определяющим фактором, влияющим на эффективность контрольной работы.

При действующем регулировании складывается ситуация, когда существует налог, установленный Налоговым кодексом РФ, контроль за уплатой которого, а также соответствующая ответственность установлена им же. При этом контроль за правильностью фиксации элементов налоговой базы регулируется иными законодательными (Закон о ККТ) и подзаконными актами, а ответственность за нарушение правил работы с ККТ и вовсе установлена в Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП

¹ Федеральный закон от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использо-

ванием платежных карт» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 21. Ст. 1957.

РФ)². Данные факты приводят к ситуации, когда процедура налогового контроля «размыта» среди различных нормативных правовых актов.

Конечно, может возникнуть вопрос: почему указанные задачи нельзя решить с помощью текущих конструкций Налогового кодекса РФ, таких как выездная и камеральная налоговые проверки?

Система соотношения камерального и выездного налогового контроля основана, с одной стороны, на декларативном порядке определения размера налоговых обязанностей налогоплательщиков, а с другой стороны, на возможности проведения повторного ретроспективного контроля (выездного контроля) [26, с. 80].

Проведение выездного контроля в необходимых для решения задач текущего контроля объемах противоречит стратегии государства на уменьшение количества выездных проверок. Тем более необходимо учитывать тот факт, что, исключая крупные сетевые магазины, лица, реализующие товары, работы и услуги, зачастую относятся к категории малого и микробизнеса. Вариант же использования механизма камеральной проверки представляется крайне запутанным и бесперспективным в дальнейшем (поскольку его инструментарий потребует расширения, а ограничения – снятия).

Кроме этого, среди основных недостатков действующих механизмов камерального и выездного контроля – то, что они начинают применяться только после завершения налогового периода на основании сформированных налоговых обязательств, в большинстве случаев – в виде налоговой декларации.

Оперативный контроль на протяжении налогового периода в виде контроля за фиксацией каждого факта хозяйственной жизни налогоплательщика позволит концептуально пересмотреть модель поведения, когда налогоплательщик самостоятельно систематизирует свои налоговые обязательства, «запаковывая» их в декларацию, и направляет в налоговый орган, где она «распаковывается» и исследуется по-операционно, и привести к возможности для налогового органа самостоятельно произвести расчет налогового обязательства, сформировав налоговое уведомление для оплаты налогоплательщиком. То есть каждый расчет станет своеобразной микродекларацией,

которая попадает в налоговый орган онлайн и обрабатывается автоматически.

Такое регулирование значительно снижает количество ошибок, которые выявляются при пост-контроле: речь как о накоплении повторяющейся ошибки на протяжении налогового периода, так и о необходимости в будущем производить корректировки предыдущих данных налогового учета. При этом такая модель направлена на контроль каждого конкретного факта хозяйственной жизни налогоплательщика, т. е. фактически произошедших, а не декларируемых событий. Таким образом, оперативный контроль позволяет регулировать поведение налогоплательщиков в момент исполнения ими обязанности по фиксации расчетов.

Именно поэтому основной акцент в понимании рассматриваемой сферы отношений должен быть смещен с обязанности применения ККТ на обязанность фиксации расчетов.

Тем самым в результате внедрения в налоговые отношения информационно-коммуникационных технологий сама налоговая обязанность подвергается глобальному преобразованию с точки зрения ее содержания и при этом выступает в качестве действенного инструмента оценки адекватности правовых реформ налогового законодательства [27, с. 116], в связи с чем для системы оперативного контроля должно быть создано качественно новое правовое регулирование.

5. Нормотворческий подход к интеграции

Установление законодателем различных стран обязанности применения ККТ и правил соответствующего контроля в основном налоговом законе – явление не редкое, что подтверждает их принадлежность к налоговым отношениям. При этом параметры интеграции обязанности применения ККТ в налоговом законодательстве различны, равно как и подходы к определению ответственности за нарушение обязанности применения ККТ [28, с. 110].

В Российской Федерации первая попытка интеграции положений о применении ККТ в Налоговый кодекс была предпринята в 2020 г., что можно охарактеризовать первым опытом реализации перехода к обязанности фиксации расчетов, необходимость которого отмечалась автором еще в 2015 г. (см.: [29]). Данное изменение необходимо, по-

² Стоит оговориться, однако, что наличие и дальнейшее сохранение санкций за нарушения в сфере применения ККТ в КоАП РФ объяснимо широким подходом к значению налогового правонарушения, под которым понимают ка-

кие-либо нарушения норм налогового права, совершение которых влечет за собой применение санкций финансово-правовых норм, привлечение к административной, уголовной или дисциплинарной ответственности [25, с. 465].

скольку, находясь в рамках регулирования Закона о ККТ, любые трансформации неизбежно ограничиваются развитием самой техники – кассового аппарата, тогда как сегодня целесообразно совершенствовать отношения по фиксации расчета: вместо работы с итогом хозяйственных операций (налоговыми декларациями) создавать новые инструменты учета выручки на основе единого целевого бесконтактного транзакционного подхода в целях развития контроля в режиме онлайн. Поэтому, переходя на категорию «фиксации расчетов», налогоплательщику предоставляется возможность фиксировать расчеты не только с помощью ККТ, но и в «облаке», в том числе в личном кабинете налогоплательщика [30, с. 15]. Таким образом, государство законодательно обеспечивает себя единым инструментарием в разрезе введения обязанности и регламентации контроля за ее соблюдением для сферы ККТ, сферы самозанятых граждан и сферы контроля за налогоплательщиками автоматизированной упрощенной системы налогообложения.

Хотя позднее было принято решение о направлении данной законодательной инициативы на переработку с целью уменьшения объема инвазий в текст Налогового кодекса РФ, уже в 2022 г. на публичное рассмотрение был вынесен обновленный пакет законопроектов³. Задача разделения норм, составляющих в настоящее время законодательство о применении ККТ, на те, которые имеют непосредственно налоговую составляющую, и остальные далеко не тривиальная, так как здесь необходимо корректно провести правовую грань между требованием к ККТ (например, требований к регистрации кассового аппарата) и проектируемой налоговой обязанностью фиксировать расчеты с применением ККТ.

Рассматривая опубликованные варианты законопроектов об интеграции, следует заметить, что, несмотря на очевидную налоговую природу обязанности применения ККТ, правильным представляется подход о дополнении ключевой в этом вопросе ст. 2 Налогового кодекса РФ «отношениями в области фиксации расчетов», учитывая даже потенциальную возможность отнесения этих отношений к уже имеющимся частям диспозиции рассматриваемой статьи: «взимание налогов» и «отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля».

Важно подчеркнуть в рамках вышеуказанной правовой грани, что при интеграции в Налоговый кодекс РФ стоит говорить о включении *отношений по фиксации расчетов* в сферу регулирования законодательства о налогах и сборах, а не о признании *законодательства о фиксации расчетов* законодательством о налогах и сборах (либо о признании Закона о ККТ целиком частью последнего).

Отношения по фиксации расчетов включают в себя императивные нормы, регулирующие обязанность налогоплательщика по фиксации расчетов и контроль государства за данной обязанностью. В этой связи «головное» положение о том, что налогоплательщики обязаны фиксировать расчеты, а налоговые органы осуществляют за этим оперативный контроль (как часть налогового контроля), должны быть включены в Налоговый кодекс РФ, а их раскрытие – содержаться в отраслевом законе «О фиксации расчетов в Российской Федерации», который регулирует не только непосредственно правила (порядок) фиксации расчетов и детализированные положения по контролю, но и включает требования к ККТ, фискальному накопителю, порядку ведения реестров (операторов фискальных данных, экспертных организаций), правовое положение, содержание прав и обязанностей изготовителей, операторов фискальных данных, экспертных организаций и др. Данный блок отношений не должен подлежать признанию частью законодательства о налогах и сборах.

В целях возможного двоякого толкования инвазии отношений по фиксации расчетов в сферу регулирования законодательства о налогах и сборах (ст. 2 Налогового кодекса РФ) возможно уточнение такой интеграции, например: «*отношения в области фиксации налогоплательщиком расчетов*» либо «*отношения в области фиксации расчетов включают в себя отношения по исполнению налогоплательщиком обязанности фиксировать расчеты и отношения по налоговому контролю за исполнением налогоплательщиком данной обязанности*».

Стоит отметить, что отношения по фиксации расчетов обладают спецификой, присущей только им, что отделяет такие отношения от других групп отношений, регулируемых иными федеральными законами, которые при этом упоминаются в Налоговом кодексе РФ, включая ссылку на соответствующую

³ См. в СПС «КонсультантПлюс» проекты федеральных законов ID 02/04/07-22/00129312, 02/04/07-22/00129313, 02/04/07-22/00129314.

щие обязанности налогоплательщиков, например отношений, регулируемых Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»⁴, который охватывает отношения и порядок формирования и учета первичных документов в рамках деятельности организации «для себя», для внутреннего учета в соответствии с утвержденной в организации учетной политикой.

При этом налоговые органы не осуществляют контроль за правильностью отражения информации собственно в документах бухгалтерского учета, а только при необходимости обращаются к этим сведениям в целях проверки документов налогового учета (которые и образуются при фиксации расчетов), так как государство интересуется сведениями, которые передаются в целях налогообложения: это налоговые декларации либо сведения, на основании которых формируется налоговое уведомление (сведения о фиксации расчетов).

Таким образом, сведения о фиксации расчетов должны формироваться по правилам, предусмотренным налоговым законодательством, так как относятся к такому элементу налога, как порядок исчисления налога.

Кроме этого, документы, которые формирует налогоплательщик в ходе фиксации расчетов и передает контрагенту (кассовый чек; документ, подтверждающий расчет, формируемый в личном кабинете

налогоплательщика; чек самозанятого), применяются в целях налогообложения, так как предъявляются к учету, в связи с чем им необходимо придать статус первичных документов налогового учета.

6. Заключение

Подводя итоги, стоит отметить, что интеграция правил применения ККТ в Налоговый кодекс РФ – это закономерный шаг развития системы налогового администрирования и налогового контроля. Переход к новым категориям «фиксация расчетов» и «оперативный контроль» при такой интеграции есть равноценный ответ на существующие угрозы для контрольной работы налоговых органов, а следовательно, для фискальных интересов государства, связанных, в том числе и с цифровизацией, с уходом продавцов товаров, работ, услуг в онлайн-среду. Рассмотренная трансформация подхода к отношениям в сфере применения ККТ и контролем за ее применением в части признания их налоговой природы также отвечает доктринальным установкам о налоговых правоотношениях.

Рассмотренная в рамках данной статьи интеграция создаст единые методологический инструментарий и правила работы налоговых органов. Всё вышеизложенное приведет к тому, что каждый конкретный факт применения ККТ будет отражен в налоговой документации. В итоге обязанность фиксировать расчеты станет основой функционирования новых и перспективных режимов налогообложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рау К. Г. Основные начала финансовой науки : пер. с 5-го нем. изд. / К. Г. Рау ; под ред. и с предисл.: А. Корсак, В. Лебедев. – СПб. : Тип. Майкова, 1867. – Т. 1–2. – 703 с.
2. Ровинский Е. Советское финансовое право / Е. Ровинский. – М. : Тип. МГЭИ, 1957. – 192 с.
3. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – М. : Юридическая литература, 1974. – 351 с.
4. Алексеев С. С. Общая теория права : курс : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юридическая литература, 1982. – Т. II. – 360 с.
5. Красюков А. В. Исполнение налогового обязательства / А. В. Красюков // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 135–147. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).135-147.
6. Ровинский Е. А. Основные вопросы теории советского финансового права / Е. А. Ровинский. – М. : Госюриздат, 1960. – 193 с.
7. Яговкина В. А. Налоговое правоотношение (теоретико-правовой аспект) / В. А. Яговкина. – М. : Граница, 2004. – 104 с.
8. Берендтс Э. Н. Русское финансовое право : лекции, чит. в Императ. Училище Правоведения / Э. Н. Берендтс. – СПб. : Типо-литография С.-Петерб. одиноч. тюрьмы, 1914. – 457 с.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7344.

9. Цыпкин С. Д. Финансово-правовые институты, их роль в совершенствовании финансовой деятельности Советского государства / С. Д. Цыпкин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 80 с.
10. Львов Д. Курс финансового права / Д. Львов. – Казань : Тип. Имп. ун-та, 1887. – 537 с.
11. Налоговое право России : учеб. для вузов / отв. ред. Ю. А. Крохина. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Норма, 2007. – XIV, 752 с.
12. Цыпкин С. Д. Правовое регулирование налоговых отношений в СССР / С. Д. Цыпкин. – М. : Госюриздат, 1955. – 76 с.
13. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 21. – С. 23–178.
14. Институты финансового права / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. М. Казанцева. – М. : Юриспруденция, 2009. – 512 с.
15. Кучеров И. И. Налоговое право России : курс лекций / И. И. Кучеров. – М. : ЮрИнфоР, 2001. – 360 с.
16. Ровинский Ю. А. Особенности применения мер налогового принуждения / Ю. А. Ровинский // Материалы международной научно-практической конференции «Государство и право: вызовы XXI века» (Кутафинские чтения) : спец. вып. каф. финанс. права и бухгалтер. учета МГЮА им. О.Е. Кутафина. – М. : Элит, 2010. – С. 82–88.
17. Савченко Л. А. К вопросу определения налогового контроля / Л. А. Савченко // Очерки налогово-правовой науки современности : моногр. / под общ. ред. Е. Ю. Грачевой и Н. П. Кучерявенко. – М. ; Харьков : Право, 2013. – С. 444–459.
18. Кучерявенко Н. П. Курс налогового права : в 6 т. / Н. П. Кучерявенко. – Харьков : Легас : Право, 2005. – Т. III : Учение о налоге. – 600 с.
19. Грачева Е. Ю. Некоторые проблемы развития финансового контроля / Е. Ю. Грачева // Материалы международной научно-практической конференции «Государство и право: вызовы XXI века» (Кутафинские чтения) : тез. докл. по каф. финанс. права и бухгалтер. учета. – М. : Элит, 2009. – С. 5–9.
20. Иеринг Р. фон. Юридическая техника / Р. фон Иеринг ; пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. – СПб., 1905. – 105 с.
21. Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2010. – Т. 3 : Проблемы теории права : курс лекций. – 781 с.
22. Батарин А. А. Законодательство РФ о применении ККТ: на пороге нового этапа / А. А. Батарин, А. А. Сорокин // Налоговая политика и практика. – 2020. – № 7 (211). – С. 27–31.
23. Юхневич Э. Новые пределы налогово-правового регулирования в свете налогообложения электронной торговли / Э. Юхневич // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 51–59. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).51-59.
24. Грачева Е. Ю. Трансформация правового регулирования налоговых отношений в условиях цифровой экономики / Е. Ю. Грачева, Н. М. Артемов, К. А. Пономарева // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 45–56. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).45-56.
25. Пришва Н. Ю. Вопросы усовершенствования налогового законодательства Украины / Н. Ю. Пришва // Очерки финансово-правовой науки современности : моногр. / под общ. ред. Л. К. Вороновой и Н. И. Химичевой. – М. ; Харьков : Право, 2011. – С. 458–474.
26. Цинделиани И. А. Совершенствование налогового контроля в условиях цифровизации / И. А. Цинделиани, Т. А. Гусева, А. В. Изотов // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 77–87. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).77-87.
27. Лютова О. И. К вопросу развития института «налоговая обязанность» в условиях цифровизации экономики / О. И. Лютова // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 109–119. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).109-119.
28. Батарин А. А. Особенности государственного регулирования применения контрольно-кассовых машин в Киргизской Республике / А. А. Батарин // Финансовый журнал. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 108–125. – DOI: 10.31107/2075-1990-2022-1-108-125.
29. Батарин А. А. О новом подходе к применению контрольно-кассовой техники (теоретико-правовые аспекты) / А. А. Батарин, А. А. Сорокин // Налоговая политика и практика. – 2015. – № 6 (150). – С. 34–37.

30. Батарин А. А. Интеграция законодательства Российской Федерации о применении ККТ в НК РФ предполагает не просто принципиально иной подход к налоговому контролю, а качественно новый уровень взаимоотношений налогоплательщиков и налоговых органов / А. А. Батарин // *Налоговая политика и практика*. – 2021. – № 1 (217). – С. 14–17.

REFERENCES

1. Rau K.H. *Basic principles of financial science*, Vol. 1–2, Translation from the 5th German edition, Ed. and with a preface by A. Korsak, V. Lebedev. St. Petersburg, Maikov Publ., 1867. 703 p. (In Russ.).
2. Rovinskii E. *Soviet financial law*. Moscow, Moscow State Economic Institute Publ., 1957. 192 p. (In Russ.).
3. Khalfina R.O. *General doctrine of legal relationship*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 351 p. (In Russ.).
4. Alekseev S.S. *General theory of law*, in 2 volumes. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. Vol. 2. 360 p. (In Russ.).
5. Krasnyukov A.V. Tax obligation fulfillment. *Pravoprimeneniye = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 135–147. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).135-147. (In Russ.).
6. Rovinskii E.A. *Basic questions of the theory of Soviet financial law*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 193 p. (In Russ.).
7. Yagovkina V.A. *Tax legal relationship (theoretical and legal aspect)*. Moscow, Granitsa Publ., 2004. 104 p. (In Russ.).
8. Berendts E.N. *Russian financial law*, Lectures delivered at the Imperial School of Jurisprudence. St. Petersburg, St. Petersburg solitary prison Publ., 1914. 457 p. (In Russ.).
9. Tsyppin S.D. *Financial and legal institutions, their role in improving the financial activities of the Soviet state*. Moscow, Moscow University Publ., 1983. 80 p. (In Russ.).
10. L'vov D. *Course of financial law*. Kazan, Imperial University Publ., 1887. 537 p. (In Russ.).
11. Krokhina Yu.A. (ed.). *Tax law of Russia*, textbook for universities, 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2007. XIV + 752 p. (In Russ.).
12. Tsyppin S.D. *Legal regulation of tax relations in the USSR*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955. 76 p. (In Russ.).
13. Engels F. The Origin of the Family, Private Property and the State: in the Light of the Researches of Lewis H. Morgan, in: Marx K., Engels F. *Works*, Vol. 21, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961, pp. 23–178. (In Russ.).
14. Kazantsev N.M. (ed.). *Institutions of financial law*. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2009. 512 p. (In Russ.).
15. Kuchеров I.I. *Russian tax law*, Course of lectures. Moscow, YurInfoR Publ., 2001. 360 p. (In Russ.).
16. Rovinskii Yu.A. Features of the application of tax enforcement measures, in: *Gosudarstvo i pravo: vyzovy XXI veka (Kutafinskie chteniya)*, Proceedings of the International scientific-practical conference, special issue of the Department of Financial Law and Accounting of Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Elit Publ., 2010, pp. 82–88. (In Russ.).
17. Savchenko L.A. On the issue of determining tax control, in: Gracheva E.Yu., Kucheryavenko N.P. (eds.). *Ocherki nalogovo-pravovoi nauki sovremennosti*, Monograph, Moscow, Kharkiv, Pravo Publ., 2013, pp. 444–459. (In Russ.).
18. Kucheryavenko N.P. *Tax law course*, in 6 volumes. Kharkiv, Legas Publ., Pravo Publ., 2005. V. III: The doctrine of tax. 600 p. (In Russ.).
19. Gracheva E.Yu. Some problems of the development of financial control, in: *Gosudarstvo i pravo: vyzovy XXI veka (Kutafinskie chteniya)*, Proceedings of the International scientific-practical conference, abstracts of the Department of Financial Law and Accounting, Moscow, Elit Publ., 2009, pp. 5–9. (In Russ.).
20. Jhering R. von. *Legal technique*, Translation from German by F.S. Shendorf. St. Petersburg, 1905. 105 p. (In Russ.).
21. Alekseev S.S. *Collected works*, in 10 volumes. Moscow, Statut Publ., 2010. Vol. 3: Problems of the theory of law, a course of lectures. 781 p. (In Russ.).
22. Batarin A.A., Sorokin A.A. Legislation of the Russian Federation on the application of CCT: on the threshold of a new stage. *Nalogovaya politika i praktika = Tax policy and practice*, 2020, no. 7 (211), pp. 27–31. (In Russ.).

23. Juchniewicz E. New limits of tax law in the light of e-commerce taxation. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 4, pp. 51–59. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).51-59. (In Russ.).
24. Gracheva E.Yu., Artemov N.M., Ponomareva K.A. Transformation of the legal regulation of tax relations in the digital economy context. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 45–56. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).45-56. (In Russ.).
25. Prishva N.Yu. Issues of improving tax legislation of Ukraine, in: Voronova L.K., Khimicheva N.I. (eds.). *Ocherki finansovo-pravovoi nauki sovremennosti*, Monograph, Moscow, Kharkiv, Pravo Publ., 2011, pp. 458–474. (In Russ.).
26. Tsindeliani I.A., Guseva T.A., Izotov A.V. The improvement of tax control in the conditions of digitalization. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 77–87. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).77-87. (In Russ.).
27. Lyutova O.I. On the question of development of the institute of “tax obligation” in the conditions of the digitalization of the economy. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 109–119. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).109-119. (In Russ.).
28. Batarin A.A. Features of State Regulation of Cash Register Use in the Kyrgyz Republic. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*, 2022, vol. 14, no. 1, pp. 108–125. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-1-108-125. (In Russ.).
29. Batarin A.A., Sorokin A.A. A new approach of cash register equipment’s application (theoretical and legal aspects). *Nalogovaya politika i praktika = Tax policy and practice*, 2015, no. 6 (150), pp. 34–37. (In Russ.).
30. Batarin A.A. The integration of the legislation of the Russian Federation on the application of the CCT in the Tax Code of the Russian Federation implies not just a fundamentally different approach to tax control, but a qualitatively new level of relations between taxpayers and tax authorities. *Nalogovaya politika i praktika = Tax policy and practice*, 2021, no. 1 (217), pp. 14–17. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батарин Алексей Алексеевич – кандидат юридических наук, магистр юриспруденции, ¹начальник отдела Управления оперативного контроля, ²ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики

¹ Федеральная налоговая служба

² Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России

¹ 127381, Россия, г. Москва, ул. Неглинная, 23

² 127006, Россия, г. Москва, Настасьинский пер., 3/2

E-mail: batarin@nifi.ru

ORCID: 0000-0002-8975-265X

SPIN-код РИНЦ: 4427-8209; AuthorID: 594204

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Aleksei A. Batarin – PhD in Law, Master of Law;

¹Head, Department of Operating Control Administration; ²Leading Researcher, Center for Tax Policy

¹ Federal Tax Service of Russia

² Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

¹ 23, Neglinnaya ul., Moscow, 127381, Russia

² 3/2, Nastas'inskii per., Moscow, 127006, Russia

E-mail: batarin@nifi.ru

ORCID: 0000-0002-8975-265X

RSCI SPIN-code: 4427-8209; AuthorID: 594204

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Батарин А.А. Налоговое законодательство государства и правила применения контрольно-кассовой техники: вопросы интеграции / А.А. Батарин // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 62–71. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).62-71.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Batarin A.A. The tax legislation of the state and the rules for the use of cash registers: integration issues. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 62–71. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).62-71. (In Russ.).

ИНТЕРНЕТ-ПРОВАЙДЕРЫ КАК СУБЪЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ

А.К. Жарова

Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

15 января 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Проводится анализ эффективности предотвращения преступлений в случае наделения интернет-посредников обязанностью использовать программные технологии модерации контента, распознавания образов и фильтрации. Актуальность исследования определяется ежегодным ростом статистических показателей преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

Ключевые слова

Преступление, интернет-

провайдер, модерация,

Интернет, детская порнография,

программное обеспечение

INTERNET SERVICE PROVIDERS AS SUBJECTS OF PREVENTION OF SEXUAL CRIME ON THE INTERNET

Anna K. Zharova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Article info

Received –

2022 January 15

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

The subject of the article is the provisions of the legislation of the Russian Federation aimed at ensuring the sexual inviolability of a minor.

The object of the research is the relations connected with ensuring the sexual inviolability of minors.

The Internet serves as an additional tool that facilitates access to minors, their social pages, the impact on the psyche of minors, and the involvement of children in destructive groups. However, not all articles establishing criminal liability for violation of the sexual inviolability of children contain a qualifying feature - this is the use of the Network in the implementation of such activities. Thus, Art. 135 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes criminal liability for committing indecent acts against minors, does not contain a qualifying feature - the commission of a crime through the use of the Internet.

The organization of Internet relations on the Web is carried out by various Internet providers, whose activities are connected both with organizing the communications of network users and with ensuring the circulation of information on the Internet. Based on these theses, the article provides answers to such questions as can acts were committed with the help of Internet technologies to be qualified under Art. 135 of the Criminal Code of the Russian Federation, is the use of Internet technologies by ISPs effective as a tool to combat crimes against the sexual integrity of minors carried out using the Web, and what legal and technical instruments will ensure the sexual integrity of children?

The study showed that the norms of the Criminal Law aimed at preventing crimes related to the sexual inviolability of minors are also applicable to acts committed using the Internet. In accordance with the legislation of the Russian Federation, violence can take the form of physical or mental impact on a person, carried out through the Internet. Regarding the possibility of committing indecent acts on the Web, it can also be concluded that such acts can be recognized as depraved, despite the absence of direct physical contact with the body of the victim.

States use various methods for determining the content, recognizing images distributed on the Web. The most commonly used technological tool is the information monitoring

Keywords

Crime, Internet service provider (ISP), moderation, Internet, child pornography, software

method. However, the obligation to use this method, both in Russia and in European countries, is not provided for all types of hosting providers.

In connection with the analysis of Russian legislation, we can conclude that the possibilities of such hosting providers as the owners of audiovisual services and news aggregators in the field of information monitoring remained unused. Thus, the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" does not contain requirements for the owners of audiovisual services and news aggregators to conduct mandatory monitoring of information distributed on Internet platforms.

The use of content filtering technology cannot be considered a panacea, but its mandatory use by various hosting providers will reduce the likelihood of distributing prohibited information.

The requirement for the owners of social networks to monitor content by their users, defined by the Federal Law "On Information, Information Technologies, and Information Protection", is only the first step taken towards reducing the volume of prohibited content posted on the Web. However, the requirements for the use of image and text recognition technologies by Internet providers remained outside.

The article used the methods and techniques of formal logic - this is analysis and synthesis, analogy, comparison, hypothesis, proof in order to determine assumptions and find answers to the questions posed in the article.

The study and comparative analysis of the practice of ensuring the safety of children from information posted on the Web, reflected in foreign studies, demonstrating possible solutions, made it possible to compare Russian experience with the experience of foreign colleagues and draw conclusions about approaches to solving the problems.

The methods of forecasting and modeling are used for formulating possible ways to develop regulation and eliminate gaps in Russian legislation.

1. Введение

Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних относятся к числу наиболее тяжких [1, с. 46]. Актуальность данной проблемы подчеркивается российскими [2, с. 81; 3, с. 58; 4, с. 211; 5, с. 69] и зарубежными исследователями [6–8]. Организация экономического сотрудничества и развития определила следующие интернет-риски для детей: контент-риски, связанные с содержанием порнографического характера и расизма, и контактные риски, связанные с вовлечением ребенка в преступления сексуального характера [9, с. 35].

Анализ статистических показателей количества преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних демонстрирует ежегодный рост. В 2012 г. были частично устранены пробелы в части установления ответственности за деяния в отношении несовершеннолетних, совершаемые в Интернете и в социальных сетях. Несмотря на изменения, проблема совершения преступлений посредством Сети сохранилась [10, с. 9], например торговли детьми, распространения вредоносного контента [11, с. 56], сексуального домогательства в Интернете [12, р. 20; 13, с. 100], формирования в социальных сетях «групп смерти» [14, с. 8; 15, с. 55], проведения в Интернете зрелищных мероприятий порнографического характера [16,

с. 45; 17, р. 119], интернет-эксплуатации детей [18, р. 3, 4], равно как оценки электронных доказательств совершения деяний в Сети [19, р. 259; 20, с. 120].

Травмы психики ребенка после совершенного над ним сексуального насилия [21, р. 1] делают необходимым изучение данной проблемы [22; 23, р. 145; 24, р. 1–2]. Интернет-провайдеры как информационные посредники обеспечивают организацию возникающих отношений. Понимание этого побуждает правительства и законодателей разрабатывать систему противодействия преступлениям, наделяя интернет-провайдеров дополнительными правовыми инструментами.

В статье совершена попытка ответить на вопросы: эффективно ли использование провайдерами технологий распознавания образов и текстов в качестве инструментов противодействия преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, осуществляемым в Сети, а также подпадают ли развратные действия, совершаемые при помощи интернет-технологий, под действие ст. 135 Уголовного кодекса (далее – УК) РФ.

2. Развратные действия, совершаемые при помощи интернет-технологий

В Сети осуществляется подготовка к совершению преступления [25, р. 180; 26, р. 2923; 27, р. 108], и подобных случаев становится всё больше. Иссле-

дователи расходятся во мнениях относительно негативных интернет-воздействий [28; 29]. Обсуждаются такие особенности совершения действий сексуального характера, как возраст ребенка и разница в возрасте между ребенком и правонарушителем [30], прикосновения к ребенку или их отсутствие [31], только просмотр порнографии [32], известность преступника ребенку [33–36].

Анализ судебных решений позволяет сделать вывод, что такие действия квалифицируются по ст. 135 УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за развратные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних без применения насилия, а также по ст. 242.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Однако может ли насилие осуществляться в Интернете?

Поскольку УК РФ не раскрывает понятие «насилие», обратимся к мнению Пленума Верховного Суда РФ, который в п. 9 Постановления от 28 июля 2011 г. № 11 под угрозой применения насилия при совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ, понимает «высказывания или иные действия, выражающие намерение виновного применить к потерпевшему любое физическое насилие»¹. «Под насилием в статьях 131 и 132 УК РФ следует понимать как опасное, так и неопасное для жизни или здоровья насилие, включая побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему лицу физической боли либо с ограничением его свободы»².

Вместе с тем, например, в Уставе военной полиции Вооруженных Сил РФ под насилием понимается одна из форм «жестокого или унижающего человеческого достоинства обращения» (п. 201).

Таким образом, можно заключить, что в соответствии с законодательством Российской Федерации насилие может приобретать форму физического или психического воздействия на человека. Для совершения психического насилия не важно, находится ли преступник рядом с потерпевшим или нет,

тем более, если речь идет о несовершеннолетнем, психика которого является подвижной. Таким образом, насилие можно реализовать и в Интернете.

Преступники хорошо владеют методикой психического воздействия [37], размещая информацию как в социальных сетях, так и отправляя ее непосредственно несовершеннолетнему, они используют лозунги и визуализируют их [38, с. 13; 39]. Пленум Верховного Суда РФ считает, что развратными действиями «могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей»³.

Можно сделать вывод, что ст. 135 УК РФ может быть применена для лица, совершающего развратные действия в Интернете, несмотря на отсутствие прямого упоминания Интернета в качестве квалифицирующего признака. Однако ученые предлагают дополнить УК РФ ст. 135.1, состав которой определить как «домогательство в отношении несовершеннолетнего с сексуальными целями», квалифицирующий признак как совершение сексуальных домогательств со стороны совершеннолетнего к несовершеннолетнему с использованием сети «Интернет» [3, с. 55].

Поскольку преступник не один месяц ведет свою переписку с несовершеннолетним, используя определенные терминологию, видео, фото, закономерен вопрос: могут ли интернет-технологии позволить предотвратить столь долгое общение, а также распознать развратные действия и материалы, их сопровождающие?

3. Использование информационных технологий в целях предотвращения преступлений

Информация, размещенная в Сети, остается там навсегда. Соответственно, материалы порнографического характера, отправленные преступником потерпевшему, сохраняются у провайдеров хостинга, операторов связи и других информационных посредников. В соответствии с п. 12 Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими опера-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Здесь и далее нормативные акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

² Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

³ Пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16.

тивно-разыскную деятельность⁴, оператор связи должен хранить информацию об абонентах, их коммутациях в течение трех лет на территории Российской Федерации. В соответствии со ст. 64 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» операторы связи обязаны хранить информацию о сообщениях пользователей услугами связи в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий. Текстовые сообщения пользователей услуг связи, иные сообщения операторы связи должны хранить до шести месяцев. Статьей 10.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон «Об информации») предусмотрены подобные обязательства организатора распространения информации в Интернете.

Поскольку информация в Сети остается навсегда и хранится у интернет-провайдеров от шести месяцев до трех лет, законодателю следует обязать интернет-провайдеров использовать технологии распознавания образов, программы фильтрации, работающие на опережение, хотя нужно признать, что это возможно не во всех случаях [40, с. 19]. Обязательное применение таких технологий предусмотрено только для образовательных организаций на школьных компьютерах. Например, в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» отсутствуют подобные требования, предъявляемые к интернет-провайдерам. Для того чтобы фильтрация была обязательной для всех интернет-провайдеров, необходимо закрепить это требование на законодательном уровне.

Требование применения другой технологии – мониторинга информации – предусмотрено для владельца социальной сети, к иным интернет-провайдерам такое требование не предъявляется.

4. Возможность «перехвата» незаконной информации интернет-посредниками

С одной стороны, передаваемая информация от пользователя к пользователю по Сети связана с персональными данными, поскольку относится «прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу» (ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О персональных данных»). Например, ЕСПЧ подтвердил правомерность отказа хостинг-провайдера раскрывать информацию о разместившем на сайте объявление лице, мотивированного соблюде-

нием требований конфиденциальности [41, р. 192]. С другой стороны, никто не имеет право полагать, что передаваемая информация является заранее запрещенной для распространения. Установить суть ее содержания можно только после получения доступа к информации на законном основании.

Обеспечить перехват передаваемой информации в Сети невозможно, поскольку *TCP/IP* протокол передает по Сети информацию небольшими пакетами данных, в которых невозможно распознать и оценить содержание передаваемой информации [42, р. 0472].

Однако этот же протокол *TCP/IP* собирает информацию в целое у получателя информации, и тогда ее содержание уже может быть оценено. Для осуществления оценки содержания без нарушения требований о конфиденциальности применяются различные правовые и технические инструменты. К техническим инструментам относятся, например, технологии распознавания искусственным интеллектом образов и символов, которые активно использует Китайская Народная Республика [43, с. 46]. Искусственный интеллект, не идентифицируя человека, распознаёт потенциальную вредность информации, которую должен подтвердить человек – оператор искусственного интеллекта. Только если подтверждается данный факт, строится связь отправителя и пользователей данной информации в целях определения личности преступников, поскольку оборот материалов порнографического характера является преступлением, если он осуществляется в целях, указанных в ст. 242.1 УК РФ.

Большинство государств использует такой инструмент ограничения оборота непристойных материалов, как блокирование *IP* адресов сайтов, на которых размещается подобный материал. В их числе – Россия, Великобритания, Франция, Германия [44, с. 35].

Российская судебная практика предлагает следующую оценку факта скачивания детской порнографии. Верховный Суд РФ определил, что факт осведомленности гражданина о том, что на его компьютер были скачаны файлы порнографического содержания, которые могли быть доступны для скачивания через файлообменную сеть другим пользователям, не может свидетельствовать об умысле осужденного на их распространение, поскольку они уже были распространены в сети «Интернет» и находи-

⁴ Утв. Постановлением Правительства РФ от 27 августа 2005 г. № 538 (ред. от 17 апреля 2021 г.).

лись в свободном доступе. Хотя нижестоящие суды признали гражданина виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «г» ч. 2 ст. 242 УК РФ, поскольку он, используя свой персональный компьютер, скопировал порнографические изображения несовершеннолетних в файлообменную программу, позволяющую скачивать, осуществлять обмен файлами, предоставлять доступ к ним неограниченному количеству пользователей⁵.

В этом примере провайдер не может отследить отправляемую пользователем информацию, поскольку обмен осуществляется через файлообменник. Провайдеры, которые хранят пользовательскую информацию и предоставляют к ней доступ, могут осуществить мониторинг и фильтрацию информации. Хотя ученые считают, что эти действия имеют недостатки, например отсутствие прозрачности работы таких технологий [45], гарантий, исключающих ответственность интернет-посредников в определенных случаях, риски чрезмерного удаления незаконного контента [46].

Кроме того, алгоритмы фильтрации могут допустить ошибки, распознавая правомерный текст как незаконный, поскольку существующие алгоритмы еще не развились до уровня интеллекта человека и не могут определить суть содержания текста.

Н.Н. Коновалов считает, что российская судебная практика признаёт порнографическими материалы или предметы, содержащие изображения обнаженных несовершеннолетних, только в случаях установления сексуального интереса делинквента [47, с. 16]. Трудно согласиться с мнением автора, поскольку ст. 242.1 УК РФ относит к преступлениям «изготовление, приобретение, хранение и (или) перемещение через Государственную границу Российской Федерации в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования либо распространения, публичной демонстрации или рекламирования материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», иными словами, четко выделяет цель действий преступника. Как отмечают А.В. Макаров и М.В. Жукова, в отсутствие цели лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за данное преступление [45, с. 44].

Все приведенные примеры лишь раз доказывают сложность автоматизации оценки содержания информации, распространяемой в Интернете.

При таких обстоятельствах социальные сети, которые являются провайдерами хостинга, должны обладать правовыми инструментами самостоятельного регулирования информации, распространяемой в своих сетях. Для решения данной задачи в 2020 г. в Закон «Об информации» включена ст. 10.6, предписывающая обязанность владельца социальной сети модерации контента в целях выявления, в том числе, материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних или объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей в мероприятиях порнографического характера (п. «а», «е» ч. 5)⁶.

Для других провайдеров хостинга, например владельца аудиовизуального сервиса, новостного агрегатора, организатора распространения информации в Сети, обязанность мониторинга информации не предусмотрена, Роскомнадзор самостоятельно проводит мониторинг информации на интернет-площадках данных провайдеров.

Требование мониторинга информации также предусмотрено, например, законодательством Флориды, Грузии [48, с. 79].

5. Заключение

Исследование показало, что нормы уголовного права, направленные на предотвращение преступлений, связанных с половой неприкосновенностью несовершеннолетних, применимы и для деяний, совершенных в Интернете. Насилие в Интернете может приобретать форму физического или психического воздействия на человека. Совершение развратных действий также возможно в Сети, несмотря на отсутствие непосредственного физического контакта с телом потерпевшего лица.

Возможности провайдеров хостинга, таких как владельцы аудиовизуального сервиса, новостных агрегаторов и организаторов распространения информации в Сети, в области мониторинга информации остались незадействованными. Определенное Законом «Об информации» требование к владельцам социальных сетей об обязанности мониторинга информации, распространяемой их пользователями, — это первый шаг в направлении сокращения объема за-

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2019 г. № 16-УД19-7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

⁶ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”».

прещенного контента, размещенного в Сети. Однако за пределами остались требования к применению интернет-провайдерами технологий распознавания образов и текстов. Сформировав систему требований к провайдерам различных уровней о применении технологий фильтрации и мониторинга инфор-

мации, принимая также во внимание, что обязанность мониторинга информации уже возложена на Роскомнадзор, можно существенно усложнить пространство по Сети информации, вредоносной для детей, и тем самым уберечь их на просторах Интернета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энгельгардт А. А. Квалификация совокупности преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних / А. А. Энгельгардт, Е. В. Земская // Российский следователь. – 2018. – № 5. – С. 44–47.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : постат. / под ред. Г. А. Есакова. – 9-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2021. – 816 с.
3. Донченко А. Г. Ответственность за преступления, связанные с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями в отношении несовершеннолетних, в современных правовых системах / А. Г. Донченко, А. А. Токарева // Lex russica. – 2018. – № 6. – С. 54–62.
4. Карагодин В. Н. Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних : моногр. / В. Н. Карагодин. – М. : Проспект, 2018. – 320 с.
5. Долгова С. И. Отдельные аспекты организации деятельности органов внутренних дел государств – участников СНГ по противодействию вовлечению несовершеннолетних в деструктивные группы в сети Интернет / С. И. Долгова // Административное право и процесс. – 2021. – № 6. – С. 68–73.
6. Anh P. Threaten me softly: A review of potential dating app risks / P. Anh, S. S. Kathryn, R. Ch. Kim-Kwang // Computers in Human Behavior Reports. – 2021. – Vol. 3, iss. 1. – Art. 100055. – DOI: 10.1016/j.chbr.2021.100055.
7. Zhong L. R. An exploratory study of Technology-Facilitated Sexual Violence in online romantic interactions: Can the Internet's toxic disinhibition exacerbate sexual aggression? / L. R. Zhong, M. R. Keibell, J. L. Webster // Computers in Human Behavior. – 2020. – Vol. 108. – Art. 106314. – DOI: 10.1016/j.chb.2020.106314.
8. Tatum M. Legal responsibility of Internet service providers: Part 1 / M. Tatum, T. Ross // Network Security. – 1999. – Vol. 1999, iss. 1. – P. 10–15. – DOI: 10.1016/S1353-4858(99)80002-6.
9. Кобзева С. В. Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет / С. В. Кобзева // Информационное право. – 2017. – № 2. – С. 33–39.
10. Туркулец В. А. Секстинг в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и виктимологический аспекты / В. А. Туркулец // Юридические исследования. – 2020. – № 5. – С. 1–11. – DOI: 10.25136/2409-7136.2020.5.33125.
11. Жарова А. К. Правовые инструменты защиты интернет-пользователей от кибербуллинга. Опыт Великобритании / А. К. Жарова // Юридический мир. – 2021. – № 7. – С. 52–57.
12. Dacka M. Child sexual abuse – issues and prevention / M. Dacka // Psychologia Wychowawcza. – 2022. – Vol. 65, № 23 – P. 5–22. – DOI: 10.5604/01.3001.0015.9114.
13. Терещенко Л. К. Государственное регулирование и дерегулирование в сфере связи / Л. К. Терещенко // Журнал российского права. – 2019. – № 10. – С. 98–108. – DOI: 10.12737/jrl.2019.10.8.
14. Маслов А. А. Основные направления совместных научных исследований МВД России и ФСИН России в сфере оперативно-розыскной деятельности / А. А. Маслов, А. А. Бабушкин, Д. В. Белых-Силаев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2021. – № 5. – С. 3–9. – DOI: 10.18572/2072-4438-2021-5-3-9.
15. Кирюхин В. В. О формировании административно-правовых мер, направленных на противодействие деятельности в сети Интернет, побуждающей несовершеннолетних к суицидальному поведению / В. В. Кирюхин // Административное право и процесс. – 2020. – № 6. – С. 53–56.
16. Шарапов Р. Д. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов и предметов / Р. Д. Шарапов // Законность. – 2021. – № 8. – С. 43–48.
17. Dvoryanchikov N. V. Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet / N. V. Dvoryanchikov, O. Yu. Antonov, T. I. Shulga, N. Yu. Korchagin // Psychology and Law. – 2020. – Vol. 10, no. 2. – P. 111–126.

18. Morteza D. Facilitators and Barriers to Child Sexual Abuse Interventions: A Qualitative Study of Interventions in Iran / D. Morteza, A. Maliheh, A. Moghanibashi-Mansourieh, L. Ostadhashemi // *Iranian Journal of Psychiatry and Behavioral Sciences*. – 2022. – Vol. 16, iss. 4. – Art. e129326. – DOI: 10.5812/ijpbs-129326.
19. Zharova A. Ensuring the Information Security of Information Communication Technology Users in Russia / A. Zharova // *International Journal of Cyber Criminology*. – 2019. – Vol. 13, no. 2. – P. 255–269. – DOI: 10.5281/zenodo.3698141.
20. Воронин М. И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств / М. И. Воронин // *Актуальные проблемы российского права*. – 2021. – № 8. – С. 118–128. – DOI: 10.17803/1994-1471.2021.129.8.118-128.
21. Fanslow J. A century of sexual abuse victimisation: A birth cohort analysis / J. Fanslow, L. Hashemi, P. Gulliver, T. McIntosh // *Social Science & Medicine*. – 2021. – Vol. 270, iss. 12. – Art. 113574. – DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113574.
22. Hayward D. Child sexual abuse / D. Hayward, R. E. Cheit // *The Oxford Handbook of Sex Offences and Sex Offenders* / ed. T. Sanders. – Oxford University Press, 2017. – P. 123–142. – DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190213633.013.15.
23. Aswadi Aswadi. Edutainment as A Strategy of Child Sexual Abuse Prevention: Literature Review / Aswadi Aswadi, Suriah Suriah, Stang Stang, Nurhaedar Jafar, Erniwati Ibrahim, Ridwan Amiruddin, Sukfitrianty Syahrir // *Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences*. – 2022. – Vol. 10, No. F. – P. 141–145. – DOI: 10.3889/oamjms.2022.7670.
24. González-Prendes A. A. Cognitive-Behavioral Therapy / A. A. González-Prendes, L. M. Hicks, Th. Matthews, S. Domke // *Oxford Bibliographies*. – Last modified: 27 June 2018. – DOI: 10.1093/OBO/9780195389678-0149.
25. Алиева Е. А. Сеть Интернет как средство совершения развратных действий / Е. А. Алиева // *Пробелы в российском законодательстве*. – 2017. – № 4. – С. 180–182.
26. Singh R. A descriptive study on child sexual abuse act in India / R. Singh, V. Koushal, B. Bharti // *Journal of Family Medicine and Primary Care*. – 2022. – Vol. 11, iss. 6. – P. 2923–2932. – DOI: 10.4103/jfmpc.jfmpc_1071_21.
27. Ngo N. Child sexual abuse violence against human dignity of children Child sexual abuse violence against human dignity of children / N. Ngoan // *International Journal of Research Studies in Education*. – 2021. – Vol. 10, № 15. – P. 97–108.
28. Sabine K. Witting, Transnational by Default: Online Child Sexual Abuse Respects No Borders / K. Sabine // *The International Journal of Childrens Rights*. – 2021. – Vol. 29, iss. 3. – P. 731–764.
29. Ali S. A systematic review of the technology enabled child sexual abuse (OCSA) & it's impacts / S. Ali, A. S. Paash // *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*. – 2022. – Vol. 25, special iss. 5. – P. 1–18.
30. Амирова Д. К. Уголовная ответственность за развратные действия, совершенные в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет» / Д. К. Амирова, Д. Д. Гильмутдинов // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. – 2021. – Т. 6, № 2 (12). – С. 121–125.
31. Мамедяров А. А. Развратные действия с использованием сети Интернет / А. А. Мамедяров // *Colloquium-Journal*. – 2019. – № 8–9 (32). – С. 51–52. – DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10211.
32. Jud A. How to find help in the Internet? Internet researches aiming at service support in cases of child sexual abuse / A. Jud, E. König, H. Liebhardt, J. M. Joerg // *Nervenheilkunde*. – 2012. – Vol. 32, iss. 11. – P. 841–847.
33. Скворцова О. В. Развратные действия с использованием сети Интернет / О. В. Скворцова, Д. Д. Макаренко // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 146–153. – DOI: 10.3779/2413-173-2021-7-1.
34. Ali S. Child Sexual Abuse and the Internet – A Systematic Review / S. Ali, H. A. Haykal, E. Youssef // *Human Arenas*. – 2021. – Vol. 4, iss. 1. – DOI: 10.1007/s42087-021-00228-9.
35. Mitchell K. J. Internet-facilitated commercial sexual exploitation of children: Findings from a nationally representative sample of law enforcement agencies in the United States / K. J. Mitchell, L. M. Jones, D. Finkelhor, J. Wolak // *Sexual Abuse. A Journal of Research and Treatment*. – 2011. – Vol. 23, iss. 1. – P. 43–71.
36. Kloess J. A. Ofense processes of online sexual grooming and abuse of children via Internet communication platforms / J. A. Kloess, C. E. Hamilton-Giachritsis, A. R. Beech // *Sexual Abuse: Journal of Research and Treatment*. – 2019. – Vol. 31, iss. 1. – P. 73–96.

37. Пестерева Ю. С. Роль Пленума Верховного Суда Российской Федерации в формировании судебной практики / Ю. С. Пестерева, И. Г. Рагозина, Е. И. Чекмезова // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 209–225. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).209-225.
38. Дворянсков И. В. Состояние и проблемы профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних / И. В. Дворянсков, Е. Е. Панфилов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 5. – С. 11–15. – DOI: 10.18572/2072-4438-2018-5-11-15.
39. Долгих Т. Н. Понятие и признаки субъекта преступления. Особенности специального субъекта преступления / Т. Н. Долгих. – 2021. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
40. Елин В. М. Уголовно-правовая защита информации в ГАС «Выборы» как развитие положений доктрины информационной безопасности / В. М. Елин // Правовые вопросы связи. – 2009. – № 2. – С. 17–21.
41. Noel G. M. Challenges Encountered by Children with Disabilities Accessing Child Sexual Abuse Interventions in Zimbabwe / G. M. Noel, V. Chikadzi, E. Kaseke // Journal of Human Rights and Social Work. – 2018. – Vol. 3, iss. 1. – P. 191–201.
42. Zharova A. Technological and legal issues of identifying a person on the internet to ensure information security / A. Zharova, V. Elin, P. Panfilov // Proceedings of the 29th International DAAAM Symposium "Intelligent Manufacturing & Automation" (24-27th October 2018, Zadar, Croatia) / ed. B. Katalinic. – Vienna : DAAAM International, 2018. – P. 0471–0478. – DOI: 10.2507/29th.daaam.proceedings.069.
43. Трощинский П. В. Цифровой Китай до и в период коронавируса: особенности нормативно-правового регулирования / П. В. Трощинский // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 1. – С. 44–58. – DOI: 10.17803/2618-8198.2021.11.1.044-058.
44. Елин В. М. Сравнительный анализ правового обеспечения информационной безопасности в России и за рубежом : моногр. / В. М. Елин. – М., 2016. – 165 с. – (Сер. Информационное право и кибербезопасность).
45. Макаров А. В. Актуальные проблемы уголовной ответственности за изготовление с целью распространения порнографических материалов с изображением несовершеннолетних / А. В. Макаров, М. В. Жукова // Российский следователь. – 2017. – № 15. – С. 43–47.
46. Zharova A. State regulation of the IoT in the Russian Federation: Fundamentals and challenges / A. Zharova, V. Elin // International Journal of Electrical and Computer Engineering. – 2021. – Vol. 11, iss. 5. – P. 4542–4549. – DOI: 10.11591/ijece.v11i5.pp4542-4549.
47. Коновалов Н. Н. Ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в международном, зарубежном и российском уголовном праве / Н. Н. Коновалов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2021. – № 2. – С. 15–18. – DOI: 10.18572/2071-1190-2021-2-15-18.
48. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в Грузии / А. В. Федоров // Российский следователь. – 2021. – № 10. – С. 73–80.

REFERENCES

1. Engelgardt A.A., Zemskaya E.V. A qualification of the aggregate of crimes against sexual immunity and sexual freedom of minors (in the meaning of a note to article 131 of the Criminal code of the Russian Federation). *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2018, no. 5, pp. 44–47. (In Russ.).
2. Esakov G.A. (ed.). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*, article by article, 9th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 816 p. (In Russ.).
3. Donchenko A.G., Tokareva A.A. Responsibility for crimes related to sexual exploitation and sexual abuse of minors in modern legal systems. *Lex russica*, 2018, no. 6, pp. 54–62. (In Russ.).
4. Karagodin V.N. *Investigation of intentional crimes against life, sexual freedom and inviolability of minors*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 320 p. (In Russ.).
5. Dolgova S.I. Some aspects of organization of operations of internal affairs agencies of the CIS member states aimed at prevention of the involvement of minors in destructive groups on the Internet. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, 2021, no. 6, pp. 68–73. (In Russ.).
6. Anh P., Kathryn S.S., Kim-Kwang R.Ch. Threaten me softly: A review of potential dating app risks. *Computers in Human Behavior Reports*, 2021, vol. 3, art. 100055. DOI: 10.1016/j.chbr.2021.100055.

7. Zhong L.R., Kebbell M.R., Webster J.L. An exploratory study of Technology-Facilitated Sexual Violence in online romantic interactions: Can the Internet's toxic disinhibition exacerbate sexual aggression? *Computers in Human Behavior*, 2020, vol. 108, art. 106314. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106314.
8. Tantum M., Ross T. Legal responsibility of Internet service providers: Part 1. *Network Security*, 1999, vol. 1999, iss. 1, pp. 10–15. DOI: 10.1016/S1353-4858(99)80002-6.
9. Kobzeva S.V. Juvenile Right Protection from Internet Threats. *Informatsionnoe pravo = Information Law*, 2017, no. 2, pp. 33–39. (In Russ.).
10. Turkulets V.A. Sexting with regards to minors: criminal legal and victimological aspect. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, 2020, no. 5, pp. 1–11. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.5.33125. (In Russ.).
11. Zharova A.K. Legal tools of protection of internet users from cyberbullying. Experience of Great Britain. *Yuridicheskii mir = Juridical World*, 2021, no. 7, pp. 52–57. (In Russ.).
12. Dacka M. Child sexual abuse – issues and prevention. *Psychologia Wychowawcza*, 2022, vol. 65, no. 23, pp. 5–22. DOI: 10.5604/01.3001.0015.9114.
13. Tereshchenko L.K. Regulation and deregulation of communications by state. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 10, pp. 98–108. DOI: 10.12737/jrl.2019.10.8. (In Russ.).
14. Maslov A.A., Babushkin A.A., Belykh-Silaev D.V. The main areas of joint research of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia in the sphere of criminal intelligence and surveillance operations. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: Law, Economics, Management*, 2021, no. 5, pp. 3–9. DOI: 10.18572/2072-4438-2021-5-3-9. (In Russ.).
15. Kiryukhin V.V. On building up administrative law measures aimed at combating activities on the Internet provoking suicidal behavior in minors. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, 2020, no. 6, pp. 53–56. (In Russ.).
16. Sharapov R.D. Qualification of crimes related to illegal trafficking of pornographic materials and objects. *Zakonnost'*, 2021, no. 8, pp. 43–48. (In Russ.).
17. Dvoryanchikov N.V., Antonov O.Yu., Shulga T.I., Korchagin N.Yu. Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet. *Psychology and Law*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 111–126.
18. Morteza D., Maliheh A., Moghanibashi-Mansourieh A., Ostadhashemi L. Facilitators and Barriers to Child Sexual Abuse Interventions: A Qualitative Study of Interventions in Iran. *Iranian Journal of Psychiatry and Behavioral Sciences*, 2022, vol. 16, iss. 4, art. e129326. DOI: 10.5812/ijpbs-129326.
19. Zharova A. Ensuring the Information Security of Information Communication Technology Users in Russia. *International journal of Cyber Criminology*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 255–269. DOI: 10.5281/zenodo.3698141.
20. Voronin M.I. Characteristics of Electronic (Digital) Evidence Assessment. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2021, no. 8, pp. 118–128. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.129.8.118-128. (In Russ.).
21. Fanslow J., Hashemi L., Gulliver P., McIntosh T. A century of sexual abuse victimisation: A birth cohort analysis. *Social Science & Medicine*, 2021, vol. 270, iss. 12, art. 113574. DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113574.
22. Hayward D., Cheit R.E. Child sexual abuse, in: Sanders T. (ed.). *The Oxford Handbook of Sex Offences and Sex Offenders*, Oxford University Press, 2017, pp. 123–142. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190213633.013.15.
23. Aswadi Aswadi, Suriah Suriah, Stang Stang, Nurhaedar Jafar, Erniwati Ibrahim, Ridwan Amiruddin, Sukfitrianty Syahrir. Edutainment as A Strategy of Child Sexual Abuse Prevention: Literature Review. *Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences*, 2022, vol. 10, no. F, pp. 141–145. DOI: 10.3889/oamjms.2022.7670.
24. González-Prendes A.A., Hicks L.M., Matthews Th., Domke S. Cognitive-Behavioral Therapy, in: *Oxford Bibliographies*, Last modified: 27 June 2018. DOI: 10.1093/OBO/9780195389678-0149.
25. Alieva E.A. Internet as a means of performance sexual abuse. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2017, no. 4, pp. 180–182. (In Russ.).
26. Singh R., Koushal V., Bharti B. A descriptive study on child sexual abuse act in India. *Journal of Family Medicine and Primary Care*, 2022, vol. 11, iss. 6, pp. 2923–2932. DOI: 10.4103/jfmpc.jfmpc_1071_21.
27. Ngo N. Child sexual abuse violence against human dignity of children Child sexual abuse violence against human dignity of children. *International Journal of Research Studies in Education*, 2021, vol. 10, no. 15, pp. 97–108.

28. Sabine K. Witting, Transnational by Default: Online Child Sexual Abuse Respects No Borders. *The International Journal of Children's Rights*, 2021, vol. 29, iss. 3, pp. 731–764.
29. Ali S., Paash A.S. A systematic review of the technology enabled child sexual abuse (OCSA) & its impacts. *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*, 2022, vol. 25, special iss. 5, pp. 1–18.
30. Amirova D.K., Gilmudinov D.D. Criminal Liability for Lecherous Acts Committed Against Minors Using the Information and Communication Network Internet. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2021, vol. 6, no. 2 (12), pp. 122–125. (In Russ.).
31. Mamedyarov A.A. Depraved actions using the Internet. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 8–9 (32). pp. 51–52. DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10211. (In Russ.).
32. Jud A., König E., Liebhardt H., Fegert J.M. How to find help in the Internet? Internet researches aiming at service support in cases of child sexual abuse. *Nervenheilkunde*, 2013, vol. 32, iss. 11, pp. 841–847.
33. Skvortsova O.V., Makarenko D.D. Acts of sexual abuse through the use of Internet. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 146–153. DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-146-153. (In Russ.).
34. Ali S., Haykal H.A., Youssef E. Child Sexual Abuse and the Internet – A Systematic Review. *Human Arenas*, 2021, vol. 4, iss. 1. DOI: 10.1007/s42087-021-00228-9.
35. Mitchell K.J., Jones L.M., Finkelhor D., Wolak J. Internet-facilitated commercial sexual exploitation of children: Findings from a nationally representative sample of law enforcement agencies in the United States. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*, 2011, vol. 23, iss. 1, pp. 43–71.
36. Kloess J.A., Hamilton-Giachritsis C.E., Beech A.R. Ofense processes of online sexual grooming and abuse of children via Internet communication platforms. *Sexual Abuse: Journal of Research and Treatment*, 2019, vol. 31, iss. 1, pp. 73–96.
37. Pestereva Yu.S., Ragozina I.G., Chekmezova E.I. Role of the Plenum of Russian Supreme Court in the judicial practice formation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 209–225. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).209-225. (In Russ.).
38. Dvoryanskov I.V., Panfilov E.E. The state and issues of prevention of delinquent behavior of minors. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: Law, Economics, Management*, 2018, no. 5, pp. 11–15. DOI: 10.18572/2072-4438-2018-5-11-15. (In Russ.).
39. Dolgikh T.N. *The concept and signs of the subject of the crime. Features of the special subject of the crime*. 2021. Available at ConsultantPlus. (In Russ.).
40. Elin V.M. Criminal-legal protection of information in the GAS «Vybory» as a development of the provisions of the doctrine of information security. *Pravovye voprosy svyazi*, 2009, no. 2, pp. 17–21. (In Russ.).
41. Noel G. Muridzo, Chikadzi V., Kaseke E. Challenges Encountered by Children with Disabilities Accessing Child Sexual Abuse Interventions in Zimbabwe. *Journal of Human Rights and Social Work*, 2018, vol. 3, iss. 1, pp. 191–201.
42. Zharova A., Elin V., Panfilov P. Technological and legal issues of identifying a person on the internet to ensure information security, in: Katalinic B. (ed.). *Proceedings of the 29th International DAAAM Symposium "Intelligent Manufacturing & Automation" (24-27th October 2018, Zadar, Croatia)*, Vienna, DAAAM International Publ., 2018, pp. 0471–0478. DOI: 10.2507/29th.daaam.proceedings.069.
43. Troshchinsky P.V. Digital China before and during the coronavirus period: specifics of normative legal regulation. *Law and Digital Economy*, 2021, no. 1, pp. 44–58. DOI: 10.17803/2618-8198.2021.11.1.044-058.
44. Elin V.M. *Comparative analysis of the legal support of information security in Russia and abroad*, Monograph. Moscow, 2016. 165 p. (In Russ.).
45. Makarov A.V., Zhukova M.V. Relevant issues of criminal liability for manufacture of pornographic materials featuring juveniles for circulation purposes. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2017, no. 15, pp. 43–47. (In Russ.).
46. Zharova A., Elin V. State regulation of the IoT in the Russian Federation: Fundamentals and challenges. *International Journal of Electrical and Computer Engineering*, 2021, vol. 11, iss. 5, pp. 4542–4549. DOI: 10.11591/ijece.v11i5.pp4542-4549.
47. Konovalov N.N. Liability for the manufacture and circulation of files or objects with pornographic images of minors in international, foreign and Russian criminal law. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya*

yustitsiya = International Criminal Law and International Justice, 2021, no. 2, pp. 15–18. DOI: 10.18572/2071-1190-2021-2-15-18. (In Russ.).

48. Fedorov A.V. The criminal liability of legal entities in Georgia. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2021, no. 10, pp. 73–80. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жарова Анна Константиновна – доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник
Институт государства и права РАН
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10
E-mail: anna_jarova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2981-3369
ResearcherID: H-4012-2015
Scopus AuthorID: 56964137900
SPIN-код РИНЦ: 2240-1467

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Anna K. Zharova – Doctor of Law, Associate Professor; Senior Researcher
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka ul., Moscow, 119019, Russia
E-mail: anna_jarova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2981-3369
ResearcherID: H-4012-2015
Scopus AuthorID: 56964137900
RSCI SPIN-code: 2240-1467

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Жарова А.К. Интернет-провайдеры как субъекты предупреждения сексуальной преступности в Интернете / А.К. Жарова // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 72–82. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).72-82.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zharova A.K. Internet service providers as subjects of prevention of sexual crime on the Internet. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 72–82. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).72-82. (In Russ.).

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СПОСОБОВ МОНЕТИЗАЦИИ ПРАВ В ИНДУСТРИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР*

Н.Ю. Андреев¹, В.В. Архипов², А.А. Васильев³, Ю.В. Печатнова³

¹ Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

³ Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

11 марта 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Предпринимается попытка юридического анализа нескольких форм монетизации прав на компьютерные игры. Ключевыми объектами исследования выступают донаты, лутбоксы и средства от краудинвестирования. Дается юридическая квалификация данным формам монетизации, которые, несмотря на неоднозначное их толкование с точки зрения гражданского законодательства, требуют более глубокого правового исследования.

Ключевые слова

Индустрия компьютерных игр, лутбоксы, краудфандинг, краудинвестирование, донаты, право компьютерных игр, интернет-право, монетизация игровых прав

LEGAL ASPECTS OF WAYS TO MONETIZE RIGHTS IN THE COMPUTER GAMES INDUSTRY**

Nikolai Yu. Andreev¹, Vladislav V. Arkhipov², Anton A. Vasiliev³, Yuliya V. Pechatnova³

¹ State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

² St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

³ Altai State University, Barnaul, Russia

Article info

Received –

2022 March 11

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

The subject. The authors attempt a legal analysis of several forms of monetization of rights to computer games.

The purpose of the article is the legal qualification of donations, crowdfunding, loot boxes as means of monetization.

The research methodology includes general scientific methods of analysis and synthesis, as well as specific scientific methods of comparative law and formal legal analysis.

The scientific problem of the article lies in the existing contradiction between the rapid development of the computer games market and the state of modern legal science in terms of scientific understanding and regulation of the entertainment industry.

Keywords

Computer games industry, loot boxes, crowdfunding, crowdinvesting, donations, computer games law, Internet law, gaming rights monetization

The main results, scope of application. There are two main forms of public funding in the gaming industry: (1) donations; (2) crowdfunding. Donations are more common for streamers, crowdfunding for computer developers. Donat is money sent without the condition of reciprocity. In recent years, crowdfunding has become a common way to attract investments. The purchase of a digital (or physical) copy of a game is the acquisition of the right to use (access) a computer game. Therefore, the funds we transfer are investments. We become beneficiaries of the published product. As a result, the developer will have to pay taxes on the funds raised. A loot box is a virtual item – a random set of additional features.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Индустрия компьютерных игр: в поисках правовой модели» № 22-28-00433, <https://rscf.ru/project/22-28-00433>.

** The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the project «Computer games industry: in search of a legal model» No. 22-28-00433, <https://rscf.ru/project/22-28-00433>.

The process of loot distribution is similar to a game of chance: players choose the level of need for a thing. Lootbox, despite the deceived expectations of the player, still brings some benefits to the player. In other words, the player pays a few dollars and expects to receive something of value in return, but the amount of winnings can be both large and small. In this regard, it seems that the loot box is a classic win-win lottery. Therefore, loot boxes should not be equated with gambling, otherwise the gaming industry could respond by referring to the need to include lotteries (and insurance) as gambling. At the same time, the similarity of several elements indicates that there is always a risk of turning a computer game into gambling.

Conclusions. There are a number of ways to monetize the material incentives for players. These methods include donations, funds received in the course of crowdinvesting, as well as loot boxes. Donations are an intermediate phenomenon between donation and payment. For individuals, income from donations will not be taxed if there is no consideration. Also, sometimes donations should be understood as funds from crowdinvestments, which developers sometimes collect to create the next game. These funds, in most cases, should still be treated as developer income, not donations. The boundary between the payment of in-game property and gambling is the phenomenon of loot boxes, which should be qualified as a win-win lottery.

1. Введение

В настоящее время игровая индустрия (здесь и далее понятия «разработка компьютерных игр» и «игровая индустрия» будут использоваться как синонимы) является одной из наиболее быстрорастущих и доходных сфер высоких технологий [1]. Так, еще в 2018 г. объем мировой игровой индустрии оценивался в 144 млрд долларов. Темпы роста индустрии в России в 2020 г. достигали 30 % и более.

При этом правовые исследования мало затрагивали данную сферу по разным причинам, в том числе потому, что долгое время правовое регулирование игровой индустрии считалось «несерьезной» темой исследования. Данное обстоятельство привело к тому, что только недавно право компьютерных игр начали изучать как отдельную отрасль правового знания [2; 3].

Таким образом, научная проблема заключается в существующем противоречии между бурным развитием рынка компьютерных игр и состоянием современной юридической науки в части научного осмысления и нормативного регулирования индустрии развлечений.

С одной стороны, растет запрос на правовую защиту интересов участников индустрии компьютерных игр, а с другой стороны, очевиден правовой вакуум в этой сфере.

В отсутствие нормативной определенности формируются различные подходы в судебной практике по спорам в связи с компьютерными играми, что не обеспечивает должной правовой стабильности в этой сфере правового регулирования.

Тематика компьютерных игр в отечественной науке рассматривается, как правило, в культурно-ан-

тропологическом аспекте. Примерами такого подхода выступают работы Д.В. Галкина, Л. Богоста, А.С. Ленкевича [4–6]. При этом среди исследований доминируют работы, подчеркивающие исключительно негативные аспекты цифровой реальности и игрового поведения: игромания, развитие психологических отклонений и др. [7].

Диссертационные исследования по теме правового регулирования компьютерных игр в отечественной науке отсутствуют. В диссертационных работах по компьютерному праву акцент сделан на анализе общих системных правовых проблем, возникающих в сети «Интернет». Например, в диссертационной работе Р.Ф. Азизова освещается комплекс общих подходов к правовому регулированию сети «Интернет» в различных странах [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение темы компьютерных игр в отечественной юридической науке носит фрагментарный характер: исследуются конкретные правовые проблемы (как правило, в сфере интеллектуальной собственности) и предлагаются различные способы их устранения [9].

Среди подобных исследований следует отметить работы следующих авторов: К. Савицкая, Е.С. Гринь, А.К. Жарова, Е.С. Котенко, А. Гурко, Н.А. Пронина, А.В. Буянов, И.В. Щенников и др.

На основании изложенного можно утверждать, что низкая степень изученности обозначенной темы вызвана относительной молодостью правовых исследований игрового сектора и подчеркивает актуальность исследования обозначенных в настоящей статье правовых проблем.

2. Результаты и дискуссия

2.1. Право компьютерных игр как отдельная сфера права

Термин «право компьютерных игр» в юридической сфере воспринимается неоднозначно. С точки зрения отраслевого деления, о самостоятельной отрасли права в данном случае говорить не представляется возможным, в то время как процесс геймификации с каждым годом набирает обороты [10; 11], а компьютерные игры, очерченные в отдельном пространстве и времени, требуют для себя отдельной правовой ниши [12, р. 117].

Компьютерные игры являются частью широчайшего мира игр [13] с той же свободой воображения, распределением ролей игроков, правилами игрового этикета, принадлежностью к определенной культуре [14] и системе массового культурного производства, но при наличии гибридизации художественных и технологических объектов, оригинальных эстетических свойств, особого восприятия виртуальной реальности, специфического сленга и правил внутриигровой коммуникации [15, р. 35].

В связи с этим целесообразно причислить право компьютерных игр к комплексным отраслям законодательства [16, с. 5], т. е. блокам норм из различных отраслей права, которые регулируют определенную сферу общественных отношений, в данном случае – игровую индустрию.

В силу скудости теоретических или хотя бы юридико-прикладных исследований имеется ряд белых пятен в сфере регулирования игровой индустрии. К одним из таких белых пятен можно отнести квалификацию «донатов», пожертвований, денежных средств, которые игроки или зрители игровых трансляций направляют в пользу игроков, блогеров и других участников зрелищных игровых трансляций, тем самым предоставляя новые возможности для идентичности геймера как субъекта действия [17].

Развитие Интернета и платежных инструментов позволяет напрямую обращаться к аудитории за деньгами. Причем зарабатывать на играх благодаря этому могут не только разработчики, издатели, но и сами игроки-стримеры. Кроме того, важную роль играют инструменты краудфандинга. Индустрия развивается, и чем более она емкая, тем больше средств она привлекает, тем больше людей могут в ней зарабатывать – и тем больше способов заработка.

На наш взгляд, в игровой индустрии две основные формы народного финансирования: 1) донаты; 2) краудфандинг. Донаты более характерны для стримеров, краудфандинг – для компьютерных разработчиков.

2.2. Донат как средство монетизации прав в индустрии компьютерных игр

Донат – это денежные средства, направляемые без условия встречного предоставления, пожертвование, подарок. Имеют ли донаты цель? На наш взгляд, донаты направлены на поддержание работы (дальнейшей игры) конкретного пользователя, стримера, владельца канала. Цель, как сказали бы цивилисты, здесь общепользная. Но в то же время она связана с профессиональной деятельностью. Следовательно, возникает основной юридический вопрос: являются ли донаты налогооблагаемым доходом?

Донатам посвящено письмо Управления Федеральной налоговой службы по Московской области от 21 февраля 2018 г. № 16-12/021313 (далее – письмо УФНС по Московской области)¹.

Федеральная налоговая служба (далее – ФНС) рассматривает донаты через призму ст. 582 Гражданского кодекса РФ, согласно которой пожертвованием следует признать дарение вещи или права в «общепользных целях»². Пожертвования могут делаться в пользу граждан и некоммерческих организаций. Коммерческим организациям и индивидуальным предпринимателям, соответственно, пожертвования делать нельзя, вследствие чего это будет обычный доход, и с него придется заплатить налоги.

Самозанятые ни в ст. 582 Гражданского кодекса РФ, ни в письме УФНС по Московской области не упоминаются. Полагаем, что статус самозанятых может быть приравнен к статусу индивидуальных предпринимателей, поэтому самозанятые, получающие доход от своей деятельности, также несут обязанности по уплате налоговых взносов при получении пожертвования в свою пользу.

Кроме того, как в ст. 582 Гражданского кодекса РФ, так и в письме УФНС по Московской области специально указывается на то, что встречного предоставления быть не должно.

Вместе с тем в игровой индустрии всё неоднозначно. Многие стримеры говорят на своих каналах: «Ребята, я буду очень рад донатам, ведь благодаря им выйдет мое очередное видео...» Получается, в

¹ Письмо Управления Федеральной налоговой службы по Московской области от 21 февраля 2018 г. № 16-12/021313 // СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

обмен на донаты люди что-то получают? Значит, донат не пожертвование?

Когда идет трансляция игры, матча и пр., и стример получает деньги, их следует расценивать скорее как подарок. Игрок ничего не дает взамен: он и так уже играет, новой игры он не начал и в ближайшие минуты не начнет, т. е. предоставить что-либо взамен именно на конкретный платеж стример вряд ли может. Обязательным требованием для просмотра игры он донат не ставил (многие зрители по итогам стрима ничего не заплатят). Тут мы явно имеем дело с пожертвованием (в пользу физического лица либо некоммерческой организации), с подарком, а значит, в соответствии со ст. 217 Налогового кодекса РФ³ такой донат налогообложению не подлежит. Однако стримерам, которые имеют статус индивидуального предпринимателя либо самозанятого и размещают данные своего расчетного счета для получения донатов не следует так делать. Донаты, выступающие по внешним признакам подарками, в таком случае будут считаться налогооблагаемым доходом.

Существует иная разновидность «донатов». Их редко отличают от тех донатов, которые упоминались ранее. Чаще всего они появляются в форме постоянной подписки, например посредством *patreon*, платформы для подписки и периодического перечисления денежных средств стримеру, ютуберу. Таким подписчикам обещают разнообразные преимущества, например предоставить доступ к записи игры раньше, чем другим, какие-либо иные бонусы и пр.

На наш взгляд, здесь явно имеется встречное предоставление, только предоставляется не сама запись, а дополнительные материалы к ней. Следовательно, это не пожертвование, а плата за те самые дополнительные материалы, поэтому такие донаты необходимо декларировать.

Если же донаты оформляются как подписка без дополнительных материалов, т. е. скорее как форма систематической помощи, то, на наш взгляд, их следует квалифицировать в качестве систематического пожертвования.

2.3. Краудфандинг как средство монетизации прав в индустрии компьютерных игр

Перейдем от донатов к краудфандингу: *Planeta*, *Kickstarter*, *RocketHub* и мн. др.

В последние годы краудфандинг становится распространенным способом привлечения инвестиций

[18]. Первые упоминания краудфандинга были связаны с социальными и творческими проектами, в настоящее время он играет весомую роль во всех сферах предпринимательской деятельности [19, с. 13].

По оценкам некоторых экспертов, краудфандинг может стать источником альтернативного финансирования [20, с. 25].

Примечательно то, что краудфандинг представляет в некотором роде индустрию финансовых услуг, использующую потенциал «толпы». В этом смысле краудфандинг выступает институтом для привнесения некоторой демократии в мир финансовых операций [21, с. 121].

Вместе с тем традиционная регламентация работы финансовых рынков без должного учета специфики краудфандинга может препятствовать их развитию. Кроме того, отсутствие оптимального правового регулирования вызывает риск того, что представители рынка уйдут в «серый» и «черный» сегмент экономики, в связи с чем будет иметь место не развитие альтернативных способов финансирования, а «гонка вооружений» между рынком и государством. Подобная гонка контрпродуктивна для всех заинтересованных сторон [22, с. 119].

В целом, определенный уровень нормативного регулирования желателен не только для защиты инвесторов, спонсоров и лиц, привлекающих финансирование, но и для самих краудфандинговых платформ [23, с. 42].

Одним из самых любопытных примеров краудфандинга в игровой индустрии является сбор на создание игры *Pillars of Eternity* (общую сумму сбора оценивают в 3,5–4 млн долларов с учетом различных платформ), а в России – *Pathfinder Wrath of the Righteous* (только на *Kickstarter* было собрано свыше 2 млн долларов).

Примечательно, что упомянутое выше письмо УФНС по Московской области изначально было посвящено рассмотрению вопроса краудфандинга для разработки компьютерной игры. Управление ФНС по Московской области указало, что авторы хотели собирать деньги на разработку и популяризацию компьютерных игр. Хотя ответ несколько неоднозначный, из него следует, что физические лица, собирающие через краудфандинговую площадку или иным образом деньги на абстрактную общепользующую цель, не должны платить налоги с собранных таким образом денег.

³ Налоговый кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

В России 2 августа 2019 г. был принят Федеральный закон № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о краудфандинге), в п. 1 ст. 8 которого упоминаются утилитарные цифровые права. Они заключаются в возможности требовать: 1) передачи вещи; 2) передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) выполнения работ и (или) оказания услуг⁴.

В рамках настоящего исследования ключевое значение имеет второй пункт – о передаче исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности.

Попробуем приложить закон к реальности на примере сайта кикстартер-кампании *Pathfinder*. Начиная от взносов в размере 25 долларов, игроку полагаются разные бонусы – от цифровой копии игры до ужина с разработчиками.

Покупка цифровой (или физической) копии игры – это приобретение права использования (доступа) к компьютерной игре. Иными словами, передав определенную сумму на краудфандинговой платформе, мы попадаем под действие Закона о краудфандинге. Следовательно, передаваемые нами средства – это инвестиции, а не пожертвования. Мы становимся бенефициарами публикуемого продукта, а не просто мимо проходящими людьми, пожертвовавшими денежные средства разработчикам. Как следствие, студия или инди-разработчик должны будут платить налоги с привлеченных через платформу денежных средств.

На наш взгляд, этого можно избежать: достаточно ничего не предоставлять в обмен на передаваемые через платформу денежные средства. Просто обещание передать денежные средства в целях создания компьютерной игры не делает передаваемые деньги инвестициями, исходя из Закона о краудфандинге. В этом случае передача денежных средств выступает пожертвованием – добровольной передачей денежных средств разработчику для со-

здания игры и, в целом, пропаганды создания и разработки компьютерных игр.

2.4. Лутбокс как средство монетизации прав в индустрии компьютерных игр

Другой интересной формой монетизации игры является распространение лутбоксов [24–26].

Термин *Lootbox* можно понимать буквально – коробка, ящик или сундук со случайно определяемым содержимым. Итак, лутбокс представляет собой виртуальный предмет – случайный набор дополнительных возможностей, а на вопрос, каких именно, игрок получает ответ только после покупки [27, с. 86].

Сам процесс распределения добычи сходен с азартной игрой: игроки выбирают уровень потребности в вещи. Предметы, которые можно получить посредством лутбоксов, часто разделяются по «степеням редкости», при этом вероятность получения предмета значительно уменьшается с повышением степени его редкости.

Типичным примером спора по поводу лутбоксов можно назвать иск, инициатором которого выступил Кевин Рамирес. В 2011 г. он потратил около 600 евро на лутбоксы. Такие существенные вложения в игру, по мнению Рамиреса, не оправдались, ничего ценного он не получил. Рамирес нашел таких же жертв «пустых» лутбоксов, и они подали коллективный иск против *Electronic Arts* на сумму около 5 млн долларов⁵.

Пока шли судебные споры, представители индустрии выступили за введение особых уведомлений о случайности содержимого лутбоксов.

Вместе с тем судебные споры вокруг лутбоксов продолжаются. Например, в Великобритании летом 2020 г. некоторые представители Палаты лордов предложили распространить на лутбоксы законодательство об азартных играх⁶. Многие сторонники ограничения лутбоксов указали на то, что лутбоксами сильно увлекаются дети и подростки, а также на то, что лутбоксы вызывают привыкание. Параллельно предлагается ограничить размер трат на лутбоксы, ввести определенные лимиты и родительский контроль.

Вместе с тем с юридической точки зрения возникает вопрос: верно ли лутбоксы считать азартными играми?

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

⁵ Против EA подали коллективный иск из-за лутбоксов в FIFA // WFTIME. 14.08.2020. URL: <https://wtftime.ru/articles/109361/protiv-ea-podali-kollektivnyj-isk-iz-za-lutboksov-v-fifa/> (дата обращения: 10.03.2022).

⁶ Палата лордов Великобритании заявила, что лутбоксы должны регулироваться законами об азартных играх // DTF. 2 июля 2020. URL: <https://dtf.ru/gameindustry/164058-palata-lordov-velikobritanii-zayavila-chto-lutboksy-dolzheny-regulirovatsya-zakonami-ob-azartnyh-igrah> (дата обращения: 10.03.2022).

Лутбокс, несмотря на обманутые ожидания игрока, всё же приносит тому определенную выгоду [28]. Иными словами, игрок платит несколько долларов и ждет взамен получения нечто ценного, однако сумма выигрыша может быть как значительной, так и небольшой.

В связи с этим лутбокс представляется классической беспроигрышной лотереей.

С одной стороны, лотерея сама по себе тоже имеет черты азартной игры. С другой стороны, то же самое можно сказать и про страхование. Кто знает, что такое тонтинна, никогда не возьмется утверждать, что страхование – это не азартная игра.

Видится, что лутбоксы не следует приравнять к азартным играм, иначе игровая индустрия могла бы в ответ сослаться на необходимость включения лотерей (и страхования) в число азартных игр.

Для подтверждения данной гипотезы попробуем проанализировать лутбоксы на соответствие основным признакам азартных игр, содержащимся в российском законодательстве [29].

• *Риск.* Садясь за партию в гвинт в одной из таверн Северных королевств, можем ли мы что-то приобрести? Что-то выиграть либо что-то потерять? Мы можем только потерять либо получить карты для гвинта.

В Аркомаге в *Might and Magic VII* и *VIII* давали всё же более весомые награды. Но иначе, как внутри самой игры, использовать выигрыш было невозможно. Примерно такая же ситуация в *San Andreas*: деньги за пределы игры вывести невозможно. Это всё то же внутриигровое имущество. Тут игрок скорее рискует своим временем для сна. Садясь за «реальный блэкджек», придется рисковать деньгами или чем-то иным, о чем один игрок условился с другими игроками.

На наш взгляд, «рисковая» грань превращения обычной игры в азартную находится там, где есть потеря денежных средств или иных ценностей за проигрыш в конкретной партии.

• *Соглашение о выигрыше.* Как правило, пользовательские соглашения не устанавливают обязательств о выплате денежных средств игроку за победу. Преимущества и бонусы за выигрыш могут пообещать другие игровые персонажи, но не разработчики игры.

• *Организатор / участники.* Организатор игры – это разработчик компьютерной игры, а участники –

это другие игроки. В соответствии с п. 5 ст. 4 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»⁷ организатор – юридическое лицо, осуществляющее деятельность по организации и проведению азартных игр. В указанном федеральном законе содержится ряд запретов и требований, установленных для юридических лиц, выступающих организаторами азартных игр. Вместе с тем, как отмечает Е.И. Спектор, указанные запреты не способствуют эффективности правового регулирования организации и проведения азартных игр [30].

• *Правила.* В компьютерных играх правила могут быть весьма обширны. Но ключевого, на наш взгляд, элемента всё равно нет. Риск потери имущества именно из-за результата игры (не из-за покупки дистрибутива) отсутствует.

При этом сходство нескольких элементов свидетельствует о том, что всегда есть риск превращения компьютерной игры в азартную. Например, эта линия риска проходит по лутбоксам, поэтому лутбоксы и стали камнем преткновения, ключевым фронтом борьбы. Если бы там не выпадало ничего и если бы средства от выигрыша лутбоксов можно было бы напрямую (насколько это возможно в современном мире) выводить на счета игроков, тогда бы однозначно можно было квалифицировать лутбоксы в качестве азартных игр, как следствие, попадающих под жесткое правовое регулирование.

3. Заключение

Таким образом, можно сделать несколько выводов по проведенному в данной статье исследованию:

– помимо приобретения права доступа к компьютерной игре или покупки ее цифровой копии, компакт-диска, имеется ряд иных способов монетизации прав на игру, а также материального поощрения игроков, игровых блогеров и т. д.; к таким способам можно отнести донаты, средства, получаемые в ходе краудинвестинга, а также лутбоксы;

– донаты являются промежуточным явлением между пожертвованием и оплатой; для физических лиц доходы от донатов не будут облагаться налогом в том случае, если отсутствует встречное предоставление (например, ранний доступ к игровым материалам, полученный в ответ на поступление доната);

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 7.

– также под донатами иногда следует понимать средства от краудинвестиций, которые разработчики иногда собирают на создание очередной игры; данные средства в большинстве случаев всё же следует воспринимать как доходы разработчиков, а не пожертвования;

– пограничным между оплатой внутриигрового имущества и азартной игрой явлением следует счи-

тать лутбоксы; данное явление в настоящий момент всё же не следует относить к азартным играм, так как отсутствует рисковый характер (в любом случае игрок, приобретающий лутбокс, получит некое имущество, пусть и не всегда им желаемое и не всегда являющееся максимально ценным для конкретной игры, конкретного игрока).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Очеретяный К. А. Эпистемологические функции компьютерных игр / К. А. Очеретяный, Д. А. Колесникова // Вестник Пермского государственного технического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2018. – № 2. – С. 27–38. – DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.2.02.
2. Архипов В. В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр / В. В. Архипов // Закон. – 2014. – № 9. – С. 69–90.
3. Архипов В. В. Интернет-право : учеб.-практикум / В. В. Архипов. – М. : Юрайт, 2016. – 288 с.
4. Галкин Д. В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования / Д. В. Галкин // Гуманитарная информатика. – 2007. – Вып. 3. – С. 54–72.
5. Bogost I. Gry informacyjne: dziennikarstwo epoki cyfrowej / I. Bogost, S. Ferrari, B. Schweizer. – Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2012. – 240 p.
6. Ленкевич А. С. Компьютерные игры: стратегии понимания / А. С. Ленкевич // Медиафилософия XIII. Универсум цифрового разума: новые территории смысла / под ред. В. В. Савчука. – СПб. : С.-Петербург. филос. о-во, 2017. – С. 126–135.
7. Войскунский А. Е. К психологии компьютерной игры / А. Е. Войскунский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – Т. 12, № 1. – С. 5–12. – (На англ. яз.).
8. Азизов Р. Ф. Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук / Р. Ф. Азизов. – СПб., 2016. – 331 с.
9. Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / под ред. В. В. Савчука. – СПб. : Фонд развития конфликтологии, 2016. – 498 с.
10. Буглак С. С. Образ Другого в компьютерных играх / С. С. Буглак, А. Р. Латыпова, А. С. Ленкевич, К. А. Очеретяный, М. М. Скоморох // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2017. – Т. 33, вып. 2. – С. 242–253. – DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.212.
11. Скоморох М. М. Компьютерные игры и утопия интерактивности: на что способны геймеры / М. М. Скоморох // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – № 2 (15). – С. 53–60.
12. Lastowka G. Virtual Justice: The New Laws of Online Worlds / G. Lastowka. – New Haven : Yale University Press, 2011. – 240 p.
13. Raessens J. Playful Identities, or the Ludification of Culture / J. Raessens // Games and Culture. – 2006. – Vol. 1, iss. 1. – P. 52–57.
14. Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры / Й. Хёйзинга ; пер. с гол. Д. В. Сильвестрова. – М. : Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.
15. Manovich L. The language of New Media / L. Manovich. – Cambridge : MIT Press, 2001. – 307 p.
16. Рожкова М. А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав / М. А. Рожкова // Право цифровой экономики – 2020 : ежегодник-антология / науч. ред.: М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2020. – С. 5–78.
17. Шевцов К. П. Компьютерные игры как предмет философского анализа / К. П. Шевцов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2016. – Т. 32, вып. 1. – С. 98–103.
18. Howe J. The rise of crowdsourcing // Wired magazine. – June 1, 2006. – URL: <https://www.wired.com/2006/06/crowds/>.

19. Шапошников Г. Г. Правовое регулирование краудфандинга в Европейском Союзе / Г. Г. Шапошников // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 10. – С. 12–19. – DOI: 10.17803/1994-1471.2021.131.10.012-019.
20. Чудиновских М. В. Регулирование модельных типов краудфандинга: опыт Китая и возможности его применения в России / М. В. Чудиновских, Ю. В. Куваева // Финансы и управление. – 2021. – № 2. – С. 15–28. – DOI: 10.25136/2409-7802.2021.2.34030.
21. Ермакова Е. А. Особенности регулирования краудфандинга в цифровой экономике России / Е. А. Ермакова, Е. А. Нестеренко // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2018. – № 3 (72). – С. 121–124.
22. Соколов И. Н. Проблемы правового регулирования альтернативных форм финансирования инновационных проектов / И. Н. Соколов // Инновации. – 2018. – № 1 (231). – С. 110–120.
23. Габов А. В. Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта / А. В. Габов, И. А. Хаванова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – Вып. 47. – С. 28–44. – DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-28-44.
24. Дроздов Д. Е. Проблема правового регулирования лутбоксов как аналога казино в игровой индустрии / Д. Е. Дроздов, Е. В. Генералова, В. В. Николаев // Заметки ученого. – 2021. – № 13. – С. 477–480.
25. Киселева Л. Ю. Правовое регулирование лутбоксов в видеоиграх / Л. Ю. Киселева // Научные записки молодых исследователей. – 2021. – Т. 9, № 4. – С. 34–40.
26. Варчук А. А. Зарубежный и российский опыт регулирования лутбоксов / А. А. Варчук // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 5. – С. 262–272.
27. Ильянов Д. С. Источники роста экономики в XXI веке: индустрия видеоигр / Д. С. Ильянов, Т. К. Чернышева, М. А. Юрьевич // Теоретическая и прикладная экономика. – 2020. – № 3. – С. 78–89. – DOI: 10.25136/2409-8647.2020.3.31693.
28. Сутырина Е. В. Новації правового регулювання кіберспорту в Російській Федерації в 2021 році: законотвірчі ініціативи 2022 року / Е. В. Сутырина // Отечественная юриспруденция. – 2022. – № 1 (49). – С. 21–26.
29. Султонова Т. И. К вопросу о признаках азартных игр / Т. И. Султонова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. – 2014. – Вып. 3. – С. 62–70.
30. Спектор Е. М. Проблемы реализации закона «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр». Да здравствует подполье? / Е. М. Спектор // Адвокат. – 2007. – № 2. – С. 61–67.

REFERENCES

1. Ocheretyany K.A., Kolesnikova D.A. Epistemological functions of computer games. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo = Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 2018, no. 2, pp. 27–38. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.2.02. (In Russ.).
2. Arkhipov V.V. Virtual property: systemic legal problems in the context of the development of the computer games industry. *Zakon*, 2014, no. 9, pp. 69–90. (In Russ.).
3. Arkhipov V.V. *Internet law*, Textbook. Moscow, Yurait Publ., 2016. 288 p. (In Russ.).
4. Galkin D.V. Computer games as a phenomenon of modern culture: an interdisciplinary study. *Gumani-tarnaya informatika = Humanitarian Informatics*, 2007, iss. 3, pp. 54–72. (In Russ.).
5. Bogost I., Ferrari S., Schweizer B. *Gry informacyjnej: dziennikarstwo epoki cyfrowej*. Kraków, Jagiellonian University Publ., 2012. 240 p. (In Polish).
6. Lenkevich A.S. Computer games: strategies of understanding, in: Savchuk V.V. (ed.). *Mediafilosofiya XIII. Universum tsifrovogo razuma: novye territorii smysla*, St. Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society Publ., 2017, pp. 126–135. (In Russ.).
7. Voiskounsky A.E. On the Psychology of Computer Gaming. *Psihologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2015, vol. 12, no. 1, pp. 5–12.
8. Azizov R.F. *Legal regulation on the Internet: comparative and historical-legal research*, Doct. Diss. St. Petersburg, 2016. 331 p. (In Russ.).

9. Savchuk V.V. (ed.). *Media Philosophy XII. Game or reality? Experience in the study of computer games*. St. Petersburg, Foundation for the Development of Conflictology Publ., 2016. 498 p. (In Russ.).
10. Buglak S.S., Latypova A.R., Lenkevich A.S., Ocheretyanyi K.A., Skomorokh M.M. The image of the other in computer games. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya = Vestnik of St Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2017, vol. 33, iss. 2, pp. 242–253. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.212. (In Russ.).
11. Skomorokh M. Videogames and the Utopia of Interactivity: What Are Gamers Capable Of? *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury = International Journal of Cultural Research*, 2014, no. 2 (15), pp. 53–60. (In Russ.).
12. Lastowka G. *Virtual Justice: The New Laws of Online Worlds*. New Haven, Yale University Press, 2011. 240 p.
13. Raessens J. Playful Identities, or the Ludification of Culture. *Games and Culture*, 2006, vol. 1, iss. 1, pp. 52–57.
14. Huizinga J. *Homo Ludens; Articles on the history of culture*. Moscow, Progress Publ., 1997. 416 p. (In Russ.).
15. Manovich L. *The language of New Media*. Cambridge, MIT Press, 2001. 307 p.
16. Rozhkova M.A. Property rights to new intangible objects in the system of absolute rights, in: Rozhkova M. A. (ed.). *Pravo tsifrovoy ekonomiki – 2020*, Anthology Yearbook, Moscow, Statut Publ., 2020, pp. 5–78. (In Russ.).
17. Shevtsov K.P. Computer games as the subject of philosophical analysis. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie = Vestnik of Saint Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies*, 2016, vol. 32, iss. 1, pp. 98–103. (In Russ.).
18. Howe J. The rise of crowdsourcing. *Wired magazine*, June 1, 2006, available at: <https://www.wired.com/2006/06/crowds/>.
19. Shaposhnikov G.G. The Legal Regulation of Crowdfunding in the European Union. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2021, vol. 16, no. 10, pp. 12–19. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.131.10.012-019. (In Russ.).
20. Chudinovskikh M.V., Kuvaeva Y.V. Regulation of the model types of crowdfunding: China's experience and its applicability in Russia. *Finansy i upravlenie = Finance and Management*, 2021, no. 2, pp. 15–28. DOI: 10.25136/2409-7802.2021.2.34030. (In Russ.).
21. Yermakova Ye.A., Nesterenko Ye.A. Some aspects of regulating crowd-funding in Russian digital economy. *Vestnik saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta = Vestnik of Saratov State Socio-economic University*, 2018, no. 3 (72), pp. 121–124. (In Russ.).
22. Sokolov I.N. Problems of legal regulation of alternative forms of financing innovative projects. *Innovatsii = Innovations*, 2018, no. 1 (231), pp. 110–120. (In Russ.).
23. Gabov A.V., Khavanova I.A. Crowdfunding: Legislative Regulation of the Financing Web-Model in the Context of Legal Doctrine and Foreign Experience. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2020, iss. 47, pp. 28–44. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-28-44. (In Russ.).
24. Drozdov D.E., Generalova E.V., Nikolaev V.V. The problem of lootbox legal regulation as an analogue of a casino in the gaming industry. *Zametki uchenogo*, 2021, no. 13, pp. 477–480. (In Russ.).
25. Kiseleva L.Yu. Legal regulation of loot boxes in video games. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei = Scientific notes of young researchers*, 2021, vol. 9, no. 4, pp. 34–40. (In Russ.).
26. Varchuk A.A. Foreign and Russian experience in lootbox regulation. *Voprosy rossiiskoi yustitsii*, 2020, no. 5, pp. 262–272. (In Russ.).
27. Ilyanov D.S., Chernysheva T.C., Yurevich M.A. Sources of economic growth in the XXI century: video game industry. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika = Theoretical and Applied Economics*, 2020, no. 3, pp. 78–89. DOI: 10.25136/2409-8647.2020.3.31693. (In Russ.).
28. Sutyryna E.V. Innovations in the legal regulation of cybersport in the Russian Federation in 2021: legislative initiatives in 2022. *Otechestvennaya yurisprudentsiya*, 2022, no. 1 (49), pp. 21–26. (In Russ.).
29. Sultonova T.I. To the issue of characteristics of gambling. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 14. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2014, iss. 3, pp. 62–70. (In Russ.).
30. Spektor E.M. Problems of implementation of the law “On state regulation of activities for the organization and conduct of gambling”. Long live the underground? *Advokat*, 2007, no. 2, pp. 61–67. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Николай Юрьевич – кандидат юридических наук, руководитель Центра практической юриспруденции и цифровых компетенций юридического факультета
Государственный академический университет гуманитарных наук
119049, Россия, г. Москва, Мароновский пер., 26
SPIN-код РИНЦ: 5508-9927; AuthorID: 703380

Архипов Владислав Владимирович – доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Санкт-Петербургский государственный университет
199106, Россия, г. Санкт-Петербург, 22-я Линия В.О., 7
E-mail: v.arhipov@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-4566-1454
ResearcherID: I-7148-2013
Scopus AuthorID: 57191837637
SPIN-код РИНЦ: 1715-5893

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, директор юридического института
Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Социалистический, 68
E-mail: anton_vasiliev@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3122-531X
ResearcherID: N-8386-2016
Scopus AuthorID: 57210645825

Печатнова Юлия Вадимовна – аспирант юридического института
Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Социалистический, 68
E-mail: jp_0707@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3091-990X
ResearcherID: AAD-7961-2021

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Андреев Н.Ю. Правовые аспекты способов монетизации прав в индустрии компьютерных игр / Н.Ю. Андреев, В.В. Архипов, А.А. Васильев, Ю.В. Печатнова // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 83–92. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).83-92.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Nikolai Yu. Andreev – PhD in Law; Head, Center for Practical Jurisprudence and Digital Competencies, Faculty of Law
State Academic University for the Humanities
26, Maronovskii per., Moscow, 119049, Russia
RSCI SPIN-code: 5508-9927; AuthorID: 703380

Vladislav V. Arkhipov – Doctor of Law; Head, Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg University
7, 22-ya Liniya V.O., St. Petersburg, 199106, Russia
E-mail: v.arhipov@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-4566-1454
ResearcherID: I-7148-2013
Scopus AuthorID: 57191837637
RSCI SPIN-code: 1715-5893

Anton A. Vasiliev – Doctor of Law, Associate Professor; Director, Law Institute
Altai State University
68, Sotsialisticheskii pr., Barnaul, 656049, Russia
E-mail: anton_vasiliev@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3122-531X
ResearcherID: N-8386-2016
Scopus AuthorID: 57210645825

Yuliya V. Pechatnova – PhD student, Law Institute
Altai State University
68, Sotsialisticheskii pr., Barnaul, 656049, Russia
E-mail: jp_0707@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3091-990X
ResearcherID: AAD-7961-2021

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Andreev N.Yu., Arkhipov V.V., Vasiliev A.A., Pechatnova Yu.V. Legal aspects of ways to monetize rights in the computer games industry. *Pravoprime-nenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 83–92. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).83-92. (In Russ.).

ЦЕЛИ СПОРТИВНЫХ САНКЦИЙ ЗА ПОВЕДЕНИЕ БОЛЕЛЬЩИКОВ: НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ПРАКТИКИ УЕФА В ОТНОШЕНИИ ФУТБОЛЬНЫХ КЛУБОВ

И.А. Васильев

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

28 мая 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Ключевые слова

Спортивная ответственность, строгая ответственность, поведение болельщиков, спортивные санкции, цели санкций, общая превенция, частная превенция, превентивная цель, сдерживающая цель, воспитательная цель

Цели санкций в рамках строгой ответственности клубов за поведение болельщиков не упоминаются в положениях Дисциплинарного регламента УЕФА. Строгая ответственность предполагает ответственность клубов вне зависимости от наличия вины за действия третьих лиц – своих болельщиков. Поэтому вопрос о целях санкций приобретает дополнительную актуальность: санкция не может иметь только карательный эффект в отсутствии вины субъекта. Необходимо учитывать превентивную и сдерживающую цели спортивных санкций, без которых спортивная ответственность лишается признака определенности для субъектов спорта и превращается в произвол футбольных властей. Многообразие спортивных санкций и широкий диапазон их применения, доступные правоприменителю, создают риски чрезмерного принуждения в отношении футбольных клубов. Серьезным препятствием для последовательной практики споров об ответственности клубов за поведение болельщиков является неоднозначность используемой терминологии и доктринальных подходов правоприменителей. В попытке найти упоминание целей санкций в рамках строгой ответственности мы проанализировали доступную правоприменительную практику юрисдикционных органов УЕФА с 2013 по 2021 г. (массив нескольких сотен решений Контрольно-дисциплинарной и этической комиссии, Апелляционной комиссии УЕФА). В силу существующей в европейском футболе системы разрешения споров, наше исследование не могло быть проведено без обращения к решениям Спортивного арбитражного суда (CAS) за 2002–2020 гг.

AIMS OF DISCIPLINARY SANCTIONS FOR THE SPECTATORS' BEHAVIOR: CONTROVERSIAL UEFA PRACTICE CONCERNING FOOTBALL CLUBS

Ilia A. Vasilyev

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2022 May 28

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

Keywords

Sports liability, strict liability, spectators' behavior, sports sanctions, sanction purposes, general prevention, private prevention, preventive purpose, deterrent purpose, educational purpose

The subject. The objectives of strict club liability for spectators' behavior are not mentioned in the provisions of the UEFA Disciplinary Regulations. Strict liability implies the responsibility of clubs, regardless of the presence of fault for the actions of third parties – their spectators. Therefore, the question of the purpose of sanctions acquires additional actuality: a sanction cannot only have a punitive effect in the absence of the subject's fault.

The purpose of the study. The variety of sporting sanctions and the wide range of their application creates risks of excessive coercion against football clubs. It is necessary to consider the preventive and deterrent purposes of sports sanctions, without which sports liability is deprived of the sign of certainty for the subjects of sport and turns into the arbitrariness of the soccer authorities.

Methodology. In an attempt to find references to sanctions targets under strict liability we analyzed the available practice of the UEFA bodies from 2013 to 2021 (a massive of several hundred decisions of the UEFA Control, Disciplinary and Ethics Commission, the UEFA Appeals Commission). Due to the dispute resolution system existing in European football our research could not be carried out without referring to the decisions of the Court of Arbitration for Sport (CAS) for the period 2002-2020.

The main results of research and the field of their application. A serious obstacle to the consistent practice of disputes about the responsibility of clubs for the behavior of spectators is the ambiguity of the terminology used and the doctrinal approaches of law enforcement officers. In decisions we can come across a mention of a preventive effect; preventive and deterrent effect; preventive and educational effect of sanctions. The study

found that the current sports justice's practice of applying strict liability to football clubs has two main problems. Firstly, the UEFA bodies have not established an understanding of who is the subject of the focus of the sanctions. In the disputes examined, two target audiences for sanctions under strict liability are named: clubs and spectators. Secondly, different disputes have emphasized different goals of sports sanctions. The combined approach has not yet been formulated. We have tried to fix these problems.

Conclusions. The goals of strict liability and applied sports sanctions in the UEFA perimeter should not differ: preventive and deterrent, and only in the last – punitive. The need for an unambiguous choice of the football entity targeted by sports sanctions will be the first step to take into account the set of aims of the sports sanctions applied to clubs: preventive, deterrent and punitive. Despite decades of UEFA practice in the application of strict liability, there is still uncertainty as to how a sanction will have the expected effect on the spectators. Limiting UEFA to private prevention in determining the sanction and its size in club competitions does not fully fulfill the mission of sports justice. Even if the sanctions imposed on clubs under strict liability have not been verified by a UEFA jurisdictional body to take into account a set of objectives, CAS is entitled to carry out such verification. An additional difficulty arises due to the ambiguity of terminology (and ideology) regarding the objectives of sanctions in sports justice's practice.

1. Введение

Строгая ответственность (*strict liability*) спортивных клубов за поведение своих болельщиков в футболе хотя и оставляет на сегодняшний день достаточно юридических вопросов, но по-прежнему остается одним из ключевых правовых институтов в регулировании ФИФА, территориальных футбольных конфедераций (в нашем случае – УЕФА), национальных ассоциаций¹. Ключевая характеристика данного вида юридической ответственности заключается в отсутствии исследования правоприменителем ключевого субъективного элемента – вины. Футбольные клубы отвечают вне зависимости от наличия вины за поведение своих болельщиков, являющееся противоправным в соответствии с конкретным регламентом².

Спортивные санкции, сопровождающие строгую ответственность в футболе, различаются в зависимости от конкретных составов неприемлемого поведения болельщиков. Достаточно объемный перечень санкций, к примеру, представлен в Дисциплинарном регламенте УЕФА. Некоторые из них отобраны УЕФА специально для дискриминационного поведения³, тогда как для иных неприемлемых поступков к клубам могут применяться любые соразмерные санкции⁴. Принцип соразмерности (*proportionality*), при первом приближении, обязывает орган, разрешающий спор, выбирать негативную меру принуждения,

соответствующую содеянному – не являющуюся явно и очевидно несоразмерной проступку. Соразмерность как фундаментальный принцип права неотъемлемо выступает императивом для целей спортивных санкций. Но давайте задумаемся: сформулированы ли такие цели УЕФА как нормотворцем и являются ли санкции исключительно выражением карательной функции строгой ответственности? Соответствие санкций целям в каждом конкретном случае остается важным моментом для самоконтроля правоприменителя. Различие степени негативного воздействия между штрафом и дисквалификацией из соревнований УЕФА настолько же велико, насколько неочевиден выбор проведения матча без зрителей в сравнении с закрытием сектора стадиона. Вспомним из науки уголовного права: любое наказание связано с принуждением в смысле причинения страданий привлекаемому к ответственности лицу, поэтому следует отказываться от предшествующих деянию способов правового воздействия [1, с. 150]. Следовательно, когда спортивная санкция преследует и превентивную цель, она не должна дополняться иными мерами принуждения. На сегодняшний день названное требование оставляет сомнения в связи с положениями ст. 7 Дисциплинарного регламента УЕФА, устанавливающей институт административной директивы.

¹ В настоящей статье мы используем термины «федерация» и «ассоциация» как синонимы, что соответствует их идентичному значению в литературе по спортивному праву.

² См., напр., art. 8 UEFA Disciplinary Regulations. URL: https://documents.uefa.com/v/u/ZNsWJsRSmOuSS2QI_y8~qQ (дата обращения: 26.05.2022).

³ См., напр., art. 14 UEFA Disciplinary Regulations.

⁴ См., напр., art. 16 (2) UEFA Disciplinary Regulations.

2. Правоприменительный дискурс целей спортивных санкций

В практике по спорам о строгой ответственности достаточно редко встречается обсуждение или хотя бы обозначение целей назначаемых клубам спортивных санкций: мы можем назвать только 12 дел из массива в несколько сотен, рассмотренных юрисдикционными органами УЕФА⁵. Данный факт заставляет нас задуматься о действенности риска использования санкций, которые не преследуют все необходимые цели. Можно согласиться с мнением, что санкции, построенные на мягком праве (таковым является и *lex sportiva*, включающее правоприменительную практику по делам о строгой ответственности), не должны быть лишены, как минимум, цели сдерживания [2, р. 154–156]. При этом правоприменитель в проанализированных нами решениях иногда называет превентивную цель (*preventive*) санкций как отдельную от сдерживающей (*deterrent*), и наоборот, а также в целом подчеркивает «эффект» от санкций, вероятно, тем самым говоря об их целях. Нам, как и некоторым другим спортивным юристам-практикам, может показаться странной такая степень неопределенности юрисдикционных органов УЕФА. Однако и споры, рассмотренные в апелляционном порядке CAS, качественно не меняют ситуации – постулирование целей санкций строгой ответственности представлено как стандартная формулировка, переносимая из решения в решение начиная с 2002 г.: ст. 8 Дисциплинарного регламента УЕФА устанавливает ответственность клубов за поведение своих болельщиков и поэтому имеет превентивный и сдерживающий эффект⁶. Однако, остается без ответа вопрос: почему любая санкция за поведение болельщиков по умолчанию является, как минимум, превентивной и сдерживающей? Несколько расширяет процитированную нами догму одно из решений юрисдикционных органов УЕФА⁷, согласно которому цель ст. 8 Дисциплинарного регламента заключается в создании нормы, обладающей превентивным и сдерживающим эффектом, т. е. «гарантирующей ответственность клубов в соревнованиях за поведение их болельщиков».

Представленный правоприменителем посыл достаточно спорен: превенция и сдерживание выступают оправданием строгой ответственности, когда клуб принуждается к работе с болельщиками, находясь на каждом матче условным заложником риска, слабо поддающимся контролю. Возникает впечатление, что тем сам УЕФА является (не)осознанным сторонником концепции мер приспособления, когда клубы рассматриваются в качестве субъектов, перманентно находящихся в «опасном состоянии» [3, с. 53] как основании строгой ответственности. Возникает сомнение: всегда ли строгость примененной санкции отражает только социально значимый характер негативного деяния [4, с. 97], не включая негласно реакцию УЕФА на опасное состояние клубов, болельщики которых систематически ведут себя неприемлемым образом? Непоследовательность или молчание юрисдикционных органов УЕФА в отношении целей санкций влечет сомнения в их действенности, способности быть в конкретной ситуации эффективным способом воздействия на субъекта-нарушителя. Поскольку санкции являются только одним из видов мер принуждения в спорте, то необходимо планировать перспективный результат их применения. Мы не являемся сторонниками ограниченного понимания мер принуждения как сугубо карательных, «ставящих точку» в конкретном нарушении и влекущих серьезные ограничительные последствия для субъекта, преступившего черту регулирования в футболе. Как показывают криминологические исследования применительно к преступности, суровые санкции, в лучшем случае, оказывают незначительное влияние на ее статистику и имеют столь же слабо выраженный превентивный эффект [5, с. 253]. Нам кажется, что отсутствие понятного целеполагания для санкции в порядке строгой ответственности подталкивает клубы к безразличному отношению к любому поведению болельщиков и стоическому восприятию своего наказания в стиле «всё равно накажут». И при таком развитии практики метод превентивного сдерживания клубов – потенциальных нарушителей пропадает в правоприменительной деятельности [6, с. 151–152].

⁵ Архив решений на сайте УЕФА, см.: URL: <https://disciplinary.uefa.com/cases/archive/> (дата обращения: 26.05.2022).

⁶ Названная формула в правоприменительной практике цитируется по решению Arbitrage TAS 2002/A/423 PSV Eindhoven / Union des Associations Européennes de Football

(UEFA), sentence du 3 juin 2003, para. 13-16: “L’art. 6 al. 1er RD, faisant endosser une responsabilité objective par les clubs pour les faits de leurs supporters, remplit donc une fonction préventive et dissuasive”. URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared Documents/423.pdf> (дата обращения: 26.05.2022).

⁷ UEFA Decision of 4 September 2014 Ferencvárosi TC.

Насколько превентивная цель санкций соответствует профилактике в спорте? Слово *deterrent* с английского языка может быть переведено и как превенция, и как профилактика. Отдельные исследователи предлагают понимать превенцию в качестве деятельности, направленной на предупреждение проступков, а значит, более узкую по смыслу категорию в сравнении с профилактикой [7, с. 39]. В ситуации строгой ответственности клубов приведенное разграничение приобретает особое значение. Можно констатировать, что в европейских клубных соревнованиях основные обязанности по профилактике поведения болельщиков (как работе с ними, а не только осуществлении мер безопасности и поддержания порядка до, во время и после спортивного мероприятия) переданы клубам-участникам (что в целом соответствует и отдельным национальным концепциям обеспечения безопасности на спортивных соревнованиях) [8].

Перенесение обязанности профилактики поведения болельщиков на клубы обозначает вопрос о методологической основе санкций как единственного способа негативной реакции со стороны УЕФА, воздействия на нарушителей. В научной литературе можно встретить предложение об использовании риск-ориентированного подхода, когда через наказание следует планировать воздействие на рискованный фактор вместо классической общественной опасности деяния как характеристики его вредности [9, с. 64]. Данная точка зрения нам представляется уместной и для строгой ответственности клубов. Цели любой спортивной санкции, применяемой к клубам, видятся комплексными, не ограничивающимися негативным, карательным воздействием по принципу «чем выше опасность, тем более жесткая реакция».

В спортивной юриспруденции видится логичным прогнозировать не только частную, но и общую превенции. Правда, даже CAS склонен акцентировать внимание только на частном измерении: «...целью дисциплинарных санкций является, в частности, устранение причиненного вреда и предотвращение повторения определенных нарушений, то есть побуждение клуба к выполнению своих обязательств и оказание влияния на поведение его болельщиков»⁸. При этом превентивное воздействие в теории права называется как двухэлементное, включающее частное и общее измерения [10, с. 56]. Комбинирование частной и общей превенций в любой спортивной санкции, назначенной за поведение болельщиков, позволит амбивалентно влиять как на субъекта, привлеченного к строгой ответственности, так и на другие клубы в данном соревновании, и даже более масштабно – являться предостережением, как минимум, для всех клубов под юрисдикцией УЕФА и участников клубных соревнований в периметре ФИФА. Последнее вполне обосновано тем, что строгая ответственность в футболе представляет собой универсальный правовой институт Дисциплинарного регламента ФИФА⁹, территориальных конфедераций – аналогов УЕФА¹⁰ и их национальных ассоциаций – членов¹¹. Несмотря на субординационный характер отношений в пирамиде управления в футболе [11], таковые не обязывают национальные футбольные федерации имплементировать в свое регулирование правило строгой ответственности клубов – *the strict liability rules*. Но в отсутствии названной доктрины привлечение болельщиков, которые хотя и называются, например в Дисциплинарном регламенте РФС, субъектами футбола¹², к ответственности на основании норм футбольного регламента встретит объективные препятствия – преследование лиц в

⁸ Arbitration CAS 2017/A/5299 Olympique Lyonnais v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 10 August 2018, para. 142. URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared Documents/5299.pdf> (дата обращения: 26.05.2022).

⁹ FIFA Disciplinary Code, art. 8(1): «In particular, associations and clubs may be responsible for the behaviour of their members, players, officials or supporters or any other person carrying out a function on their behalf even if the association or club concerned can prove the absence of any fault or negligence». URL: <https://digitalhub.fifa.com/m/2b6a6b73ba614d53/original/twc8yxh6fn0kjkxhe9e-pdf.pdf> (дата обращения: 26.05.2022).

¹⁰ Например, Азиатская конфедерация футбола. AFC Disciplinary and Ethics Code, art. 65.1.2: «The home Member Association or home Club is liable for improper conduct among spectators, regardless of the question of culpable conduct or culpable oversight». URL: https://assets.the-afc.com/migration/a/f/AFC Disciplinary and Ethics Code 2019_v8.pdf (дата обращения: 26.05.2022).

¹¹ См., напр., ч. 1 и 2 ст. 32 Дисциплинарного регламента РФС. URL: <https://static.rfs.ru/documents/1/5d97451d197af.pdf> (дата обращения: 26.05.2022).

¹² Дисциплинарный регламент РФС, Список терминов и определений. 14. Субъект футбола – зрители (болельщики) и их объединения. URL: <https://static.rfs.ru/documents/1/5d97451d197af.pdf> (дата обращения: 26.05.2022).

разных национальных юрисдикциях со спецификой правовых систем. Для федераций остается только вариант взыскания в гражданско-правовом порядке причиненного ущерба со всеми сложностями доказывания причинно-следственной связи [12].

Вспомним прозвучавшую в одной из публикаций спортивных юристов небесспорную мысль о том, что наказание клубов будет ощущаться всеми болельщиками, виновными или невиновными, что в конечном итоге должно привести к порядку на трибунах, предотвратив повторение проступков [13, р. 231]. Однако, тем самым исследователь прямо назвал действительным адресатом санкций именно болельщиков, а не клуб и, как следствие, заявил о ценности сочетания частной (в его концепции – это зрители-нарушители) и общей (остальные зрители) превенции.

Проанализированная практика позволяет констатировать различие подходов правоприменителей к определению содержания превентивной и сдерживающей целей спортивных санкций. В отдельных решениях проводится их обоснованное, как мы считаем, разграничение. В основном массиве превенция и сдерживание рассматриваются в статусе синонимов – как частная превенция только в отношении клуба-нарушителя. При этом «лишение криминогенных тенденций свободы развития» [14, с. 144] болельщиков в качестве цели «строгой ответственности» предупредительной деятельности прослеживается во многих решениях.

3. Выводы

Цели строгой ответственности и применяемых спортивных санкций в периметре УЕФА не должны различаться: превентивная и сдерживающая, и только в последнюю очередь – карательная. По мнению некоторых исследователей, карательная функция вплетена в сложный механизм частноправовых отношений и присутствует в нем обязательно [15, с. 35]. Тем не менее текущий нормативный подход УЕФА пока что не создает предпосылки для гибкости правоприменителя в случае дискриминационного поведения болельщиков, охватываемого ст. 14 Дисциплинарного регламента. Предзаданность видов и диапазона санкций для названного проступка позволяет вспомнить, что экономия репрессий в уголовном праве рассматривается в качестве выбора оптимальной санкции из перечня возможных [16, с. 32]. Отсутствие гибкости по выбору мер санкций означает ограниченность в поиске наиболее подходящих из них в конкретных фактических обстоятельствах с учетом всего комплекса надлежащих целей строгой

ответственности: превентивной, сдерживающей, карательной (в идеале, спортивная ответственность должна выполнять также регулятивную, восстановительную и воспитательную функции-цели [17, с. 521]). Поскольку санкции в отношении клубов преследуют выполнение комбинации целей, то напрашивается предоставление правоприменителю всего их диапазона и в случае применения к клубам ч. 2 ст. 14 Дисциплинарного регламента.

В параллели рассуждений будет уместно вспомнить приведенный в одном из исследований пример из области административной деятельности: сдерживающий эффект отзыва лицензии на право управления транспортным средством был значительнее, чем эффект приостановки такой лицензии [18, р. 284]. С нашей точки зрения, обращение к высшим санкциям даже в случае рецидива без массиваотягающих обстоятельств нивелирует комплексное целеполагание строгой ответственности и санкций, что усиливается использованием «среднего» из трех стандартов доказывания в спортивном правосудии [19, с. 22–23; 20, с. 178], но не специально созданного именно для такой категории споров с «исключительной силой» [21, с. 385]. В такой ситуации частной превенцией видится лишение клуба права участия в соревновании и исключение его болельщиков из футбольной семьи на определенный период, сдерживанием и общей превенцией – однозначный посыл другим клубам-участникам о возможных негативных последствиях.

Ограничиться частной превенцией при определении санкции и ее размера в клубных соревнованиях УЕФА означает не в полной мере выполнить миссию спортивного правосудия. И распространенность института строгой ответственности в мировом футболе, очевидно, нуждается в использовании лучших практик воздействия на клубы-нарушители (лучших – не значит карательных) [22, с. 273], что пока далеко от действительности. В этой связи приобретает дополнительное значение систематизация информации [23, с. 90; 24, с. 346], полученной благодаря практике применения строгой ответственности к клубам и предоставлению открытого доступа к практике как способу обеспечения превентивной цели ответственности. Раскрытие на сайте решений юрисдикционных органов УЕФА по интересующей нас категории споров стало хорошим примером спортивного правосудия.

В интересах исследования нам кажется уместным провести аналогию с выводом арбитража в одном из решений, связанном с привлечением клуба к

строгой ответственности¹³: независимо от того, ссылается ли юрисдикционный орган на принцип соразмерности, санкции должны соответствовать такому принципу. Поэтому даже если санкции, примененные к клубам в рамках строгой ответственности, не проверялись органом УЕФА на предмет учета комплекса целей, то CAS вправе осуществить такую верификацию. Может, но должен ли, учитывая что речь идет о целях, а не о принципах применения санкции? Сегодня на этот вопрос дать утвердительный ответ представляется преждевременным до момента консолидации практики CAS и юрисдикционных органов УЕФА. Можно согласиться с исследователями, считающими, что эффективность воспитательного воздействия проистекает из справедливости регулирования [25, с. 264; 26, с. 616], в нашем случае – конструкции строгой ответственности, ее составов, процессуальных норм Дисциплинарного регламента УЕФА. Однако, обсуждение справедли-

вости строгой ответственности клубов за поведение болельщиков гарантированно встречает полярные мнения, как мы отмечали в настоящей работе. Дополнительная сложность в ожидании ответа на вопрос возникает благодаря неопределенности терминологии (и идеологии) в отношении целей санкций в правоприменительной практике. Сложилось впечатление, что в целях защиты спортивного сообщества от носителей «опасного состояния» в качестве превентивной меры социальной защиты [27, с. 13] и была разработана «строгая ответственность». Казалось бы, спортивный арбитраж должен привести упорядоченность, высказавшись относительно правильного целеполагания спортивных санкций в юридическом периметре УЕФА [28, с. 179; 29, р. 21] и спорта в целом [30, с. 142]. Но пока что это только перспектива сродни определению истинного субъекта целеполагания санкций по спорам о строгой ответственности клубов за поведение болельщиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Печегин Д. А. Дискуссия по итогам ознакомления с содержанием статьи В.В. Хиллуты «Наказание и уголовно-правовое воздействие: поиск оптимальной модели противодействия преступности» / Д. А. Печегин // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Т. 6, № 3 (20). – С. 148–152. – DOI: 10.17816/RJLS19101.
2. Tyran J.-R. Achieving Compliance when Legal Sanctions are Non-deterrent / J.-R. Tyran, L. P. Feld // Scandinavian Journal of Economics. – 2006. – Vol. 108, iss. 1. – P. 135–156. – DOI: 10.1111/j.1467-9442.2006.00444.x.
3. Кадников Н. Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности / Н. Г. Кадников // Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – № 1. – С. 50–55. – DOI: 10.31085/2310-8681-2020-1-207-50-55.
4. Бриллиантов А. В. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? / А. В. Бриллиантов, А. Д. Щербаков // Государство и право. – 2020. – № 10. – С. 90–99. – DOI: 10.31857/S102694520012235-9.
5. Кури Х. Эффективность наказания: результаты международных исследований / Х. Кури, О. Ю. Ильченко // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 240–256.
6. Макеева Н. В. Уголовная политика в условиях модернизационных и постмодернизационных процессов: сравнительно-правовой анализ / Н. В. Макеева // Lex russica. – 2016. – № 7 (116). – С. 146–155. – DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.146-155.
7. Репьев А. Г. «Превенция» как правовая категория: в порядке научной дискуссии / А. Г. Репьев, К. А. Васильков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 2 (133). – С. 35–42. – DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10034.
8. Rakhmanova E. N. The legal and organizational basis of ensuring safety of sports activities in Hungary / E. N. Rakhmanova, M. Tihanyi, M. Szabolcs // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13, вып. 3. – С. 759–770. – DOI: 10.21638/spbu14.2022.311.
9. Пудовочкин Ю. Е. Концепт «риск» и проблемы уголовно-правовой науки / Ю. Е. Пудовочкин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – Т. 26, № 4 (79). – С. 58–67. – DOI: 10.24411/1999-625X-2020-11010.

¹³ Arbitration CAS 2020/A/6920 Al Hilal Club v. Confédération Africaine de Football (CAF), award of 15 December 2020, para. 82.

URL: https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared_Documents/6920.pdf (дата обращения: 26.05.2022).

10. Мелкумян М. Г. Взаимодействие воспитательной функции юридической ответственности с регулятивной, превентивной и карательной функцией / М. Г. Мелкумян // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1 (16). – С. 54–57.
11. Nafziger J. A. R. A comparison of the European and North American models of sports organization / J. A. R. Nafziger // International Sports Law Journal. – 2008. – Vol. 8, iss. 3–4. – P. 100–108.
12. Vasilyev I. Spectators' "Blacklists" and Recovery of Damages by Football Clubs from Spectators for the Violation of Rules of Conduct: A Russian Experience / I. Vasilyev, H. Q. Yue, A. Kashaeva, M. Izmalkova, R. Khalatova // Adam Mickiewicz University Law Review. – 2019. – Vol. 9. – P. 198–210.
13. De Vlieger M. A. Racism in European football: going bananas? An analysis of how to establish racist behaviour by football supporters under the UEFA disciplinary regulations in light of the inflatable banana-case against Feyenoord / M. A. de Vlieger // The International Sports Law Journal. – 2016. – Vol. 15. – P. 226–232.
14. Бабаев М. М. Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология) / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, вып. 1. – С. 136–148. – DOI: 10.21638/spbu14.2019.110.
15. Липинский Д. А. Взаимодействие функций гражданско-правовой ответственности в предупреждении правонарушений: общетеоретический аспект / Д. А. Липинский // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 1. – С. 30–40. – DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).30-40.
16. Степашин В. М. Содержание принципа экономии репрессии / В. М. Степашин // Lex russica. – 2017. – № 11 (132). – С. 24–37. – DOI: 10.17803/1729-5920.2017.132.11.024-037.
17. Липинский Д. А. Регулятивная функция уголовной ответственности: понятие, структура и взаимосвязь с предупреждением преступности / Д. А. Липинский, К. Н. Евдокимов // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 3. – С. 520–530. – DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).520-530.
18. Lee J. Deterrent effects of demerit points and license sanctions on drivers' traffic law violations using a proportional hazard mode / J. Lee, B.-J. Park, C. Lee // Accident Analysis and Prevention. – 2018. – Iss. 113. – P. 279–286. – DOI: 10.1016/j.aap.2018.01.028.
19. Васильев И. А. «Достаточная убежденность» при разрешении дисциплинарных споров о манипулировании результатами спортивных соревнований / И. А. Васильев, Дунмэй Пан, Н. А. Сидорова, Н. Г. Стойко, Цзюнь Цай // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 45. – С. 20–37. – DOI: 10.17223/22253513/45/2.
20. Васильев И. А. Особенности использования доказательств и специфика процесса доказывания в Спортивном арбитражном суде (CAS) / И. А. Васильев, Н. Н. Кислякова, С. А. Юрлов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 5. – С. 167–198. – DOI: 10.17323/2072-8166.2019.5.167.198.
21. Щепельков В. Ф. «Стандарт доказывания» состояния опьянения по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения: реалии и перспективы / В. Ф. Щепельков, В. Н. Бурлаков, Н. Г. Стойко, Н. А. Сидорова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, вып. 2. – С. 373–389. – DOI: 10.21638/spbu14.2019.212.
22. Dorskaia A. A. Co-regulation as a way to improve the effectiveness of legal regulation in sports / A. A. Dorskaia, A. Yu. Dorskii // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, вып. 2. – С. 263–275. – DOI: 10.21638/spbu14.2021.202.
23. Гарманов В. М. Информационное воздействие уголовного наказания и его использование в предупредительной деятельности полиции / В. М. Гарманов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 1 (47). – С. 84–92.
24. Лоренц Д. В. Угон и хищение транспортных средств: условия, причины и межотраслевые меры предупреждения в свете новой позиции Конституционного Суда РФ / Д. В. Лоренц // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 337–349.
25. Липинский Д. А. Об уголовно-процессуальной ответственности / Д. А. Липинский // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2010. – № 3 (13). – С. 261–264.
26. Крупник И. А. Совершенствование российского уголовного законодательства о противодействии преступлениям в сфере спорта / И. А. Крупник, Ю. Огурлу, Е. А. Онгарбаев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, вып. 3. – С. 604–620. – DOI: 10.21638/spbu14.2021.308.

27. Сафронова Е. В. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория / Е. В. Сафронова, В. Е. Лоба // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 3. – С. 10–17.

28. Guseinova E. Sports Liability of Football Clubs for Spectators Behavior: Art. 12, Art. 14 of the Code of Sports Justice of the Italian Football Federation (F. I. G. C.) and Para. "e" of the Art. 16 (2) of the UEFA Disciplinary Regulations / E. Guseinova, A. A. Kashaeva, I. A. Vasilyev // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, вып. 1. – С. 166–181. – DOI: 10.21638/spbu14.2019.112.

29. Kleef R. van. Reviewing Disciplinary Sanctions in Sports / R. van Kleef // Cambridge Journal of International and Comparative Law. – 2015. – Vol. 4, iss. 1. – P. 3–28. – DOI: 10.7574/cjicl.04.01.3.

30. Vetrova E. G. Exceptional circumstances beyond International swimming federation Doping control rules: the Sun Yang case of Court of arbitration for sport / E. G. Vetrova, R. I. Khalatova, A. A. Kashaeva // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, вып. 1. – С. 131–143. – DOI: 10.21638/spbu14.2021.109.

REFERENCES

1. Pechegin D.A. Discussion on the results of the article of V.V. Khilyuta «Punishment and criminal impact: finding the best model for countering crime». *Rossiiskii zhurnal pravovyykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Studies*, 2019, iss. 6, no. 3 (20), pp. 148–152. DOI: 10.17816/RJLS19101. (In Russ.).

2. Tyran J.-R., Feld L.P. Achieving Compliance when Legal Sanctions are Non-deterrent. *Scandinavian Journal of Economics*, 2006, vol. 108, iss. 1, pp. 135–156. DOI: 10.1111/j.1467-9442.2006.00444.x.

3. Kadnikov N.G. Dangerous state of personality as the basis of criminal responsibility. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = The Union of Criminalists and Criminologists*, 2020, no. 1, pp. 50–55. DOI: 10.31085/2310-8681-2020-1-207-50-55. (In Russ.).

4. Brilliantov A., Shcherbakov A. The theory of the dangerous condition of person: one step forward or two steps back? *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2020, no. 10, pp. 90–99. DOI: 10.31857/S102694520012235-9. (In Russ.).

5. Kury H., Il'chenko O.Y. Punishment efficiency: results of international research. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2013, no. 2, pp. 240–256. (In Russ.).

6. Makeeva N.V. Criminal Policy under Modernization and Post-Modernisation Processes: Comparative and Legal Analysis. *Lex russica*, 2016, no. 7 (116), pp. 146–155. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.146-155. (In Russ.).

7. Repyev A.G., Vasilkov K.A. "Prevention" as a legal category: in the order of scientific discussion. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, 2020, no. 2 (133), pp. 35–42. DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10034. (In Russ.).

8. Rakhmanova E.N., Tihanyi M., Szabolcs M. The legal and organizational basis of ensuring safety of sports activities in Hungary. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2022, vol. 13, iss. 3, pp. 759–770. DOI: 10.21638/spbu14.2022.311.

9. Pudovochkin Yu.E. Concept of "risk" and problems of science of criminal law. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific bulletin of the Omsk academy of the Ministry of the interior of Russia*, 2020, iss. 26, no. 4 (79), pp. 58–67. DOI: 10.24411/1999-625X-2020-11010. (In Russ.).

10. Melkumjan M.G. Interaction of educational function of legal responsibility with regulatory, preventive and punitive function. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2014, no. 1 (16), pp. 54–57. (In Russ.).

11. Nafziger J.A.R. A comparison of the European and North American models of sports organization. *International Sports Law Journal*, 2008, vol. 8, iss. 3–4, pp. 100–108.

12. Vasilyev I., Yue H.Q., Kashaeva A., Izmalkova M., Khalatova R. Spectators' "Blacklists" and Recovery of Damages by Football Clubs from Spectators for the Violation of Rules of Conduct: A Russian Experience. *Adam Mickiewicz University Law Review*, 2019, vol. 9, pp. 198–210.

13. De Vlieger M.A. Racism in European football: going bananas? An analysis of how to establish racist behaviour by football supporters under the UEFA disciplinary regulations in light of the inflatable banana-case against Feyenoord. *The International Sports Law Journal*, 2016, vol. 15, pp. 226–232.

14. Babaev M.M., Pudovochkin Y.E. The phenomenon of risk in the context of prevention policies (criminal riskology). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2019, vol. 10, iss. 1, pp. 136–148. DOI: 10.21638/spbu14.2019.110. (In Russ.).
15. Lipinsky D.A. Interaction of Civil Liability Functions in Preventing Offences: the General Theoretical Aspect. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 30–40. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).30-40. (In Russ.).
16. Stepashin V.M. The Content of the Principle of Economy of Repression. *Lex russica*, 2017, no. 11 (132), pp. 24–37. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.132.11.024-037. (In Russ.).
17. Lipinsky D.A., Evdokimov K.N. The Regulatory Function of Criminal Liability: Its Concept, Structure and Interrelation with Crime Prevention. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 3, pp. 520–530. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).520-530. (In Russ.).
18. Lee J., Park B.-J., Lee C. Deterrent effects of demerit points and license sanctions on drivers' traffic law violations using a proportional hazard mode. *Accident Analysis and Prevention*, 2018, iss. 113, pp. 279–286. DOI: 10.1016/j.aap.2018.01.028.
19. Vasilyev I.A., Pang Donmei, Sidorova N.A., Stoiko N.G., Cai Jun. "Comfortable satisfaction" in resolution of disciplinary disputes on match-fixing of the results of sporting competitions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2022, no. 45, pp. 20–37. DOI: 10.17223/22253513/45/2. (In Russ.).
20. Vasilyev I.A., Kisliakova N.N., Yurlov S.A. Issues of Using Evidence and Process of Proof in the Court of Arbitration for Sport (CAS). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 5, pp. 167–198. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.5.167.198. (In Russ.).
21. Shchepelkov V.F., Burlakov V.N., Stoyko N.G., Sidorova N.A. Standard evidence of alcohol intoxication in road traffic cases. Criminal law and criminal procedure value. Realities and perspectives. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2019, vol. 10, iss. 2, pp. 373–389. DOI: 10.21638/spbu14.2019.212. (In Russ.).
22. Dorskaia A.A., Dorskii A.Yu. Co-regulation as a way to improve the effectiveness of legal regulation in sports. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2021, vol. 12, iss. 2, pp. 263–275. DOI: 10.21638/spbu14.2021.202.
23. Garmanov V.M. Information impact of criminal punishment and its use in crime prevention activities of the police. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2019, no. 1 (47), pp. 84–92. (In Russ.).
24. Lorents D.V. Carjacking and theft of vehicles: the conditions, causes and inter-branch prevention measures in the light of the new position of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, iss. 2, pp. 337–349. (In Russ.).
25. Lipinsky D.A. About criminally-remedial responsibility. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta = Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2010, no. 3 (13), pp. 261–264. (In Russ.).
26. Krupnik I.A., Ogurlu Y., Ongarbaev E.A. Improvement of Russian criminal legislation in the field of combating sports crimes. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2021, vol. 12, iss. 3, pp. 604–620. DOI: 10.21638/spbu14.2021.308. (In Russ.).
27. Safronova E.V., Loba V.E. "Dangerous condition of person" as criminal term. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 3, pp. 10–17. (In Russ.).
28. Guseinova E., Kashaeva A.A., Vasilyev I.A. Sports Liability of Football Clubs for Spectators Behavior: Art. 12, Art. 14 of the Code of Sports Justice of the Italian Football Federation (F. I. G. C.) and Para. "e" of the Art. 16 (2) of the UEFA Disciplinary Regulations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2019, vol. 10, iss. 1, pp. 166–181. DOI: 10.21638/spbu14.2019.112.
29. Kleef R. van. Reviewing Disciplinary Sanctions in Sports. *Cambridge Journal of International and Comparative Law*, 2015, vol. 4, no. 1, pp. 3–28. DOI: 10.7574/cjicl.04.01.3.
30. Vetrova E.G., Khalatova R.I., Kashaeva A.A. Exceptional circumstances beyond International swimming federation Doping control rules: the Sun Yang case of Court of arbitration for sport. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2021, vol. 12, iss. 1, pp. 131–143. DOI: 10.21638/spbu14.2021.109.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильев Илья Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: i.vasilev@spbu.ru
ResearcherID: I-7480-2013
Scopus AuthorID: 57196348447
SPIN-код РИНЦ: 7524-7480

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Васильев И.А. Цели спортивных санкций за поведение болельщиков: неоднозначность практики УЕФА в отношении футбольных клубов / И.А. Васильев // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 93–102. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).93–102.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Ilia A. Vasilyev – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: i.vasilev@spbu.ru
ResearcherID: I-7480-2013
Scopus AuthorID: 57196348447
RSCI SPIN-code: 7524-7480

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Vasilyev I.A. Aims of disciplinary sanctions for the spectators' behavior: controversial UEFA practice concerning football clubs. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 93–102. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).93–102. (In Russ.).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ (ЗАЙМОВ): СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Н.Ю. Скрипченко

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
07 декабря 2021 г.
Дата принятия в печать –
10 января 2023 г.
Дата онлайн-размещения –
20 марта 2023 г.

Ключевые слова

Потребительский кредит,
профессиональная деятельность
по предоставлению
потребительских займов,
предприниматель,
задолженность, кредитная
организация, ответственность

Проводится анализ действующих норм, предусматривающих ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), позволяющий выявить технико-юридические изъяны в содержании ст. 14.56 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) и закрепленной в 2021 г. ст. 171⁵ Уголовного кодекса (УК) РФ. Через выявление проблем, возникающих при реализации ст. 14.56 КоАП РФ на практике, обосновываются предложения по реформированию указанной нормы и изменению подхода к определению момента окончания закрепленного в ней деяния. Аргументируется потребность внесения изменений в ст. 171⁵ УК РФ, реализация которых обеспечит эффективное противодействие деятельности нелегальных участников финансового рынка.

LIABILITY FOR ILLEGAL EXECUTION OF ACTIVITIES ON PROVISION OF CONSUMER CREDIT (LOANS): CURRENT STATUS AND PERSPECTIVES FOR IMPROVEMENT

Nina Yu. Skripchenko

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Article info

Received –
2021 December 07
Accepted –
2023 January 10
Available online –
2023 March 20

Keywords

Consumer credit, professional
activity in providing consumer
loans, entrepreneur, debt, credit
organization, a responsibility

Consumer lending services are among the most demanded in the financial market. The high socio-economic significance of the activities of entities providing consumer loans is increasing in the context of regional imbalances in the implementation of banking services and the focus of credit institutions on clients with a certain income and stable income. Solving the problems of the availability of financial services for citizens living in small settlements, as well as persons who cannot receive funds from credit institutions due to low income, negative credit history, lack of collateral, microcredit organizations increase the purchasing power of the population, maintain the standard of living socially vulnerable citizens, stimulate the country's economy, involving (through investment) low-income strata in economic processes, making tax payments. The increased requirements for professional lenders determined the expansion of the illegal financial services sector, supported by high consumer demand. In order to counteract the illegal activities of illegal creditors and protect the interests of consumers of credit services, the legislator established administrative and criminal liability.

The analysis of the current norms, which provide for liability for illegal activities for the provision of consumer loans (loans), carried out in the course of the study, made it possible to identify technical and legal flaws in the content of Art. 14.56 of the Administrative Code and enshrined in 2021 Art. 171.5 of the Criminal Code.

Having identified the problems arising in the implementation of Art. 14.56 of the Administrative Code in practice, the author proposes to exclude from the disposition of this norm the signs that specify the subject of an administrative offense (legal entity, individual entrepreneur). The inevitability of the liability of illegal usurers will be ensured by changing the approach to determining the moment when illegal professional activities for the provision of consumer loans (Art. 14.56 of the Administrative Code) are concluded from the date of

the conclusion of the consumer loan agreement on the day the creditor submits executive documents for organizing the enforcement of court decisions on the collection of the corresponding debt.

Having determined the disposition of Art. 171.5 of the Criminal Code casually, with a triple reference-blanketness, the legislator not only deviated from the rules of legal technique, but also disoriented the law enforcement officer in the content of the criminal law prohibition. The author substantiates the proposals to state Art. 171.5 of the Criminal Code in a new edition, excluding the name of the violated law and detailing the signs of the subject of the crime. As crimi-forming signs, the composition covered by Art. 171.5 of the Criminal Code, it was proposed to determine alternatively: the large size of consumer loans (loans) issued by an illegal lender (over 2 million 250 thousand rubles); administrative punishment of a person under Art. 14.56 of the Administrative Code.

1. Введение

Услуги потребительского кредитования относятся к числу одних из самых востребованных на финансовом рынке. По данным Банка России, в 2020 г. число активных клиентов в сегменте потребительских займов выросло на 835 тыс. чел., достигнув 5,7 млн, при этом общее число заемщиков с обязательствами кредитования составило 41,9 млн, на II квартал 2021 г. прирост потребителей микрофинансовых услуг составил 2,26 млн¹.

Отечественные и зарубежные специалисты отмечают высокую социально-экономическую значимость деятельности субъектов, предоставляющих потребительские кредиты, возрастающую в условиях региональной диспропорции в осуществлении банковского обслуживания и ориентированности кредитных организаций на клиентов, имеющих определенный достаток и стабильные доходы [1, с. 26; 2, с. 62; 3, с. 49; 4, с. 5; 5, р. 101; 6, р. 282; 7, р. 1022; 8, р. 35; 9, р. 594]. Решая проблемы доступности финансовых сервисов для граждан, проживающих в небольших населенных пунктах, а также лиц, которые не могут получить денежные средства в кредитных организациях по причине низкого уровня дохода, негативной кредитной истории, отсутствия залогового обеспечения, микрокредитные организации не только увеличивают покупательную способность населения, поддерживают уровень жизни социально уязвимых граждан, но и стимулируют экономику страны, вовлекая (посредством инвестирования) малообеспеченные слои в экономические процессы, производя налоговые отчисления (подробнее см.: [4; 10; 11]).

Вместе с тем современное отношение социума к деятельности субъектов, предоставляющих потре-

бительские займы, носит в большей степени негативный характер. Отрицательный образ старухи-процентщицы, стремящейся нажиться за счет лиц, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах, сформированный Ф.М. Достоевским в известном романе «Преступление и наказание», меркнет на фоне современного представления о микрофинансовой организации, деятельность которой ассоциируется с кабальными процентными ставками, мошенническими схемами, вымогательством и насильственными способами выбивания долгов. Криминальная уязвимость рассматриваемой сферы, определяемая ростом фактов получения потребительских займов по похищенным или утерянным документам, подложным персональным данным, усугубляет негативное социальное отношение к микрофинансовой деятельности.

На законодательном уровне был реализован комплекс мер, направленных на обеспечение контроля за деятельностью субъектов, оказывающих услуги потребительского кредитования на профессиональной основе, а также защиты интересов потребителей указанных услуг. Повышение требований к профессиональным кредиторам определило расширение нелегального сектора финансовых услуг, поддерживаемого высоким потребительским спросом. Признав недостаточным имеющийся предупредительный потенциал государственного порицания нелегальной деятельности по предоставлению потребительских займов в административном порядке (ст. 14.56 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)), законодатель принял решение расширить механизм защиты прав потребителей финансовых услуг, задействовав уголовно-правовые резервы. Федеральным законом от

¹ Обор ключевых показателей микрофинансовых институтов на II квартал 2021 г.: информ.-аналит. материал Банка

России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/microfinance/reveiw_mfo/ (дата обращения: 01.12.2021).

11 июня 2021 г.² Уголовный кодекс (далее – УК) РФ был дополнен ст. 171⁵, предусматривающей ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов). Одновременно законодатель откорректировал признаки смежного административно наказуемого деяния, внося изменения в ст. 14.56 КоАП РФ³.

Анализ имеющихся публикаций по заявленной тематике свидетельствует, что в орбите научных интересов находятся преимущественно вопросы правового регулирования потребительского кредитования (см., напр.: [12–15]) и защита интересов участников кредитных отношений (см., напр.: [16–18]), проблематика реализации административной ответственности ограничена изучением субъектного состава ст. 14.56 КоАП РФ (см., напр.: [19; 20]) и оценкой состояния законности в сфере микрокредитования (см., напр.: [21; 22]). Новизна криминального деяния, предусмотренного ст. 171⁵ УК РФ, определяет незначительный объем доктринальных исследований (см., напр.: [23–25]) и отсутствие наработанной практики. Приводимые в пояснительной записке к законопроекту № 237666-7⁴ сведения свидетельствуют о росте числа административных дел, возбуждаемых по фактам незаконного осуществления профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов (в 2018 г. – 286, а в первом полугодии 2019 г. – 289), но заявленные цифры фактически «говорят» об эпизодичном применении ст. 14.56 КоАП РФ на практике, если к тому же учесть, что возбуждение преследования далеко не всегда влечет установление в действиях лица признаков состава административного правонарушения.

Закрепив в качестве обязательного признака состава преступления, предусмотренного ст. 171⁵ УК РФ, административную преюдицию, а общественно

опасное деяние определив казуично, посредством многочисленных ссылок и отсылок к другим статьям уголовного закона и актам иной отраслевой принадлежности, законодатель, по сути, заблокировал новый уголовно-правовой запрет.

Изложенное актуализирует потребность комплексного анализа действующих норм, предусматривающих ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), который позволит выявить дефекты законодательного регулирования и обосновать предложения по их устранению, что и определяет цель настоящего исследования.

2. Административная ответственности за осуществление незаконной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)

2.1. Проблемы реализации ст. 14.56 КоАП РФ

Дополнив в 2013 г. КоАП РФ ст. 14.56⁵, законодатель установил административную ответственность лиц, осуществляющих в нарушение Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»⁶ (далее – Закон о потребительском кредите) профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов.

Вместе с тем заложенная в нормах Закона о потребительском кредите противоречие в части конкретизации лиц, имеющих право осуществлять профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов, актуализировала на практике вопрос определения субъекта административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.56 КоАП РФ. Так, раскрыв в п. 5 ч. 1 ст. 3 Закона о потребительском кредите профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов как «деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя по предоставлению потребительских займов...», а в ст. 4, определяя аналогичное понятие,

² Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 24 (ч. I). Ст. 4233.

³ Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 203-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 24 (ч. I). Ст. 4221.

⁴ Пояснительная записка к проекту Федерального закона от 28 июля 2017 г. № 237666-7. Подробнее см.: Паспорт проекта Федерального закона № 237666-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуаль-

ный кодекс РФ (о введении ответственности за незаконное осуществление профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов)» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 363-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О потребительском кредите (займе)”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6683.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6673.

указав среди профессиональных займодавцев только юридических лиц: кредитные организации и некредитные финансовые организации в случаях, определенных федеральными законами об их деятельности (на сегодняшний день это ломбарды⁷, микрофинансовые организации⁸, сельскохозяйственные и кредитные потребительские кооперативы⁹), – законодатель поставил вопрос о допустимости привлечения к ответственности индивидуальных предпринимателей, прямо указанных в ст. 14.56 КоАП РФ.

Судебная практика пошла по пути вменения ст. 14.56 КоАП РФ индивидуальным предпринимателям, исходя из того, что указанные лица не относятся к числу субъектов, имеющих право осуществлять профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов, а следовательно, и не имеют соответствующего разрешения, действуя незаконно¹⁰. Ученые, поддержав указанный подход, предложили устранить противоречия между ст. 4 и п. 5 ч. 1 ст. 3 Закона о потребительском кредите, исключив из последней нормы ссылку на индивидуальных предпринимателей [18, с. 48].

Однако, среди нелегальных участников финансового рынка встречаются лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей (как правило, для осуществления основного вида деятельности: 46.90. Торговля оптовая неспециализированная; дополнительный вид деятельности: 64.92.3. Деятельность по предоставлению денежных ссуд под залог недвижимого имущества), но не для оказания услуг потребительского кредитования (такие лица по закону не могут быть субъектами указанных услуг), но предоставляющие гражданам потребительские займы от имени физического лица. Деятельность таких ростовщиков находится вне юрисдикции ст. 14.56 КоАП РФ, так как они действуют от имени физического лица, противоправный характер которого не охватывается данной нормой. А учитывая, что субъектами предоставления потребительских займов могут быть только юридические лица, ростовщики не могут претендовать на получение соответствующей лицензии, что исключает привлечение их к ответственности по ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ за

«...осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии)....». Но и в тех случаях, когда удается установить и доказать нелегальный характер деятельности лица, выступающего в качестве «профессионального» кредитора, возникает другая проблема – виновного невозможно привлечь по ст. 14.56 КоАП РФ по причине истечения сроков давности (один год), который на практике исчисляется со дня заключения договора потребительского займа.

Осознавая свою неуязвимость, нелегальный участник финансового рынка заключает с физическими лицами договоры потребительского займа, извлекая доходы в виде процентов за пользование предоставленными в заем денежными средствами и неустойкой за нарушение сроков возврата займов. В случае ненадлежащего исполнения должниками принятых на себя обязательств по возврату заемных денежных средств, «кредитор» обращается в суд, взыскивая с ответчиков не только сумму основного долга, проценты за пользование предоставленными в заем денежными средствами, неустойку за нарушение сроков возврата займов, а также суммы, которые присуждает суд, на основании заявления об индексации просроченной задолженности. При этом обращение в суд происходит по истечении года со дня заключения договора займа, когда надзорные органы утрачивают возможность привлечь виновного к ответственности по ст. 14.56 КоАП РФ, так как истек установленный законом давностный срок.

В результате недобросовестные субъекты финансового рынка извлекают прибыль, размеры которой исчисляются миллионами рублей, материальное положение граждан, испытывающих нужду, усугубляется, повышается уровень закредитованности физических лиц, что создает угрозу возникновения кризисных явлений в экономике, «нагружается» государственная исполнительная система, взыскивающая долги с ответчиков, но при этом оснований для привлечения к ответственности виновных нет.

Выявленные проблемы остались неразрешенными и после изменений, внесенных в ст. 14.56 КоАП РФ в связи с установлением уголовной ответствен-

⁷ См.: Федеральный закон от 19 июня 2007 г. № 196-ФЗ «О ломбардах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 31. Ст. 3992.

⁸ См.: Федеральный закон от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 27. Ст. 3435.

⁹ См.: Федеральный закон от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 29. Ст. 3627.

¹⁰ См.: Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 27 сентября 2016 г. по делу № 33-26046/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Саратовского областного суда от 21 апреля 2016 г. по делу № 4А-248/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

ности за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) (ст. 171⁵ УК РФ). Сохранив, по сути, содержание противоправных действий, охватываемых ст. 14.56 КоАП РФ, законодатель существенно ужесточил санкции и дополнил норму ч. 2, предусматривающей более строгое наказание за повторное административное правонарушение, если действия виновного не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

Изложенное позволяет прогнозировать низкую эффективность дополненной УК РФ в 2021 г. ст. 171⁵, закрепляющей в качестве обязательного признака административную преюдицию, реализацию новой нормы заблокирует «мертвая» ст. 14.56 КоАП РФ.

2.2. Пути решения выявленных проблем

На наш взгляд, оперативное решение выявленных проблем, возникших при реализации ст. 14.56 КоАП РФ на практике, возможно путем следующих изменений.

Во-первых, из диспозиции указанной нормы необходимо исключить признаки, конкретизирующие субъекта административного правонарушения (корректировке подлежит и санкция, закрепляющая наказания для юридических лиц). Реализация указанного предложения не только обеспечит неотвратимость административной ответственности, но и создаст условия для применения ст. 171⁵ УК РФ, так как субъектами уголовной ответственности могут быть только физические лица, а административное преследование юридических лиц выведет их из юрисдикции уголовно наказуемого деяния.

Во-вторых, необходимо изменить правоприменительный подход к определению момента окончания правонарушения, предусмотренного ст. 14.56 КоАП РФ. Исходя из того, что в п. 3 ч. 1 ст. 3 Закона о потребительском кредите кредитор определяется не только как хозяйствующий субъект, предоставляющий и предоставивший потребительский кредит (займ), но и как лицо, получившее право требования к заемщику, профессиональной деятельностью на микрофинансовом рынке охватываются и действия лица, направленные на взыскание в судебном порядке с должников задолженности и процентов в рамках заключенных договоров потребительского займа, а также дальнейшее предъявление исполнительных документов для организации принудительного исполнения.

Изложенное дает основание для «переноса» момента окончания незаконного осуществления профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов (ст. 14.56 КоАП РФ) с даты заключения договора потребительского займа на день предъявления кредитором исполнительных документов для организации принудительного исполнения судебных решений о взыскании соответствующей задолженности. Указанный подход создаст условия для решения охранительно-предупредительных задач административного законодательства.

3. Дефекты законодательного определения ст. 171⁵ УК РФ

Согласно пояснительной записке к законопроекту, криминализирующему незаконную деятельность по предоставлению потребительских кредитов (займов), расширение уголовно-правовых запретов планируется в целях «защиты прав потребителей финансовых услуг, в том числе введения более совершенного правового механизма противодействия деятельности нелегальных кредиторов, осуществляющих выдачу потребительских займов»¹¹. Содержательный анализ ст. 171⁵ УК РФ позволяет выявить технико-юридические недостатки, которые не только могут заблокировать применение новой нормы, но и ставят под сомнение реализацию тех целей, которые поставил инициатор реформ.

Нарекание вызывает излишняя казуичность, осложненная утроенной ссылочно-бланкетностью диспозиции ст. 171⁵ УК РФ. Для уяснения объективной стороны закреплённого в ней состава преступления необходимо обращаться к нормативным актам, напрямую указанным в норме, а также к положениям законодательства, регулирующего деятельность кредитных и некредитных финансовых организаций, локальным актам хозяйствующего субъекта, предоставляющего потребительские кредиты (займы).

Отмеченное нагромождение нормативного материала, множественные ссылки и отсылки к другим статьям УК РФ и актам иной отраслевой принадлежности не только затрудняют уяснение содержания уголовно-правовой нормы, но и являются, по сути, нарушением правил юридической техники, ориентирующих на ясность и четкость нормативных предписаний (подробнее см.: [26–28]).

На наш взгляд, требуемая четкость и емкость уголовно-правового запрета может быть обеспечена путем отказа от конкретизации в диспозиции ст. 171⁵

¹¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона от 28 июля 2017 г. № 237666-7.

УК РФ нарушаемого федерального закона и детализации оснований наделения субъекта полномочиями руководителя организации – «лицо, которое в силу своего служебного положения постоянно, временно либо по специальному полномочию исполняет возложенные на него обязанности по руководству организации».

Бланкетность описания диспозиции не требует точного указания нарушаемых нормативных актов, так как утрата юридической силы соответствующих документов заблокирует применение рассматриваемой нормы до внесения корреспондирующих изменений и дополнений. Универсальность бланкетной диспозиции обеспечивается посредством определения общественно опасного деяния через термин «незаконный», а также путем конкретизации нарушений нормативных предписаний (например, отсутствие у лица регистрации или специального разрешения (лицензии) на осуществление банковской деятельности образует незаконную банковскую деятельность (ст. 172 УК РФ)).

В этой части более приемлемой представляется формулировка смежного состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.56 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за «осуществление предусмотренной законодательством о потребительском кредите (займе) деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), в том числе обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой, юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, не имеющими права на ее осуществление...».

Учитывая, что в качестве конструктивного признака анализируемого состава заложена административная преюдиция (подробнее см.: [29; 30]), специальность субъекта определяется в первую очередь фактом наказуемости в административном порядке за смежный деликт, что, на наш взгляд, исключает потребность законодательной детализации признаков субъекта. Исключение же из диспозиции ст. 171⁵ УК РФ адресата уголовно-правового запрета должно сопровождаться корректировкой признаков субъекта преюдиционного состава, охватываемого ч. 1 ст. 14.56 КоАП РФ. Распространение его действия не на юридических лиц, а на руководителей коммерческих организаций обеспечит неотвратимость уголовной ответственности руководителей хозяйствующих субъектов, продолжающих осуществлять нелегальную деятельность по предоставлению потребительских кредитов (займов), после наказания в административном порядке.

Системно-структурный анализ ст. 171⁵ УК РФ и ст. 14.56 КоАП РФ позволяет сделать вывод не о криминализации незаконной деятельности по предоставлению потребительских займов (кредитов), а о декриминализации соответствующих нелегальных банковских операций. Буквальное толкование ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за «повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 настоящей статьи, если это действие не содержит признаков уголовно наказуемого деяния...», свидетельствует, что указанный состав правонарушения может быть вменен лицу, продолжающему заниматься незаконной профессиональной деятельностью по предоставлению потребительских займов (кредитов) после привлечения его к ответственности по ч. 1 ст. 14.56 КоАП РФ (очевидно, так следует устанавливать признак повторности в действиях нарушителя), при этом виновный ранее не должен быть подвергнут наказанию по ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ, так как именно данный преюдиционный элемент заложен в конструкцию состава преступления, охватываемого ст. 171⁵ УК РФ, отсутствие которого также должно быть установлено при реализации ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ.

Таким образом, по ст. 171⁵ УК РФ может быть привлечено лицо, незаконно занимающееся деятельностью по предоставлению потребительских займов (кредитов), при условии:

- установления факта привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.56 КоАП РФ (элемент состава, предусмотренного ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ);
- установления факта назначения административного наказания по ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ;
- неистечения к моменту рассмотрения уголовного дела в суде сроков давности (1 год) административного преследования по ч. 1 ст. 14.56 КоАП РФ (конструктивный признак состава, охватываемого ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ) и ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ;
- превышения суммой выданных потребительских займов (кредитов) 2 250 тыс. руб.;
- отсутствия в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ.

Изучение же законопроектов, сопровождающих пояснительных записок и официальных отзывов и заключений на проекты, актов, предусматривающих введение в УК РФ нормы, устанавливающей ответственность за незаконное осуществление профессиональной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), свидетельствует, что к числу криминообразующих признаков

планируемого для закрепления состава предполагалось отнести крупный размер выданных нелегальным кредитором потребительских кредитов (займов) (свыше 2 250 тыс. руб.) либо административную наказанность лица, продолжающего предоставлять потребительские кредиты (займы) на незаконных основаниях. Однако в процессе многочисленных правок предлагаемая к закреплению норма не только лишилась планируемого содержательного наполнения, но и обрела сложную структуру, с нарушением правил юридической техники.

4. Заключение

Изложенное определяет потребность законодательного устранения выявленных технико-юридических изъянов в содержании ст. 171⁵ УК РФ и ст. 14.56 КоАП РФ, изложив указанные нормы в новой редакции:

– из диспозиции ст. 171⁵ УК РФ исключить наименование нарушаемого закона и детализацию признаков субъекта преступления;

– в качестве кримиобразующих признаков состава, охватываемого ст. 171⁵ УК РФ, альтернативно определить:

- крупный размер выданных нелегальным кредитором потребительских кредитов (займов) (свыше 2 250 тыс. руб.);

- административную наказанность лица по ст. 14.56 КоАП РФ;

– из диспозиции ч. 1 ст. 14.56 КоАП РФ исключить признаки, конкретизирующие субъекта, распространив указанный состав на всех нарушителей Закона о потребительском кредите, привлекая к ответственности не «виновных» юридических лиц, а их руководителей;

– ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ исключить.

При реформировании закона следует обеспечить унифицированное название смежных правонарушений, исключив из названия ст. 14.56 КоАП РФ словосочетание «...в том числе обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова С. А. К вопросу о разработке концепции проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» / С. А. Иванова, М. В. Короткова // Банковское право. – 2018. – № 6. – С. 24–31. – DOI: 10.18572/1812-3945-2018-6-24-31.
2. Чирков А. В. К вопросу о совершенствовании регулирования деятельности микрофинансовых организаций (в части предоставления микрозаймов «до зарплаты») / А. В. Чирков // Банковское право. – 2017. – № 6. – С. 62–72. – DOI: 10.18572/1812-3945-2017-6-62-72.
3. Чирков А. В. Правовое регулирование преддоговорных отношений между микрофинансовой организацией и заемщиком / А. В. Чирков // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 7. – С. 49–58. – DOI: 10.17803/1994-1471.2017.80.7.049-058.
4. Чирков А. В. Особенности правового регулирования микрофинансовой деятельности микрофинансовых организаций : моногр. / А. В. Чирков. – М. : Проспект, 2018. – 176 с.
5. Schmidt R. H. Microfinance, Commercialization and Ethics / R. H. Schmidt // Poverty & Public Policy. – 2010. – Vol. 2, no. 1. – P. 99–137.
6. Pedrini M. Rethinking microfinance for developed countries / M. Pedrini, V. Bramanti, M. Minciullo, L. M. Ferri // Journal of International Development. – 2016. – No. 28. – P. 281–302.
7. Hermes N. Does microfinance affect income inequality? / N. Hermes // Applied Economics. – 2014. – Vol. 46, no. 9. – P. 1021–1034.
8. Banks M. 'In a perfect world it would be great if they didn't exist': How Australians experience payday loans / M. Banks, G. Marston, R. Russell, H. Karger // International Journal of Social Welfare. – 2015. – No. 24. – P. 31–47.
9. Koku P. S. Do payday loans help the working poor? / P. S. Koku, Sh. Jagpal // International Journal of Bank Marketing. – 2015. – Vol. 33. – P. 592–604.
10. Рыжановская Л. Ю. Социальная и финансовая составляющие микрофинансовой деятельности: выявление рисков / Л. Ю. Рыжановская // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. – 2013. – № 3 (17). – С. 5–16.
11. Лаутс Е. Б. Микрофинансовые организации vs небанковские депозитно-кредитные организации как субъекты финансового рынка и рынка банковских услуг: правовые средства развития / Е. Б. Лаутс // Банковское право. – 2016. – № 5. – С. 19–26.

12. Баишев Р. Ж. Правовое регулирование потребительского кредитования в государствах ЕАЭС / Р. Ж. Баишев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 1. – С. 218–243. – DOI: 10.17323/2072-8166.2021.1.218.243.
13. Иванов О. М. Комментарий к Федеральному закону «О потребительском кредите (займе)» : науч.-практ. (постат.) / О. М. Иванов, М. А. Щербакова. – М. : Статут, 2014. – 767 с.
14. Казакова Е. Б. Потребительское кредитование: состояние, проблемы и пути развития / Е. Б. Казакова // Lex russica. – 2016. – № 7 (116) – С. 86–95. – DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.048-058.
15. Хабаров С. А. Законодательные новеллы и регулирование профессиональной деятельности на рынке финансовых инструментов / С. А. Хабаров // Право и экономика. – 2016. – № 3. – С. 62–66.
16. Михеева И. Е. Недобросовестные практики страхования при потребительском кредитовании / И. Е. Михеева // Банковское право. – 2020. – № 4. – С. 37–43. – DOI: 10.18572/1812-3945-2020-4-37-43.
17. Богданова Е. Е. Понятие и содержание права кредитора на защиту / Е. Е. Богданова // Lex russica. – 2018. – № 2. – С. 57–64. – DOI: 10.17803/1729-5920.2018.135.2.057-064.
18. Дедюева М. В. Проблемные вопросы применения размера процентной ставки по договору о потребительском кредитовании в судебной практике / М. В. Дедюева // Российская юстиция. – 2020. – № 9. – С. 47–49.
19. Иванов О. М. Поиск баланса интересов при регулировании банковских сделок: проблемы законотворческого процесса / О. М. Иванов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 8. – С. 102–121.
20. Пыхтин С. В. Проблемы легитимации лиц, осуществляющих систематическую выдачу денежных займов / С. В. Пыхтин // Банковское право. – 2018. – № 4. – С. 18–24. – DOI: 10.18572/1812-3945-2018-4-18-24.
21. Хусяйнова С. Г. О состоянии законности в сфере микрокредитования / С. Г. Хусяйнова, А. А. Воронцов // Российская юстиция. – 2019. – № 10. – С. 53–55.
22. Балакшин В. С. Прокурор и административная юрисдикция / В. С. Балакшин, Д. В. Осинцев // Законность. – 2019. – № 1. – С. 30–34.
23. Скрипченко Н. Ю. Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов): анализ законодательных новелл / Н. Ю. Скрипченко // Банковское право. – 2022. – № 1. – С. 72–77. – DOI: 10.18572/1812-3945-2022-1-72-77.
24. Гладких В. И. Уголовно-правовая защита общественных отношений в сфере кредитования / В. И. Гладких, П. Н. Сбирунов // Безопасность бизнеса. – 2019. – № 4. – С. 37–44.
25. Гардалоев А. С. О конкуренции положений ст. 172 и 171.5 УК РФ и особенностях их правоприменения / А. С. Гардалоев // Банковское право. – 2022. – № 6. – С. 49–55.
26. Краснов Ю. К. Юридическая техника : учеб. / Ю. К. Краснов, В. В. Надвикова, В. И. Шкатулла – М. : Юстицинформ, 2014. – 356 с.
27. Семякин М. Н. Юридическая техника в методологии цивилистического правоведения / М. Н. Семякин // Российский юридический журнал. – 2018. – № 3. – С. 101–112.
28. Баранов В. М. Ссылки (отсылки) в актах правотворчества: технико-юридические дефекты и пути преодоления их вредных последствий / В. М. Баранов // Журнал российского права. – 2022. – № 3. – С. 5–21. – DOI: 10.12737/jrl.2022.025.
29. Лопашенко Н. А. Составы преступлений с административной преюдицией – «свои среди чужих»? / Н. А. Лопашенко // Российский следователь. – 2022. – № 5. – С. 51–55. – DOI: 10.18572/1812-3783-2022-5-51-55.
30. Капинус О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики / О. С. Капинус // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 78–86. – DOI: 10.12737/jrl.2019.6.8.

REFERENCES

1. Ivanova S.A., Korotkova M.V. On the development of the concept of the bill of the Federal law on the Amendment of the Federal law on Consumer credit (loan). *Bankovskoe pravo = Banking Law*, 2018, no. 6, pp. 24–31. DOI: 10.18572/1812-3945-2018-6-24-31. (In Russ.).

2. Chirkov A.V. On the improvement of microfinance institution activity regulation (as related to payday micro-loan provision). *Bankovskoe pravo = Banking Law*, 2017, no. 6, pp. 62–72. DOI: 10.18572/1812-3945-2017-6-62-72. (In Russ.).
3. Chirkov A.V. Legal regulation of precontractual relations between the micro-finance organization and the borrower. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2017, no. 7, pp. 49–58. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.80.7.049-058. (In Russ.).
4. Chirkov A.V. *Peculiarities of legal regulation of microfinance activities of microfinance organizations*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 176 p. (In Russ.).
5. Schmidt R.H. Microfinance, Commercialization and Ethics. *Poverty & Public Policy*, 2010, vol. 2, no. 1, pp. 99–137.
6. Pedrini M., Bramanti V., Minciullo M., Ferri L.M. Rethinking microfinance for developed countries. *Journal of International Development*, 2016, no. 28, pp. 281–302.
7. Hermes N. Does microfinance affect income inequality? *Applied Economics*, 2014, vol. 46, no. 9, pp. 1021–1034.
8. Banks M., Marston G., Russell R., Karger H. 'In a perfect world it would be great if they didn't exist': How Australians experience payday loans. *International Journal of Social Welfare*, 2015, no. 24, pp. 31–47.
9. Koku P.S., Jagpal Sh. Do payday loans help the working poor? *International Journal of Bank Marketing*, 2015, vol. 33, pp. 592–604.
10. Ryzhanovskaya L.Yu. Social and financial components of microfinance activity: identifying the risks. *Finansovyi zhurnal = Financial journal*, 2013, no. 3 (17), pp. 5–16. (In Russ.).
11. Lauts E.B. Microfinance organizations vs non-bank depositary and credit organizations as subjects of financial market and bank services market: legal means of development. *Bankovskoe pravo = Banking Law*, 2016, no. 5, pp. 19–26. (In Russ.).
12. Baishev R.Zh. Consumer Credit Regulation in the EAEU States. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, no. 1, pp. 218–243. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.1.218.243. (In Russ.).
13. Ivanov O.M., Scherbakova M.A. *Commentary on the Federal Law "On consumer credit (loan)"*, scientific and practical (article-by-article). Moscow, Statut Publ., 2014. 767 p. (In Russ.).
14. Kazakova E.B. Consumer Lending: Current Conditions, Problems and Perspectives of Development. *Lex russica*, 2016, no. 7 (116), pp. 86–95. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.048-058. (In Russ.).
15. Khabarov S.A. Legislation novelties and regulation of professional activities on the financial instruments market. *Pravo i ekonomika*, 2016, no. 3, pp. 62–66. (In Russ.).
16. Mikheeva I.E. Unfair insurance practices in consumer lending. *Bankovskoe pravo = Banking Law*, 2020, no. 4, pp. 37–43. DOI: 10.18572/1812-3945-2020-4-37-43. (In Russ.).
17. Bogdanova E.E. The concept and essence of the creditor's rights to protection. *Lex russica*, 2018, no. 2, pp. 57–64. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.135.2.057-064. (In Russ.).
18. Dedyueva M.V. Problematic issues of applying the interest rate under a consumer credit agreement in court practice. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justitia*, 2020, no. 9, pp. 47–49. (In Russ.).
19. Ivanov O.M. Searching for balance of interests in the regulation of banking transactions: problems of the lawmaking process. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2016, no. 8, pp. 102–121. (In Russ.).
20. Pykhtin S.V. Issues of legitimation of persons systematically granting money loans. *Bankovskoe pravo = Banking Law*, 2018, no. 4, pp. 18–24. DOI: 10.18572/1812-3945-2018-4-18-24. (In Russ.).
21. Khusainova S.G., Vorontsov A.A. On the state of law in the field of microcredit. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justitia*, 2019, no. 10, pp. 53–55. (In Russ.).
22. Balakshin V.S., Osintsev D.V. The Prosecutor and Administrative Jurisdiction. *Zakonnost'*, 2019, no. 1, pp. 30–34. (In Russ.).
23. Skripchenko N.Yu. Criminal liability for illegal activities aimed at the issue of consumer credits (loans): an analysis of legislative novelties. *Bankovskoe pravo = Banking Law*, 2022, no. 1, pp. 72–77. DOI: 10.18572/1812-3945-2022-1-72-77. (In Russ.).
24. Gladkikh V.I., Sbirunov P.N. Criminal Law Protection of Public Relationship in Lending. *Bezopasnost' biznesa = Business Security*, 2019, no. 4, pp. 37–44. (In Russ.).

25. Gardaloev A.S. On the conflict between provisions of articles 172 and 171.5 of the Criminal Code of the Russian Federation and special aspects of law enforcement. *Bankovskoe pravo = Banking Law*, 2022, no. 6, pp. 49–55. (In Russ.).

26. Krasnov Yu.K., Nadvikova V.V., Shkatulla V.I. *Legal technique*, textbook. Moscow, Yustitsinform Publ., 2014. 356 p. (In Russ.).

27. Semyakin M.N. Legal technique in the methodology of civil law. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2018, no. 3, pp. 101–112. (In Russ.).

28. Baranov V.M. References in Law-Making Acts: Technical and Legal Defects and Ways to Overcome Their Harmful Consequences. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2022, no. 3, pp. 5–21. DOI: 10.12737/jrl.2022.025. (In Russ.).

29. Lopashenko N.A. Elements of Crimes with Administrative Prejudice: “Friends among Foes”? *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2022, no. 5, pp. 51–55. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-5-51-55. (In Russ.).

30. Kapinus O.S. Administrative Prejudice in Criminal Law: Problems of Theory and Practice. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 6, pp. 78–86. DOI: 10.12737/jrl.2019.6.8. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скрипченко Нина Юрьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
163002, Россия, г. Архангельск, наб. Северной Двины, 17
E-mail: n.scripchenko@narfu.ru
ORCID: 0000-0003-2445-2231
SPIN-код РИНЦ: 9849-8083

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nina Yu. Skripchenko – Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law and Procedure
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
17, Severnoi Dviny nab., Arkhangelsk, 163002, Russia
E-mail: n.scripchenko@narfu.ru
ORCID: 0000-0003-2445-2231
RSCI SPIN-code: 9849-8083

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Скрипченко Н.Ю. Ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов): современное состояние и перспективы совершенствования / Н.Ю. Скрипченко // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 103–112. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).103-112.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Skripchenko N.Yu. Liability for illegal execution of activities on provision of consumer credit (loans): current status and perspectives for improvement. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 103–112. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).103-112. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

УДК 347.91

DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(1).113-123

ПРОБЛЕМЫ ДОСТИЖЕНИЯ ПРАВОВОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРУППОВЫХ ИСКОВ

Е.С. Трезубов, Н.С. Звягина

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

25 марта 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Ключевые слова

Групповой иск, групповое производство, истец-представитель, законная сила судебного решения, решение по коллективному иску, преюдициальность, правовая эффективность, процессуальные правоотношения в групповом производстве, сертификация группы

Исследуются правила группового производства в российском цивилистическом процессе. Выявлены пробелы, препятствующие достижению правовой эффективности при рассмотрении коллективных исков, предложены способы преодоления соответствующих лакун. Сделаны выводы о необходимости нормативной регламентации процедуры сертификации группы лиц и вынесения судом соответствующего определения на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, и необходимости применения единого средства массовой информации и сайта суда, рассматривающего дела, а также ресурсов электронного судопроизводства, применяемых в цивилистическом процессе в целях эффективного формирования состава участников группы лиц. Выявлено несовершенство правового регулирования качества преюдициальности решения суда по групповому иску, ограничивающее начала состязательности и равноправия при рассмотрении личных исков в последующем.

PROBLEMS OF ACHIEVING LEGAL EFFICIENCY IN THE CONSIDERATION OF CLASS ACTIONS

Egor S. Trezubov, Natalya S. Zvyagina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Article info

Received –

2022 March 25

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

Keywords

Class action, group litigation, representative claimant, legal force of a judgment, class action judgment, prejudicial, legal efficiency, legal procedural relations in group proceedings, group certification

The paper examines the procedure for considering a class action in the Russian civil procedure in order to identify obstacles to the effective application of this institution. In developed foreign legal orders, group proceedings are a popular socially significant jurisdictional procedure for considering a large number of the same type of requirements, which allows optimizing the burden on the judicial system, ensuring the achievement of legal certainty and the effectiveness of judicial protection. As a result of the reform of group production, an institution *sui generis* appeared, which differs in many respects from foreign analogues. Given that group proceedings in Russia are still not in demand, the authors has identified obstacles to the intensification of this procedure, many of which indicate a superficial regulation of the procedural form.

The study used comparative legal, formal logical and systemic structural methods, which made it possible to give a comprehensive assessment of the identified gaps in the legal regulation of group proceedings in Russian civil, commercial and administrative litigation. The first of the identified problems is related to the lack of regulatory rules for certification of a group of persons. To initiate proceedings on a class action, it is necessary to join a significant number of co-plaintiffs, whose claims are based on homogeneous legal and factual circumstances. However Russian procedural codes do not regulate the criteria by which certification of a group should be carried out, and also do not establish rules for accepting

a court ruling on preparing a case for trial, allowing members to subsequently authorize. It is noted that for effective group proceedings it is necessary to issue an appropriate definition, which would define the criteria for the homogeneity of the grounds for claims and the method of protecting the violated right chosen by the applicant. The law should directly provide for the possibility of appealing against such a judicial act. Also, for the purposes of joining the requirements to protect the interests of a group of persons, it is proposed to publish a notice on the initiation of proceedings not only on the websites of the court and the defendant, but also in the official media.

The problems of implementing the qualities of the legal force of a court decision on a class action, such as exclusivity and prejudice, are also identified, since the law allows challenging the circumstances established when considering a class action when considering a personal claim of a member of a class who has not joined a class action in the future.

1. Введение

Институт рассмотрения группового иска призван служить юрисдикционной процедурой разрешения требований о защите значительной группы истцов. Эффективность данного института продиктована его особой публично-правовой целью – справедливым и единообразным разрешением массовых однородных требований, обеспечением правовой определенности. Требования множества истцов к одному ответчику, основанные на однородных юридико-фактических обстоятельствах, разрешаются одним судом в одном судебном процессе, а сила судебного решения распространяется на всех членов группы, независимо от их личного участия в деле [1, с. 431; 2, с. 121].

Правила производства по групповому иску известны в зарубежных правовых системах, в первую очередь в странах общего права, активное развитие данный институт получает и в государствах континентальной правовой системы [3, с. 218]. В российском цивилистическом процессе традиционно, вслед за Германией [4, с. 60–61], приоритет отдается личному иску, а в условиях дешевизны и высокой скорости отечественного правосудия существенные стимулы для развития группового производства не выделяются. Первоначальная модель группового производства, предусмотренная нормами гл. 28.2 Арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК) РФ, введенной в действие с 21 октября 2009 г., показала свою невостребованность. В порядке группового производства рассматривалось в год лишь несколько десятков споров (абсолютное большинство которых – корпоративные). Федеральным законом от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ¹ в Гражданский процессуальный кодекс (далее – ГПК) РФ были впер-

вые внесены положения о групповых исках, в АПК РФ рассматриваемая процедура была реформирована [5; 6]. Нормы Кодекса административного судопроизводства (далее – КАС) РФ, в котором коллективному иску посвящена только ст. 42, не претерпели изменений. Не вызывает сомнений, что процесс реформирования группового производства в России является следствием эффекта глобализации и сближения цивилистического процесса в общемировом масштабе [7, с. 79]. В настоящей статье предпринимается попытка оценить эффективность нормативной модели группового производства в российском цивилистическом процессе, выявить проблемы, препятствующие интенсификации данной процедуры.

2. Сертификация группы лиц

Групповой иск позволяет защищать интересы многочисленной группы лиц, когда судебный спор затрагивает проблемы социального характера или представляет определенный резонанс. Для квалификации иска как группового необходима общность вопросов правового и фактического основания (*commonality*) и типичности заявленных требований (*typicality*) [8, р. 88–95; 9, р. 88; 10, р. 90; 11, р. 400]. При производстве по групповому иску общие интересы преобладают над частными, что предопределено массовым характером нарушений прав и законных интересов участников группы [12, с. 46]. Иначе говоря, общие вопросы права преобладают над различиями индивидуальных требований участников [13, с. 139]. Указанное правило превосходства предопределяет активную роль суда, рассматривающего дело.

Результатом реформы группового производства в России в 2019 г. стала возможность инициировать рассмотрение коллективного иска в случае, когда в его основе лежат обстоятельства нарушения

¹ Федеральный закон от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос-

сийской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 29 (ч. 1). Ст. 3858.

прав кредиторов не только в одном, но и в однородных правоотношениях, что, с одной стороны, создает условия для интенсификации применения рассматриваемой процедуры, но с другой стороны – возлагает на суд и истца-представителя обязанность по консолидации всех возможных требований.

Условия рассмотрения требований по правилам группового производства сформулированы в ч. 1 ст. 225.10 АПК РФ, ч. 1 ст. 244.20 ГПК РФ, ч. 1 ст. 42 КАС РФ: 1) имеется общий по отношению к каждому члену группы лиц ответчик (соответчики); 2) предметом спора являются общие либо однородные права и законные интересы членов группы лиц; 3) в основании прав членов группы лиц и обязанностей ответчика лежат схожие фактические обстоятельства; 4) использование всеми членами группы лиц одинакового способа защиты своих прав. Процедуру установления указанных критериев группового производства в литературе принято называть сертификацией группы.

2.1. Сертификация группы лиц на стадии возбуждения производства по делу

Для возбуждения производства по групповому иску ко дню обращения лица в арбитражный суд к требованию должны присоединиться не менее 5 членов группы (ч. 5 ст. 225.10 АПК РФ), а в суд общей юрисдикции – не менее 20 членов группы (ч. 5 ст. 244.20 ГПК РФ, ч. 2 ст. 42 КАС РФ).

Сертификация группы истцов при рассмотрении коллективного иска должна быть осуществлена в условиях добровольного присоединения участника группы к такому требованию. Данный тезис вытекает из содержания принципа диспозитивности и самостоятельности гражданского процесса, основан на идее автономии воли субъектов частноправовых отношений. М.З. Шварц отмечает, что добровольность присоединения в политико-правовом контексте оправдана в случае объединения при рассмотрении требований, возникающих из однородных правоотношений, однако в случае подачи группового иска привлечение участников группы должно быть осуществлено уже в принудительном порядке, даже помимо воли таких участников [14, с. 31]. Между тем в ряде случаев даже в едином спорном гражданском правоотношении не допускается применение способов защиты прав кредиторов, если все они не иницируют его реализацию. Здесь, представляется, должны применяться не процессуальные, а материально-правовые механизмы защиты, поскольку отношения, существующие вне судебного процесса между субъектами спорного правоотношения, по своей природе являются именно материальными.

2.2. Сертификация группы лиц при производстве в суде первой инстанции

Присоединение к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц возможно до перехода к судебным прениям. Между тем процессуальный закон не регламентирует последствия присоединения новых членов группы к уже рассматриваемому требованию и вступления в дело в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, участников группы лиц, не согласных с требованием (ч. 2 ст. 244.23 ГПК РФ, ч. 2 ст. 225.10-2 АПК РФ). Формально, в таких случаях необходимо применять общие положения о рассмотрении дела с начала (ч. 8 ст. 46, ч. 4 ст. 51 АПК РФ, ч. 2 ст. 43 ГПК РФ), однако, учитывая значительный субъектный состав, неоднократное возобновление производства с начала будет способствовать чрезмерному затягиванию сроков судебного разбирательства. В этой связи в процессуальном законодательстве должна быть закреплена норма, прямо исключающая применение положений, направленных на рассмотрение дела заново в случае какой-либо динамики на активной стороне (в том числе и в случае замены истца-представителя). Вопрос о сертификации группы должен решаться на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, и после завершения предварительного судебного заседания изменение субъектного состава спора не должно влиять на динамику процесса.

В литературе высказывается и иное мнение: Н.А. Сутормин, анализируя модель группового иска Австралии, предлагает отдать приоритет такой форме контроля со стороны суда над формированием группы истцов, как авторизации, осуществляемой на стадии судебного разбирательства [15, с. 99]. Полагаем, что сертификация группы на стадии подготовки дела к судебному разбирательству всё же предпочтительнее, поскольку только такая процедура позволяет обеспечить баланс между процессуальной экономией и доступностью судебной защиты.

Зарубежный опыт свидетельствует об объективной необходимости принятия предварительного решения суда о возможности рассмотрения соответствующего дела по правилам коллективного производства. Прецедентная практика американских судов, толкующих критерии множественности, общности, типичности и адекватности (Правило 23 Федеральных правил гражданского процесса) десятилетиями создавала процессуальные правила квалификации спора как группового. В таких предварительных разбирательствах существует весьма специфичный предмет доказывания и в обязательном по-

рядке принимается промежуточное решение о рассмотрении дела по правилам группового производства, которое может быть обжаловано в инстанционном порядке [5, с. 165–166; 16, р. 1898; 17, с. 180]. Аналогичные процедуры характерны для британского группового разбирательства (*group litigation order*) и представительского судопроизводства (*representative proceedings*) [18, с. 12].

Отечественными цивилистическими процессуальными кодексами вопросы организации стадии подготовки дела к судебному разбирательству при производстве по коллективному иску урегулированы неодинаково. Так, в ст. 225.14 АПК РФ и ст. 244.65 ГПК РФ закреплены специальные правила проведения стадии подготовки дела к судебному разбирательству, направленные на извещение потенциальных участников группы, а также их присоединение к групповому иску, связанные с сертификацией группы лиц, а КАС РФ соответствующих норм не содержит [19, с. 39].

Задачами подготовки дела по коллективному иску к судебному разбирательству среди прочих является разрешение вопросов о составе группы лиц и о возможности установления иных лиц, являющихся участниками спорных правоотношений, о привлечении их к участию в деле (п. 3 ч. 1 ст. 225.14 АПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 244.26 ГПК РФ). Таким образом, сертификация группы – одна из приоритетных задач стадии подготовки дела к судебному разбирательству в рассматриваемой процедуре. От того, насколько правильно будет проведена сертификация, зависит достижение процессуальной экономии и эффективности [20, с. 156; 21, с. 148–149]. Убеждены, что в случае несогласия участников с критериями сертификации группы, отраженными судом в определении о подготовке дела к судебному разбирательству, такой судебный акт может быть обжалован в инстанционном порядке, поскольку иначе будут созданы препятствия для эффективного рассмотрения дела и может быть ограничен доступ к правосудию, нарушены критерии правовой определенности. По общему правилу, определения судов о подготовке дела к судебному разбирательству в отечественном цивилистическом процессе не могут быть обжалованы, однако в групповом производстве такое определение становится аналогом англо-американского предварительного решения о сертификации группы, от которого зависит правильность итогового судебного акта, что объясняет высказанное предложение о допустимости инстанционного обжалования.

Для целей присоединения к коллективному иску новых участников группы в определении о подготовке дела к судебному разбирательству на лицо, обратившееся в суд с требованиями, возлагается обязанность по их уведомлению. Как следует из содержания ч. 2–4 ст. 225.14 АПК РФ и ч. 2–4 ст. 244.26 ГПК РФ, именно суд определяет порядок такого извещения: публикация сообщения в СМИ, на сайте суда, персональное уведомление участников группы. Буквальное применение указанных норм создает предпосылки для увеличения рисков участников группы, поскольку имеется вероятность неполучения информации о подаче и принятии к рассмотрению группового иска. Российский процессуальный закон не устанавливает конкретный порядок доведения до потенциальных членов группы персонально информации о возбуждении группового производства, эти вопросы должен решить суд самостоятельно и, очевидно, возложить расходы по извещению участников на истца-представителя, если иного соглашением участников группы лиц не предусмотрено (что следует из обязанности истца направить ответчику копию иска с приложениями и заблаговременно раскрывать имеющиеся доказательства).

Как было указано, законом предусмотрена дешевая и простая обязанность публикации предложения о присоединении к требованию в средствах массовой информации [22, с. 26]. Вместе с тем вероятность получения лицом информации посредством четко не определенных СМИ достаточно низкая в силу широты распространения массовых информационных ресурсов. Поэтому необходимо закрепить обязательность публикации сообщения о возможности присоединения к групповому иску на сайте суда, на сайте ответчика (при наличии такого ресурса), а также определить конкретный информационный ресурс, в котором в обязательном порядке будут публиковаться сообщения о возможности присоединения к групповому иску (по аналогии с публикацией сообщений о банкротстве или ликвидации юридических лиц). Использование одновременно нескольких способов извещения о начале группового производства обеспечит большую эффективность процесса [23, с. 60].

Судами США для обеспечения должного извещения при сертификации группы зачастую используются электронная почта, социальные сети, мессенджеры, информационные сайты и иные бытовые сервисы [24, р. 986]. Однако такой способ доведения информации не может быть признан эффективным

ввиду отсутствия достоверных сведений об извещении конкретного лица (часто будет затруднительно подтвердить принадлежность учетной записи конкретному лицу).

Кроме того, для целей оптимизации процесса рассмотрения требований истцов, не присоединившихся к групповому иску, необходимо в перспективе внедрения сервисов электронного судопроизводства, в том числе супер-сервиса «Правосудие Онлайн» (<https://www.gosuslugi.ru/superservices/judgment>), при подаче иска в электронной форме проводить автоматическую проверку ранее рассмотренных групповых исков к тому же ответчику и уведомлять истца об этом. Современный уровень цифровизации судопроизводства предполагает активное использование судами ресурсов ГАС «Правосудие» и системы «Электронное правосудие» (<http://arbitr.ru>), позволяющих проводить персонализацию участников спора из соответствующих каталогов по идентификаторам (ИНН, ОГРН, паспортные данные, СНИЛС и пр.). Поэтому сведения о возбуждении производства по групповому иску в обязательном порядке должны также поступать в соответствующие системы, используемые судами.

Эффективное уведомление участников группы и отражение соответствующих сведений в ресурсах программных комплексов электронного судопроизводства необходимо не только с целью консолидации заявлений о присоединении к требованиям, но и с целью минимизации рисков параллельного рассмотрения личных исков участников такой группы с тождественным предметом, основанных на однородных обстоятельствах, к тому же ответчику. Сейчас фактически риски одновременного рассмотрения личного иска и коллективного иска из однородных правоотношений переложены на ответчика. Правовая природа группового производства не допускает одновременного рассмотрения тождественных личного и группового исков, поэтому производство по делу лица, обратившегося с самостоятельным иском, приостанавливается в том числе в случае, если требование, поданное в защиту прав и законных интересов группы лиц, предъявлено позднее обращения в суд указанного лица (ч. 6 ст. 225.16 АПК РФ, ч. 6 ст. 244.25 ГПК РФ, ч. 5 ст. 42 КАС РФ). В этой связи для целей обеспечения эффективности распространения решения суда по групповому иску на всех членов соответствующей группы необходимо не только тщательно осуществить сертификацию участников спорных правоотношений, но и обеспечить их надлежащее уведомление.

3. Качества законной силы судебного решения по групповым искам

В групповом производстве могут разрешаться все виды исков: о признании, о присуждении и преобразовательные иски. Между тем непосредственную защиту за счет распространения качества исполнимости получают те лица, которые присоединились к заявлению в защиту прав и законных интересов группы лиц (здесь очевидно использование конструкции *opt in*). Впрочем, потенциал распространения решения по коллективному иску на всех участников группы лиц, не присоединившихся к коллективному иску, несомненно, имеется хотя бы в требованиях о признании и преобразовательных требованиях. К решению суда в групповом производстве предъявляются особые требования, поскольку в нем должна недвусмысленно быть определена группа лиц, получающих защиту из судебного решения с тем, чтобы при рассмотрении последующих личных исков не присоединившихся к заявлению лиц не возникало вопросов с преюдициальным значением данных судебных актов [25, с. 374]. Исходя из содержания нормы ч. 7 ст. 225.16 АПК РФ (в ГПК РФ аналогичной нормы нет) право на предъявление личного иска после рассмотрения дела в порядке группового производства принадлежит кредитору только в «уважительных» случаях, что, отвлекаясь от неудачно сформулированной нормы [26, с. 295–296], означает право истца предъявить самостоятельное требование в случаях, когда такое лицо нуждается в индивидуальной судебной защите. То есть тогда, когда решением по групповому иску право участника группы не может быть признано защищенным (например, при заявлении последним требования о присуждении).

Судебное решение в групповом производстве принимается по общим правилам, установленным процессуальным законом. Поэтому в случае разрешения требований, предполагающих индивидуальную защиту участников группы, присоединившихся к заявлению, в резолютивной части судебного акта должны содержаться выводы применительно к требованиям каждого из таких кредиторов (ч. 4 ст. 225.17 АПК РФ, ч. 4 ст. 244.28 ГПК РФ) [27, с. 99]. Между тем специфика рассматриваемой процедуры предполагает, что принятое постановление распространяется на всех присоединившихся к требованиям лиц, а также на лиц, не присоединившихся к иску. В соответствии с правилами ч. 2 ст. 225.17 АПК РФ и ч. 2 ст. 244.28 ГПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда

по ранее рассмотренному делу о защите прав и законных интересов группы лиц, не доказываются вновь при рассмотрении судом другого дела по заявлению члена этой группы лиц, который ранее не присоединился либо отказался от заявления о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, предъявленному к тому же ответчику и о том же предмете, за исключением случаев, если указанные обстоятельства оспариваются этим членом группы лиц.

Указанная норма свидетельствует об отступлении от общих качеств законной силы судебного решения, которыми являются общеобязательность, исключительность, преюдициальность, неопровержимость, исполнимость. Особое внимание заслуживает характеристика преюдициальности обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом по групповому производству.

Во-первых, обращает на себя внимание формулировка ч. 2 ст. 225.17 АПК РФ: обстоятельства, установленные арбитражным судом, не доказываются при рассмотрении тождественного личного иска арбитражным судом. В диспозиции ч. 2 ст. 244.28 ГПК РФ приведено указание лишь на суд, без конкретизации «суд общей юрисдикции», хотя такой конкретизации в тексте ГПК РФ в принципе не встречается, так что едва ли стоит в этой разнице искать концептуальный смысл. Согласно ч. 3 ст. 69 АПК РФ вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу обязательно для арбитражного суда. Преюдициальное значение фактов, установленных судом общей юрисдикции при рассмотрении дела административного судопроизводства, также не вызывает сомнений². Преюдициальное значение обстоятельств, установленных арбитражными судами, для судов общей юрисдикции установлено ч. 3 ст. 61 ГПК РФ и ч. 2 ст. 64 КАС РФ.

При рассмотрении групповых исков суды применяют общие правила компетенции, и арбитражным судом будет рассматриваться групповой иск только в том случае, если требования всех участников, присоединившихся к требованиям, будут относиться к компетенции этого суда [28, с. 94]. Тем не менее на практике допустимы ситуации, при которых участники одной группы будут как коммерсантами, так и гражданами, не имеющими статуса пред-

принимателя [29, с. 239]. Представим себе ситуацию нарушения управляющей компанией прав собственников помещений в многоквартирном доме, находящихся в собственности разных субъектов – коммерсантов и граждан-потребителей. Допустим, управляющая компания на протяжении длительного периода в одностороннем порядке доначисляла всем собственникам суммы за не оказываемые ею услуги и выходящие за пределы обязательств по договору на управление имуществом, и граждане взыскивали в порядке группового производства сумму неосновательного обогащения. Неужели арбитражный суд, рассматривая групповой иск коммерсантов к управляющей компании, не исключит установленный судом общей юрисдикции факт неоказания управляющей компании соответствующих услуг из предмета доказывания? Конечно, в данной ситуации имеется основание для освобождения от доказывания.

Применение нормы ч. 2 ст. 225.17 АПК РФ и ч. 2 ст. 244.28 ГПК РФ в отрыве от общих правил об освобождении доказывания недопустимо, иное нивелировало бы качества законной силы решения суда и нарушало принцип правовой определенности. Преюдициальная связь судебных актов всех судов судебной системы России объясняется единством функции отправления правосудия и принятием судебных актов от имени государства.

Второй обращающий на себя внимание аспект приведенных норм связан с возможностью оспаривания установленных судами обстоятельств участниками группы, отказавшимися от присоединения к требованию, или не присоединившимися к требованию. Очевидно, такое решение законодателя является следствием избрания более компромиссной модели группового иска [30, р. 214] (с чертами моделей *opt in* и *opt out* одновременно), но этот компромисс несет в себе деструктивный потенциал для института группового иска в целом, сводя его всего лишь до чуть более масштабной модели активного процессуального соучастия. С одной стороны, качества законной силы связывают ответчика, который не обладает правом оспаривания установленных обстоятельств при рассмотрении судом личного иска такого участника группы истцов. Однако такое нормативное решение в аспекте реализации принципа состязательности небезупречно. Оспаривание установленных обстоятельств может породить возник-

² Пункт 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов,

содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2).

новение дополнительных судебных процессов и повлечь за собой возникновение существенных финансовых и временных издержек для ответчика. Кроме того, вероятность изменения установленных фактических обстоятельств может создать для ответчика положение правовой неопределенности на протяжении продолжительного периода.

Если истец по личному иску будет оспаривать обстоятельства, установленные судом при рассмотрении группового иска ранее, и может их опровергнуть, ответчик должен обладать также правом опровержения соответствующих обстоятельств. Иное свидетельствовало бы о нарушении баланса интересов сторон и отступлении от начал равноправия и состязательности. В общемировой практике законная сила судебного решения в аспекте принципа *res judicata* распространяется на всех, кроме исключенных как не прошедших сертификацию участников группы. И новелла российского закона о возможности оспаривания установленных обстоятельств выглядит по меньшей мере нелогично. Неаккуратное применение цитируемой нормы способно нивелировать значимость группового производства, состоящую в обеспечении единства правоприменительной практики и исключению принятия противоречащих друг другу актов разными судами.

Полагаем, отечественный процессуальный закон допускает такое оспаривание постольку, поскольку при предъявлении личного иска истец вправе избрать иной способ защиты нарушенного права, поэтому может отличаться квалификация обстоятельств, составляющих основание иска. Здесь необходимо говорить о том, что не присоединившийся к требованию или отказавшийся от присоединения участник группы вправе доказывать, что основанием его иска является иной юридико-фактический состав, что обстоятельства его дела уникальны, и только тогда должны быть допустимы корректировка предмета доказывания и, как следствие, предоставление ответчику права оспаривания обстоятельств, на которых основаны требования истца.

Следствием качеств *res judicata* решения по групповому иску являются также правила ч. 3 ст. 225.17 АПК РФ и ч. 3 ст. 244.28 ГПК РФ о праве суда возложить на ответчика обязанность довести инфор-

мацию о принятом по делу решении до всех членов группы. Возложение указанной обязанности на ответчика и особенности такого исполнения состоят в прямой зависимости от проведенной судом сертификации группы.

В отличие от модели *opt out*, российская модель группового иска пока не предполагает возможность придания качеств исполнимости решения по отношению к участникам группы лиц, которые не присоединились к заявленным требованиям. Тем не менее, поскольку качества преюдициальности решений по групповым искам обладают своей спецификой, в мотивировочной части решения должны быть не только с достаточной ясностью и определенностью установлены обстоятельства, одинаково значимые для всей потенциальной группы лиц, но и приведены критерии для идентификации участников схожих материальных правоотношений как участников одной группы лиц.

4. Заключение

Отечественная модель группового производства представляет собой нечто промежуточное между моделью *opt in* и моделью *opt out*, так как возбудить производство по групповому иску и осуществлять его рассмотрение возможно лишь при условии реального наличия минимального числа соистцов, но в то же время отдельные качества законной силы решения суда (общеобязательности и преюдициальности) будут распространяться и на лиц, не присоединившихся к заявленному требованию.

В США и в Англии решение многих вопросов процесса рассмотрения группового иска оставлено на усмотрение суда, что согласуется с традицией правосудия в этих странах. Российский цивилистический процесс базируется на идее детального урегулирования процессуальной формы, поэтому сохранение выявленных пробелов, убеждены, недопустимо. Частично проблемы могут быть решены посредством руководящих разъяснений Верховного Суда РФ, в которых может быть охарактеризована модель отечественного группового производства, особенности процессуальных и материальных правоотношений с участниками группы лиц. Однако нормативной регламентации требуют процедуры сертификации группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве : избр. / И. В. Решетникова. – М. : Статут, 2019. – 510 с.

2. Сутормин Н. А. Преимущества и недостатки группового иска / Н. А. Сутормин // Государство и право. – 2020. – № 7. – С. 119–123. – DOI: 10.31857/S102694520010712-4.
3. Сутормин Н. А. Групповые иски в Финляндии / Н. А. Сутормин // Вестник гражданского процесса. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 217–234. – DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-4-217-234.
4. Химмельрайх А. Коллективная правовая защита – иски объединений и право объединений на предъявление иска в немецком гражданском процессе / А. Химмельрайх // Правоприменение. – 2019. – Т. 3, № 2. – С. 59–76. – DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).59-76.
5. Звиер П. Групповые иски в правовой истории США и России: в поисках оптимальной модели / П. Звиер, В. В. Ярков // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 1. – С. 143–197. – DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-1-143-197.
6. Туманов Д. А. О групповых исках в концепции единого гражданского процессуального кодекса РФ / Д. А. Туманов // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 4. – С. 63–83.
7. Брановицкий К. Л. Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках Европейского союза и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект) / К. Л. Брановицкий. – М. : Статут, 2018. – 399 с.
8. Nagy C. I. Collective Actions in Europe A Comparative, Economic and Transsystemic Analysis / C. I. Nagy. – Szeged, 2019. – IX, 122 p. – DOI: 10.1007/978-3-030-24222-0.
9. Bavli H. J. Aggregating for accuracy: a closer look at sampling and accuracy in class action litigation / H. J. Bavli // Law, Probability and Risk. – 2015. – Vol. 14, iss. 1. – P. 67–90. – DOI: 10.1093/lpr/mgu016.
10. Körtvélyesi Z. Transcending the individual/collective minority rights divide: a procedural solution / Z. Körtvélyesi // International and Comparative Law Quarterly. – 2022. – Vol. 71, iss. 1. – P. 73–106. – DOI: 10.1017/S0020589321000464.
11. Molavi M. Access to Justice and the Limits of Environmental Class Actions in Ontario / M. Molavi // Canadian Journal of Law and Society / La Revue Canadienne Droit Et Société. – 2020. – Vol. 35, iss. 3. – P. 391–412. – DOI: 10.1017/clj.2020.9.
12. Гончарова О. С. Соучастие в гражданском процессе России и США : моногр. / О. С. Гончарова. – М. : Проспект, 2014. – 208 с.
13. Аболонин Г. О. Массовые иски / Г. О. Аболонин. – М. : Волтерс Клувер, 2011. – 416 с.
14. Шварц М. З. Об императивном и диспозитивном в регулировании процессуальных форм защиты групповых интересов / М. З. Шварц // Закон. – 2021. – № 2. – С. 29–35.
15. Сутормин Н. А. Групповые иски в Австралии / Н. А. Сутормин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 95–109. – DOI: 10.12737/jfcl.2021.044.
16. Wolf T. B. Discretion in class certification / T. B. Wolf // University of Pennsylvania Law Review. – 2014. – Vol. 162. – P. 1897–1952.
17. Истомин В. Г. Групповые иски по делам о защите конкуренции в США и Великобритании и перспективы их развития в России / В. Г. Истомин // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 9 (142). – С. 174–186. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.174-186.
18. Эндрюс Н. Правовая система без эффективных групповых исков ущербна / Н. Эндрюс // Закон. – 2021. – № 2. – С. 8–15.
19. Долганичев В. В. Групповой иск: сравнительный анализ нормативных конструкций АПК, ГПК и КАС РФ / В. В. Долганичев // Закон. – 2021. – № 2. – С. 36–45.
20. Курочкин С. А. Эффективность гражданского судопроизводства / С. А. Курочкин. – М. : Статут, 2020. – 358 с.
21. Курочкин С. А. Критерии и показатели эффективности гражданского судопроизводства / С. А. Курочкин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 129–154. – DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.129.154.
22. Ярков В. Групповые иски в цивилистическом процессе России / В. Ярков, Е. Кудрявцева, Д. Малешин, Д. Туманов, А. Смола, Д. Володарский, Н. Сутормин, И. Кондрашов, В. Бирюков, Р. Бевзенко, В. Авилкин, И. Фаст, А. Молчанов // Закон. – 2019. – № 8. – С. 24–43.
23. Долганичев В. В. Информационные технологии при рассмотрении групповых исков / В. В. Долганичев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 8. – С. 59–61. – DOI: 10.18572/1812-383X-2022-8-59-61.

24. Aiken A.W. Class action notice in the digital age / A. W. Aiken // *University of Pennsylvania Law Review*. – 2017. – Vol. 165. – P. 967–1018.
25. Курочкин С. А. Эффективность доказывания в гражданском процессе: общетеоретические и методологические аспекты / С. А. Курочкин // *Вестник гражданского процесса*. – 2021. – Т. 11, № 5. – С. 349–385. – DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-5-349-385.
26. Мусалов М. А. Унификация коллективного производства / М. А. Мусалов // *Право и государство: теория и практика*. – 2021. – № 6 (198). – С. 294–296. – DOI: 10.47643/1815-1337_2021_6_294.
27. Малешин Д. Я. Новеллы групповых исков / Д. Я. Малешин // *Журнал российского права*. – 2020. – № 5. – С. 94–103. – DOI: 10.12737/jrl.2020.058.
28. Ярков В. В. Групповые иски в гражданском процессе: вопросы правоприменения / В. В. Ярков // *Вестник гражданского процесса*. – 2021. – Т. 11, № 5. – С. 86–106. – DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-5-86-106.
29. Домшенко В. Г. Компетенция и подсудность групповых исков в арбитражном и гражданском процессе: дискуссионные вопросы / В. Г. Домшенко // *Вестник гражданского процесса*. – 2022. – Т. 12, № 5. – С. 228–245. – DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-5-228-245.
30. Dodson S. An Opt-In Option for Class Actions / S. Dodson // *Michigan Law Review*. – 2016. – Vol. 115, iss. 2. – P. 170–214.

REFERENCES

1. Reshetnikova I.V. *Reflecting on Judicial Proceedings*, Selected Works. Moscow, Statut Publ., 2019. 510 p. (In Russ.).
2. Sutormin N.A. Advantages and disadvantages of a class action. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2020, no. 7, pp. 119–123. DOI: 10.31857/S102694520010712-4. (In Russ.).
3. Sutormin N.A. Class litigation in Finland. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Herald of Civil Procedure*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 217–234. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-4-217-234. (In Russ.).
4. Himmelreich A. Collective legal protection – class actions and the right of associations to sue in German civil proceedings. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 59–76. DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).59-76. (In Russ.).
5. Zwier P., Yarkov V.V. Class action in the legal history of the USA and Russia: searching of an optimal model. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Herald of civil procedure*, 2020, no. 1, pp. 143–197. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-1-143-197. (In Russ.).
6. Tumanov D.A. About class actions in the concept of the Unified civil procedure code of the Russian Federation. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Herald of civil procedure*, 2015, no. 4, pp. 63–83. (In Russ.).
7. Branovitsky K.L. *Convergence (harmonization) of civil procedural law within the European Union and in the post-Soviet space (comparative legal aspect)*. Moscow, Statut Publ., 2018. 399 p. (In Russ.).
8. Nagy C.I. *Collective Actions in Europe A Comparative, Economic and Transsystemic Analysis*. Szeged, 2019. IX + 122 p. DOI: 10.1007/978-3-030-24222-0.
9. Bavli H.J. Aggregating for accuracy: a closer look at sampling and accuracy in class action litigation. *Law, Probability and Risk*, 2015, vol. 14, iss. 1, pp. 67–90. DOI: 10.1093/lpr/mgu016.
10. Körtvélyesi Z. Transcending the individual/collective minority rights divide: a procedural solution. *International and Comparative Law Quarterly*, 2022, vol. 71, iss. 1, pp. 73–106. DOI: 10.1017/S0020589321000464.
11. Molavi M. Access to Justice and the Limits of Environmental Class Actions in Ontario. *Canadian Journal of Law and Society / Revue Canadienne Droit Et Société*, 2020, vol. 35, iss. 3, pp. 391–412. DOI: 10.1017/cls.2020.9.
12. Goncharova O.S. *Complicity in the civil process of Russia and the USA*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 208 p. (In Russ.).
13. Abolonin G.O. *Mass claims*. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2011. 416 p. (In Russ.).
14. Shvarts M.Z. Regulation of procedural forms of protection of group interests: imperative and dispositive aspects. *Zakon*, 2021, no. 2, pp. 29–35. (In Russ.).
15. Sutormin N.A. Class Action Lawsuit in Australia. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2021, vol. 17, no. 4, pp. 95–109. DOI: 10.12737/jflcl.2021.044. (In Russ.).

16. Wolf T.B. Discretion in class certification. *University of Pennsylvania Law Review*, 2014, vol. 162, pp. 1897–1952.
17. Istomin V.G. Class Action Lawsuits in Competition Cases in the US and UK and Prospects for their Development in Russia. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 9, pp. 174–186. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.174-186. (In Russ.).
18. Andrews N. A legal system without effective class actions is flawed. *Zakon*, 2021, no. 2, pp. 8–15. (In Russ.).
19. Dolganichev V.V. Class action: comparative analysis of the regulatory models of the Arbitrazhprocedure Code, Civil Procedure Code and Administrative Procedure Code. *Zakon*, 2021, no. 2, pp. 36–45. (In Russ.).
20. Kurochkin S.A. *Efficiency of civil proceedings*. Moscow, Statut Publ., 2020. 358 p. (In Russ.).
21. Kurochkin S.A. Civil Litigation Efficiency: Criteria and Indicators. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, no. 4, pp. 129–154. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.129.154. (In Russ.).
22. Yarkov V., Kudryavtseva E., Maleshin D., Tumanov D., Smola A., Volodarsky D., Sutormin N., Kondrashov I., Biryukov V., Bevzenko R., Avilkin V., Fast I., Molchanov A. Class actions in civil procedure in Russia. *Zakon*, 2019, no. 8, pp. 24–43. (In Russ.).
23. Dolganichev V.V. Information technology in review of class actions. *Arbitrazhnyi i grazhdanskiy protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2022, no. 8, pp. 59–61. DOI: 10.18572/1812-383X-2022-8-59-61. (In Russ.).
24. Aiken A.W. Class action notice in the digital age. *University of Pennsylvania Law Review*, 2017, vol. 165, pp. 967–1018.
25. Kurochkin S.A. The efficiency of proof in civil procedure: theoretical and methodological aspects. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 349–385. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-5-349-385. (In Russ.).
26. Musalov M.A. Unification of collective production. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2021, no. 6 (198), pp. 294–296. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_6_294. (In Russ.).
27. Maleshin D.Ya. Class Action Novels. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 5, pp. 94–103. DOI: 10.12737/jrl.2020.058. (In Russ.).
28. Yarkov V.V. Class Actions in Civil Procedure: Enforcement Issues. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 86–106. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-5-86-106. (In Russ.).
29. Domshenko V.G. Competence and Jurisdiction of Class Actions in Arbitration and Civil Procedure: Discussion Issues. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2022, vol. 12, no. 5, pp. 228–245. DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-5-228-245. (In Russ.).
30. Dodson S. An Opt-In Option for Class Actions. *Michigan Law Review*, 2016, vol. 115, iss. 2, pp. 170–214.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трезубов Егор Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса
Кемеровский государственный университет
650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
E-mail: egortrezubov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2607-0405
ResearcherID: N-9078-2017
SPIN-код РИНЦ: 3027-3186

Звягина Наталья Сергеевна – старший преподаватель кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса
Кемеровский государственный университет
650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
E-mail: natalia.sheglova@list.ru
SPIN-код РИНЦ: 4707-1477

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Egor S. Trezubov – PhD in Law, Associate Professor, Department of Labor and Environmental Law and Civil Procedure
Kemerovo State University
6, Krasnaya ul., Kemerovo, 650000, Russia
E-mail: egortrezubov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2607-0405
ResearcherID: N-9078-2017
SPIN-code RSCI: 3027-3186

Natalya S. Zvyagina – Senior Lecturer, Department of Labor and Environmental Law and Civil Procedure
Kemerovo State University
6, Krasnaya ul., Kemerovo, 650000, Russia
E-mail: natalia.sheglova@list.ru
SPIN-code RSCI: 4707-1477

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Трезубов Е.С. Проблемы достижения правовой эффективности при рассмотрении групповых исков / Е.С. Трезубов, Н.С. Звягина // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 113–123. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).113-123.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Trezubov E.S., Zvyagina N.S. Problems of achieving legal efficiency in the consideration of class actions. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 113–123. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).113-123. (In Russ.).

ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКОВ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ РЕШЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ В ПОРЯДКЕ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Н.Г. Галковская

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

28 марта 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Ключевые слова

Упрощенное производство,
арбитражный процесс,
гражданский процесс, судебное
решение, срок подачи
апелляционной жалобы

Анализируются особенности апелляционного обжалования судебных решений по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства. Критически оцениваются положения процессуального законодательства, определяющего порядок исчисления сроков апелляционного обжалования решений, вынесенных в порядке упрощенного производства. Акцентируется внимание на имеющихся на практике проблемах; отмечаются недостатки законодательных положений, отсутствие унифицированного подхода к решению одинаковых вопросов в нормах Арбитражного процессуального и Гражданского процессуального кодексов РФ. Предлагаются рекомендации по возможному совершенствованию процессуальных норм об упрощенном производстве.

PROBLEMS OF CALCULATION OF THE TERMS OF APPEALS OF DECISIONS MADE IN THE ORDER OF SUMMARY PROCEEDINGS

Natalya G. Galkovskaya

Tomsk State University, Tomsk, Russia

Article info

Received –

2022 March 28

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

Keywords

Summary proceedings, arbitration proceedings, civil proceedings, a court decision, period for filing an appeal

The subject of the research is the features of the appeal of court decisions in cases considered in summary proceedings.

The methodology. Analysis and synthesis, dialectical method as well as formal legal interpretation of Russian legislative acts.

The main results. The author critically assesses the provisions of the procedural legislation, focuses on the problems that exist in practice. (1) There is a different procedure for notifying a decision adopted as a result of summary proceedings, according to the norms of the Civil Procedure Code and of the Arbitration Procedure Code. (2) It is concluded that the dependence of the beginning of the period for filing an application for drawing up a reasoned decision on the day of placement of the operative part of the decision or on the day of its adoption significantly complicates the timely implementation of such a right. A different construction will be justified and practically convenient: fixing in the law a single moment of the beginning of the period for an appeal against a decision - from the moment a copy of the operative part is delivered (irrespective of the application for drawing up a reasoned decision). (3) If the deadline for filing an application for the preparation of a reasoned decision is missed, the issue of its restoration should be resolved only if the deadline for filing an appeal has not been missed. If the deadline for filing an appeal is missed, then a reasoned decision on the case should be made only if the specified deadline is restored.

Recommendations are offered on the possible improvement of procedural rules on summary proceedings. In particular, the issue of increasing the period for applying for a reasoned decision was raised. It is proposed that the start time for filing an application for the preparation of a reasoned decision be determined from the day a copy of the decision is handed over to the persons participating in the case, or the decision is posted on the court's website.

Conclusions. The identified problems call into question the merits of the summary procedure, show in practice its difficult and complicated order. The existing model of summary proceedings needs to be significantly detailed in order to increase the guarantees of judicial protection.

1. Введение

Об активном применении упрощенного производства на практике красноречиво свидетельствуют высокие статистические показатели. За 2020 г. арбитражными судами было рассмотрено 1 509 290 дел, из которых почти треть – 557 926 – в порядке гл. 29 Арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК) РФ¹, а за первое полугодие 2021 г. из 797 786 дел – 270 626. Судами общей юрисдикции за 2020 г. рассмотрено 20 773 356 дел, из которых 190 178 – по правилам гл. 21.1 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) РФ, а за первое полугодие 2021 г. из 13 573 332 дел – 102 235².

Положения, регламентирующие упрощенный порядок рассмотрения дел, нашедшие закрепление в АПК и ГПК РФ, преимущественно тождественны. Справедливо отмечается, что в правилах нормативного регулирования упрощенных процедур прослеживается тенденция к их унификации [1–4], к взаимопроникновению норм гражданского и арбитражного процессуального законодательства [5]. Общим является «минимализм организационно-правовых и процессуально-правовых средств» [6]. Однако, несмотря на положительные эффекты от известных достоинств упрощенной формы судебного производства за счет освобождения суда от определенных обязанностей [7], повышаются процессуальные риски сторон [8; 9]. Очевидно, что упрощенный порядок рассмотрения дела предполагает меньший уровень процессуальных гарантий права на судебную защиту. Особая форма процесса, называемая упрощенным производством, не должна превратиться в «сугубо формалистскую» [10]. По меткому замечанию Л.А. Тереховой, там, где используется упрощенная процедура рассмотрения дел, «страховкой» от неправильных выводов по существу дела должна выступать процедура его проверки [11]. Право на обжалование решений, выносимых в порядке упрощенного производства, напрямую связано с реализацией права на судебную защиту и яв-

ляется его неотъемлемым элементом. Поэтому вопросы апелляционной проверки таких решений имеют важное практическое значение.

По мнению В.М. Шерстюка, производство в суде первой инстанции и производство по пересмотру судебных актов, включая апелляционное, выступают целостными подсистемами гражданского процессуального права и являются категориями одной сущности [12]. Отчего упрощение процесса в суде первой инстанции естественным образом влечет упрощение порядка рассмотрения апелляционной жалобы в суде второй инстанции. Е.С. Смагина критикует «всеинстанционный характер» установления упрощенных процедур в гражданском процессе [13]. С.И. Князькин также полагает, что упрощенный порядок рассмотрения дел в суде первой инстанции не должен автоматически влечь упрощенного порядка проверки судебных актов [14]. Абсолютно не вызывает никаких сомнений тот факт, что упрощение и ускорение должны облегчать доступ к правосудию, а не наоборот³. Поэтому целью настоящего исследования является попытка разобраться, насколько упрощенное производство и, в частности, апелляционный порядок обжалования упрощенных решений облегчают доступ к правосудию. С этой целью критически будут оценены положения процессуального законодательства, определяющего порядок исчисления сроков апелляционного обжалования решений, вынесенных в порядке упрощенного производства.

2. Извещение лиц, участвующих в деле, о принятом по итогам упрощенного производства решении

С момента вступления в силу федеральных законов от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ и 47-ФЗ на законодательном уровне введен единообразный подход к установлению возможности вынесения немотивированного решения по итогам рассмотрения дела в порядке упрощенного производства по нормам АПК и ГПК РФ. Решения по таким делам принимаются не-

¹ Здесь и далее нормативные акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

² Официальные статистические данные взяты с сайта Судебного департамента при Верховном Суде РФ (<http://cdep.ru/>), дата обращения: 15 марта 2022 г.

³ Эту точку зрения также разделяет Т.В. Сахнова, см.: [15].

медленно после разбирательства дела путем подписания судьей только резолютивной части. Однако в нормах АПК и ГПК РФ установлены разные правила по извещению лиц, участвующих в деле, о принятом по итогам упрощенного производства решении. Так, согласно ч. 1 ст. 229 АПК РФ принятая по результатам рассмотрения дела резолютивная часть решения *размещается* в установленном порядке в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не позднее следующего дня после дня ее принятия. В свою очередь, в силу ч. 1 ст. 232.4 ГПК РФ решение *высылается* лицам, участвующим в деле, не позднее следующего дня после дня его принятия, *а также размещается* в установленном порядке в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Л.В. Осипова считает, что установление разных правовых режимов в отношении информирования лиц, участвующих в деле, о принятом решении нельзя признать оправданным [16]. Разделяя данное мнение, считаем целесообразным предложить унифицировать положения процессуальных кодексов, указав в нормах АПК РФ на обязанность суда направлять лицам, участвующим в деле, копию резолютивной части решения суда. Сейчас же арбитражный суд направляет копию только мотивированного решения, составленного по заявлению лица, участвующего в деле (ч. 2 ст. 229 АПК РФ).

По смыслу ч. 4 ст. 229 АПК РФ, ч. 8 ст. 232.4 ГПК РФ в суд апелляционной инстанции может быть обжаловано как усеченное решение, принятое путем подписания только резолютивной части, так и «классическое» мотивированное решение. Между тем право на апелляционное обжалование не поставлено процессуальным законодательством в зависимость от наличия мотивированного решения суда первой инстанции по результатам рассмотрения дела в порядке упрощенного производства⁴. Так же как и подача заявления о составлении мотивированного решения не обязывает лицо, участвующее в деле, к обжалованию вынесенного судебного акта. Порядок обращения в суд с апелляционной жалобой предусматривает необходимость приложения к апелляционной жалобе копии оспариваемого решения (п. 1 ч. 4 ст. 260 АПК РФ). Однако, копия решения, принятого арбитражным судом путем подписания резолютивной части, лицам, участвующим в деле, не направляется. Суд редко «закрывает глаза» на данный факт и на основании ст. 263 АПК РФ оставляет

апелляционную жалобу без движения, а затем на основании п. 5 ч. 1 ст. 264 АПК РФ выносит определение о ее возвращении. Такой подход навряд ли согласуется с задачами арбитражного судопроизводства (ст. 2 АПК РФ).

3. Определение даты принятия решения в порядке упрощенного производства

Следует по-разному определять дату принятия решения в зависимости от того, составлялось оно в полном объеме или нет. Это следует из ч. 4 ст. 229 АПК РФ, согласно которой «решение арбитражного суда первой инстанции по результатам рассмотрения дела в порядке упрощенного производства может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции в срок, не превышающий 15 дней со дня его принятия, а в случае составления мотивированного решения арбитражного суда – со дня принятия решения в полном объеме». По правилу, закрепленному в ч. 2 ст. 176 АПК РФ, датой принятия решения считается дата изготовления решения в полном объеме. Причем речь идет об изготовлении, а не о принятии решения в полном объеме. Ведь в полном объеме решение, принимаемое в порядке упрощенного производства, составляется лишь при наличии заявления лица, участвующего в деле. Если обратиться к разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 10), то там указывается, что «дата вынесения и подписания судом резолютивной части решения считается датой принятия решения» (п. 35). Такое разъяснение не определяет, какой день является днем принятия решения в случае составления его мотивировочной части.

Между тем из ч. 8 ст. 232.4 ГПК РФ следует, что законодатель разделяет день принятия для случаев, когда решение принимается только в форме резолютивной части или в полном объеме. Указывается, что «решение по результатам рассмотрения дела в порядке упрощенного производства может быть обжаловано в суд апелляционной инстанции в течение 15 дней со дня его принятия, а в случае составления мотивированного решения суда по заявлению лиц, участвующих в деле, их представителей – со дня при-

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 9 октября 2017 г. № 305-ЭС17-8639.

нения решения в окончательной форме». Формулировка положений ГПК РФ для определения даты принятия решения видится более удачной. Именно такой подход дает возможность конкретно определить момент, с которого исчисляется срок на подачу апелляционной жалобы. Этот подход воспринят в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» в отношении судебных решений, выносимых арбитражными судами. Срок на подачу апелляционной жалобы исчисляется с *даты изготовления* судом первой инстанции судебного акта в полном объеме или с *даты подписания* судьей резолютивной части решения по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства (п. 12).

Следовательно, положения ч. 4 ст. 229 АПК РФ нуждаются в унификации с аналогичными положениями ч. 8 ст. 232.4 ГПК РФ.

4. Определение момента начала течения срока для подачи заявления об изготовлении мотивированного решения

В соответствии с ч. 2 ст. 229 АПК РФ заявление может быть подано *в течение 5 дней со дня размещения решения*, принятого в порядке упрощенного производства, в установленном порядке в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В свою очередь, ч. 3 ст. 232.4 ГПК РФ устанавливает, что подобное заявление может быть подано *в течение 5 дней со дня подписания резолютивной части решения суда по делу*, рассмотренному в порядке упрощенного производства.

Зависимость начала течения срока на подачу заявления о составлении мотивированного решения от дня размещения резолютивной части решения либо от дня ее принятия, *существенно затрудняет своевременную реализацию такого права*. Упрощенный порядок рассмотрения дела подразумевает принятие решения в форме резолютивной части вне судебного заседания (ч. 5 ст. 228 АПК РФ, ч. 5 ст. 232.3 ГПК РФ). Заинтересованные лица узнают о принятом решении, когда получают реальную возможность ознакомления с ним, т. е. после фактического размещения резолютивной части решения на сайте суда в сети «Интернет» либо при получении ее по почте. Именно с этим событием должно быть связано начало исчисления срока на подачу заявления

об изготовлении решения в полном объеме. Существующий подход к определению начала исчисления срока создает заинтересованным лицам препятствия для апелляционного обжалования решения. Это связано с тем, что 5-дневный срок явно недостаточен для реализации права, для которого он предусмотрен. По замечанию Ю.А. Тимофеева, «искусственно создается ситуация, когда лица, участвующие в деле, вынуждаются подавать заявление о составлении мотивированного решения еще до ознакомления с резолютивной частью решения либо в пятнадцатидневный срок подавать немотивированную (краткую) апелляционную жалобу, что полностью нивелирует эффект ускорения производства, который закладывался законодателем в рассматриваемую процессуальную конструкцию» [17, с. 24].

Для решения указанной проблемы, как минимум, необходимо увеличить срок обращения за составлением мотивированного решения, чтобы избежать случаев его пропуска. В то же время для того, чтобы изменить сложившуюся практику, целесообразно подойти к решению проблемы за счет определения иного момента начала течения срока для подачи заявления об изготовлении мотивированного решения, определив его моментом вручения копии решения лицам, участвующим в деле, либо моментом размещения решения на сайте суда. Интересно заметить, что Арбитражный суд Уральского округа еще в 2016 г. в своих рекомендациях именно на такое начало течения срока уже указывал⁵. На основании п. 9.5 Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций), утвержденной Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 100, «срок, установленный абз. 2 ч. 2 ст. 229 АПК РФ для подачи заявления о составлении мотивированного решения арбитражного суда, в силу ч. 4 ст. 113 АПК РФ начинается течь на следующий день после календарной даты размещения текста судебного акта в информационном ресурсе «Картотека арбитражных дел»».

5. Составление мотивированного решения

Указанная проблема усугубляется тем, что возможности заранее подать заявление о вынесении мотивированного решения, например, включив его в исковое заявление или в отзыв, не предусматривается [18]. Более того, в п. 41 Постановления Пленума ВС РФ № 10 на этот вопрос дан отрицательный ответ:

⁵ Пункт 5 Рекомендаций рабочей группы по обсуждению вопросов, возникающих в практике применения АПК РФ

Арбитражного суда Уральского округа от 11 июля 2016 г. № 3/2016 (<http://fasuo.arbitr.ru/node/15031>).

«заявление о составлении мотивированного решения, поданное до вынесения судом резолютивной части решения (например, содержащееся в тексте искового заявления, отзыва на исковое заявление), не влечет обязанности суда составить мотивированное решение (ч. 3 ст. 232.4 ГПК РФ, ч. 2 ст. 229 АПК РФ)». Из чего следует, что даже при наличии такого заявления судья вынесет решение путем составления только его резолютивной части. Некоторые авторы резонно задаются вопросом: должно ли в таком случае лицо, участвующее в деле, дублировать свое заявление о составлении мотивированного решения? [19]. Скорее да, поскольку по смыслу ч. 2 ст. 229 АПК РФ, ч. 3 ст. 232.4 ГПК РФ заявление может быть подано только после вынесения судом резолютивной части. Если заинтересованное лицо хочет получить мотивированное решение, ему нужно обратиться в суд с отдельным заявлением. Наличие мотивированного решения обеспечит возможность составить полный текст апелляционной жалобы и «поспорить с мотивами суда» [20]. Между тем закон не устанавливает запрета на подачу апелляционной жалобы только на резолютивную часть решения. Такая ситуация возможна в случае пропуска срока на подачу заявления об изготовлении мотивированного решения без уважительных причин, но до истечения срока на апелляционное обжалование. В этом случае арбитражный суд и суд общей юрисдикции обязаны будут составить решение в полном объеме (ч. 2 ст. 229 АПК РФ, ч. 2 ст. 232.4 ГПК РФ).

6. Восстановление срока на подачу заявления об изготовлении мотивированного решения

В п. 40 Постановления Пленума ВС РФ № 10 указано, что пропущенный по уважительной причине срок на обращение с заявлением о составлении мотивированного решения может быть восстановлен судом по ходатайству лица, участвующего в деле, в порядке, предусмотренном ст. 112 ГПК РФ, ст. 117 АПК РФ. В случае подачи ходатайства о составлении мотивированного решения с пропуском установленного срока и ходатайством о его восстановлении суд оценивает причины пропуска срока и либо удовлетворяет ходатайство о восстановлении срока и составляет мотивированное решение, либо отказывает в восстановлении процессуального срока и возвращает заявление.

Интересен тот факт, что до принятия Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ в нормах АПК РФ предусматривалась обязанность арбитражного суда составить мотивированное решение только по заявлению лица, участвующего в деле. При отсут-

ствии же соответствующего заявления обжалованию подлежало решение, принятое путем подписания резолютивной части. До момента принятия Постановления Пленума ВС РФ № 10 вопрос о возможности восстановления предусмотренного ч. 2 ст. 229 АПК РФ срока оставался открытым. В ряде случаев суды указывали, что 5-дневный срок на подачу заявления о составлении мотивированного решения является пресекательным и восстановлению не подлежит, поскольку его восстановление и составление мотивированного решения по истечении указанного срока автоматически будет означать продление срока на вступление решения в законную силу, что приведет к нарушению процессуальных прав лиц, участвующих в деле [21; 22]. Аналогичное мнение поддерживалось в юридической литературе [23]. Позднее, с учетом положений п. 39 Постановления Пленума ВС РФ № 10, в практике имели место случаи, когда при поступлении заявлений о составлении мотивированного решения с пропуском установленного срока и в отсутствие ходатайства о его восстановлении суды изготавливали мотивированное решение по своей инициативе. В настоящее время по данному вопросу достигнуто единообразие, и ч. 2 ст. 229 АПК РФ вслед за ч. 2 ст. 232.4 ГПК РФ предусматривает обязанность арбитражного суда изготовить мотивированное решение в случае подачи апелляционной жалобы.

В условиях краткого срока на подачу заявления об изготовлении мотивированного решения возникает масса ненужных судебных производств по рассмотрению жалоб на отказ в восстановлении пропущенного срока на подачу такого заявления. Если у стороны, независимо от подачи заявления о составлении полного текста решения, сохраняется право на подачу апелляционной жалобы в установленный законом срок, то становится непонятно, зачем создавать искусственную нагрузку судов, связанную с препирательствами по поводу того, пропущен срок на подачу заявления по уважительным или по неуважительным причинам, и последующим обжалованием определений об отказе в восстановлении срока, уменьшить которую как раз и призвано упрощенное производство? [18]. Поэтому целесообразно дополнить уже имеющиеся разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, что в случае пропуска срока на подачу заявления об изготовлении мотивированного решения вопрос о его восстановлении разрешается только в том случае, если не пропущен срок на подачу апелляционной жалобы. Если такой срок пропущен, то мотивированное решение по делу изготавливается только в случае его восстановления.

7. Дата принятия решения в порядке упрощенного производства

В настоящий момент в законодательстве не установлена обязанность суда определять конкретную дату рассмотрения заявления. Учитывая сокращенные сроки на подачу заявления о составлении мотивированного решения, а также обжалование судебного решения, участники спора вынуждены в период с даты истечения сроков, установленных судом для представления доказательств и иных документов, до даты истечения двухмесячного срока на рассмотрение дела ежедневно мониторить официальный сайт суда для получения информации о вынесении судом решения по делу и размещении его на официальном сайте [24]. Д.А. Федяев отмечает, что на практике это приводит к тому, что стороны находятся в неопределенности относительно того, когда будет изготовлено решение [25]. Единственным ограничением выступает общий двухмесячный срок рассмотрения дела, указанный в ч. 2 ст. 226 АПК РФ. В нормах ГПК РФ аналогичная норма вообще отсутствует. Согласно п. 35 Постановления Пленума ВС РФ № 10, решение по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается судом до истечения двухмесячного срока рассмотрения дела. Указанный срок одновременно является и сроком принятия решения (п. 21, 35), а значит, решение по делу, рассмотренному в упрощенном производстве, должно быть принято до его истечения.

Обоснованным представляется предложение Е.Б. Макеевой, а также Д.Д. Куреновой по установлению обязанности суда указывать в определении о принятии заявления к производству конкретную дату рассмотрения судом заявленных требований [24; 26]. Такая дата будет служить ориентиром для сторон и облегчать исполнение обязанности по соблюдению срока на подачу заявления о составлении решения в полном объеме.

8. Срок для подачи апелляционной жалобы на решение, вынесенное в порядке упрощенного производства

Указанный срок является сокращенным и составляет 15 дней (ч. 4 ст. 229 АПК РФ, ч. 8 ст. 232.4 ГПК РФ). Начало течения срока на подачу апелляционной жалобы, по верному замечанию И.В. Решетниковой, «носит плавающий характер» [27]. Н.А. Батурина отмечает, что это связано с тем, что при определении даты начала течения 15-дневного срока необходимо учитывать, обращались ли лица, участвующие в деле, или их представители с заявлением о составлении мотивированного решения [28]. Зна-

чит, можно сформулировать два возможных варианта определения начала течения срока на апелляционное обжалование: 1) в случае изготовления мотивированного судебного решения, 15-дневный срок на обращение в суд с апелляционной жалобой начинает течь со дня принятия решения в окончательной форме (ч. 4 ст. 229 АПК РФ, ч. 8 ст. 232.4 ГПК РФ); 2) если такого заявления не поступало, то срок на обжалование судебного акта начинает исчисляться со дня принятия решения.

Традиционный подход к упрощенному производству как к ускоренной процедуре рассмотрения дел [29, с. 133; 30] практика с легкостью ставит под сомнение при анализе порядка исчисления 15-дневного срока на апелляционное обжалование. Дело в том, что с заявлением о составлении мотивированного решения можно обратиться в течение 5 дней либо со дня подписания его резолютивной части (по нормам ГПК РФ), либо со дня размещения решения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (по нормам АПК РФ). Сам срок на изготовление мотивировочной части решения в арбитражных судах составляет 5 дней, а в судах общей юрисдикции с момента вступления в силу Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451 увеличен с 5 до 10 дней. Кроме этого, в ч. 3 ст. 113 АПК РФ и в ч. 3 ст. 107 ГПК РФ закреплено положение о том, что в процессуальные сроки, исчисляемые днями, не включаются нерабочие дни. Путем несложных математических действий, за счет сложения указанных выше сроков, становится понятным, что с момента составления резолютивной части решения, вынесенного в порядке упрощенного производства, до момента вступления решения в законную силу может пройти больше месяца. Ситуация может усугубиться еще больше, если в случае пропуска срока на подачу заявления о составлении мотивированного решения суда заинтересованное лицо воспользуется правом на его восстановление. Не стоит исключать того, что стороны могут намеренно отсрочить момент начала течения срока на подачу апелляционной жалобы посредством обращения в суд с заявлением о составлении мотивированного решения, что неизбежно приведет к затягиванию рассмотрения апелляционной жалобы.

Решить проблему представляется возможным через отказ от определения момента начала течения срока на подачу апелляционной жалобы в зависимости от того, обращались ли лица, участвующие в деле, с заявлением об изготовлении мотивированного решения или нет. Практически удобной будет иная кон-

струкция: через закрепление в законе единого момента начала течения срока на апелляционное обжалование решения с момента вручения копии резолютивной части, независимо от обращения с заявлением о составлении мотивированного решения.

В противном случае возможность обжалования только резолютивной части решения фактически опровергает значение 5-дневного срока на подачу заявления о составлении мотивированного решения. При этом от заявителя не требуется дачи объяснений о причинах необращения с таким заявлением. Положения ч. 2 ст. 229 АПК РФ, ч. 2 ст. 232.4 ГПК РФ указывают на то, что предметом апелляционного судопроизводства может быть только мотивированное решение суда. Даже если лицо, участвующее в деле, не обращалось с заявлением о составлении полного текста решения и сразу подало апелляционную жалобу, суд в любом случае должен мотивировать свои выводы.

9. Заключение

В ходе анализа порядка исчисления сроков апелляционного обжалования решений, вынесенных в порядке упрощенного производства по нормам АПК и ГПК РФ, выявлен ряд проблем, которые подвергают сомнению его ясность, доступность, наличие единых начал для гражданского и арбитражного процессуального законодательства. Ряд выявленных проблем подрывает достоинства упрощенной процедуры, показывает на практике довольно непростой и усложненный его характер. В то же время массовое использование упрощенного производства неизбежно предполагает его эффективное правовое регулирование с целью достижения тех целей, которые были поставлены законодателем при введении последнего во все процессуальные кодексы. Текущая модель упрощенного производства далека от совершенства и нуждается в существенной детализации с целью создания прочных основ для правоприменения и повышения гарантий судебной защиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громошина Н. А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. А. Громошина. – М., 2010. – 50 с.
2. Старицын А. Ю. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе / А. Ю. Старицын // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 11. – С. 29–32. – DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-29-32.
3. Царегородцева Е. А. Реформирование упрощенного производства: цели и результаты / Е. А. Царегородцева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 11. – С. 29–31. – DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-29-31.
4. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / под ред. В. В. Яркова. – М. : Статут, 2021. – 460 с.
5. Кухарева О. А. Упрощенные формы рассмотрения и разрешения дел в рамках унификации цивилистического судебного процесса / О. А. Кухарева, А. Н. Юсупова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 5. – С. 27–31. – DOI: 10.18572/1812-383X-2020-5-27-31.
6. Долотин Р. Р. Исследование процессуальной формы упрощенного судопроизводства в контексте проблемы реализации принципа процессуальной экономии / Р. Р. Долотин // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 3. – С. 212–223. – DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-3-212-223.
7. Шерстюк В. М. Категории «действительность» и «возможность» в гражданском процессуальном праве / В. М. Шерстюк // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 6. – С. 10–32.
8. Шварц М. З. Систематизация арбитражного процессуального законодательства: проблемы теории и практики применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. З. Шварц. – СПб., 2004. – 26 с.
9. Папулова З. А. Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве / З. А. Папулова. – М. : Инфотропик Медиа, 2014. – 184 с.
10. Галковская Н. Г. Результаты реформы упрощенного производства в арбитражном процессе / Н. Г. Галковская // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 382. – С. 144–151. – DOI: 10.17223/15617793/382/24.
11. Терехова Л. А. Особенности обжалования судебных приказов и решений по делам упрощенного производства / Л. А. Терехова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 11. – С. 21–25.

12. Шерстюк В. М. Непосредственные связи производства в суде первой инстанции и производства по пересмотру судебных актов в гражданском процессе / В. М. Шерстюк // Современное право. – 2018. – № 2. – С. 55–60.
13. Смагина Е. С. Проблемы упрощенного производства в гражданском процессе / Е. С. Смагина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 9. – С. 57–63.
14. Князькин С. И. Проблемы проверки судебных актов, принятых в упрощенном порядке, в цивилистическом процессе / С. И. Князькин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 2. – С. 59–64.
15. Сахнова Т. В. «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе / Т. В. Сахнова // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 4. – С. 27–49. – DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-4-27-49.
16. Осипова Л. В. Рассмотрение дел арбитражными судами в порядке упрощенного производства в редакции Федеральных законов от 02.03.2016 № 45-ФЗ и № 47-ФЗ: некоторые проблемы правового регулирования / Л. В. Осипова // Вестник арбитражной практики. – 2016. – № 2. – С. 14–19.
17. Тимофеев Ю. А. Процессуальные средства оптимизации в упрощенном производстве / Ю. А. Тимофеев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 11. – С. 21–25.
18. Приходько И. Изменения в приказном и упрощенном производствах и их применение (комментарий к Постановлениям Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 и от 18.04.2017 № 10) / И. Приходько. – 2017. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. – 4-е изд., испр. и перераб. – М.: Статут, 2020. – 1071 с.
20. Масаладжиу Р. М. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессах: все ли сделано правильно? / Р. М. Масаладжиу // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 9. – С. 36–41.
21. Абакумова С. С. Институт восстановления процессуальных сроков в арбитражном процессе как гарантия прав лиц, участвующих в деле / С. С. Абакумова, Р. Э. Котлов // Арбитражные споры. – 2019. – № 4. – С. 91–102.
22. Димитриев М. А. Комментарий к Федеральному закону от 2 марта 2016 года № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», Федеральному закону от 2 марта 2016 года № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» / М. А. Димитриев. – 2016. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
23. Борисова Е. А. Апелляционное обжалование решения по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства / Е. А. Борисова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 3. – С. 76–86.
24. Макеева Е. Б. Плюсы и минусы упрощенного производства в арбитражном процессе. Взгляд практика / Е. Б. Макеева // Российский судья. – 2020. – № 12. – С. 20–24. – DOI: 10.18572/1812-3791-2020-12-20-24.
25. Федяев Д. А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: унификация или дифференциация правового регулирования / Д. А. Федяев // Пермский юридический альманах. – 2018. – № 1. – С. 391–399.
26. Куринова Д. Д. Актуальные проблемы упрощенного производства в гражданском процессе / Д. Д. Куринова // Юстиция. – 2018. – № 4. – С. 15–19.
27. Решетникова И. В. Новации в правовом регулировании упрощенного и приказного производства в арбитражном процессе / И. В. Решетникова // Закон. – 2016. – № 9. – С. 100–106.
28. Батурина Н. А. Особенности апелляционного производства по делам, рассмотренным в упрощенном порядке / Н. А. Батурина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 11. – С. 42–46.
29. Проблемы развития процессуального права России : моногр. / под ред. В. М. Жуйкова. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2016. – 223 с.
30. Сивак Н. В. Упрощенное производство в арбитражном процессе : моногр. / Н. В. Сивак. – М.: Проспект, 2011. – 136 с.

REFERENCES

1. Gromoshina N.A. *Differentiation and unification in civil proceedings*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2010. 50 p. (In Russ.).
2. Staritsyn A.Yu. Summary Proceedings in Civil and Arbitral Procedures. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2021, no. 11, pp. 29–32. DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-29-32. (In Russ.).
3. Tsaregorodtseva E.A. Reformation of Summary Proceedings: Aims and Results. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2020, no. 11, pp. 29–31. DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-29-31. (In Russ.).
4. Yarkova V.V. (ed.). *Current problems of civil and administrative proceedings*. Moscow, Statut Publ., 2021. 460 p. (In Russ.).
5. Kukhareva O.A., Yusupova A.N. Simplified Forms of the Review and Resolution of Cases Within the Framework of the Unification of a Civil Judicial Procedure. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2020, no. 5, pp. 27–31. DOI: 10.18572/1812-383X-2020-5-27-31. (In Russ.).
6. Dolotin R.R. Study of the Procedural Form of Simplified Proceedings in the Context of the Problem of Implementation of the Principle of Procedural Economy. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2021, no. 3, pp. 212–223. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-3-212-223. (In Russ.).
7. Sherstyuk V.M. Categories of reality and possibility in civil procedure. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2016, no. 6, pp. 10–32. (In Russ.).
8. Shvarts M.Z. *Systematization of Arbitration Procedural Legislation (Problems of Theory and Practice of Application)*, Cand. Diss. Thesis. St. Petersburg, 2004. 26 p. (In Russ.).
9. Papulova Z.A. *Accelerated Forms of Consideration of Cases in Civil Proceedings*. Moscow, Infotropic Media Publ., 2014. 184 p. (In Russ.).
10. Galkovskaya N.G. Results of the Reform of Simplified Proceedings in Arbitration Proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2014, no. 382, pp. 144–151. DOI: 10.17223/15617793/382/24. (In Russ.).
11. Terekhova L.A. Peculiarities of Appealing of Court Orders and Judgments in Summary Proceedings Cases. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2018, no. 11, pp. 21–25. (In Russ.).
12. Sherstiuk V.M. Direct Links between Proceedings in the Court of First Instance and Proceedings on the Revision of Judicial Acts in Civil Procedure. *Sovremennoe pravo*, 2018, no. 2, pp. 55–60. (In Russ.).
13. Smagina E.S. Problems of summary proceedings in civil proceedings. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2016, no. 9, pp. 57–63. (In Russ.).
14. Knyazkin S.I. Issues of Verification in a Civil Procedure of Judgments Made in Simplified Proceedings. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2018, no. 2, pp. 59–64. (In Russ.).
15. Sakhnova T.V. “Incomplete” Court Procedures in Modern Civil Procedure. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2021, no. 4, pp. 27–49. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-4-27-49. (In Russ.).
16. Osipova L.V. Summary proceedings in arbitration courts under Federal law dated 02.03.2016 No. 45-FZ and No. 47-FZ: some problems of legal regulation. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki*, 2016, no. 2, pp. 14–19. (In Russ.).
17. Timofeev Yu.A. Procedural Means of Optimization in Summary Proceedings. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2017, no. 11, pp. 21–25. (In Russ.).
18. Prikhod'ko I.A. *Changes in writ and simplified proceedings and their application (commentary to the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2016 No. 62 and of April 18, 2017 No. 10)*. 2017. Available at ConsultantPlus. (In Russ.).
19. Yarkov V.V. (ed.). *Commentary on the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation*, article-by-article, 4th ed. Moscow, Statut Publ., 2020. 1071 p. (In Russ.).
20. Masalagiu R.M. Simplified Procedure in Civil and Arbitrazh Procedures: Is Everything Done Correctly? *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2017, no. 9, pp. 36–41. (In Russ.).
21. Abakumova S.S., Kotlov R.E. The institution of restoration of procedural terms in the arbitration process as a guarantee of the rights of persons participating in the case. *Arbitrazhnye spory*, 2019, no. 4, pp. 91–102. (In Russ.).
22. Dimitriev M.A. *Comment to the Federal Law of March 2, 2016 No. 47-FZ “On Amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation”, Federal Law of March 2, 2016 No. 45-FZ “On Amendments to the Civil*

Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation". 2016. Available at ConsultantPlus. (In Russ.).

23. Borisova E. Appeal on a Judgment Delivered through Simplified Procedure. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2017, no. 3, pp. 76–86. (In Russ.).

24. Makeeva E.B. Advantages and Disadvantages of Summary Proceedings in an Arbitral Procedure. A Practitioner's View. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2020, no. 12, pp. 20–24. DOI: 10.18572/1812-3791-2020-12-20-24. (In Russ.).

25. Fedyaev D.A. Summary Procedure in Civil and Commercial Proceedings: Unification or Differentiation of Statutory Rules. *Permskii yuridicheskii al'manakh = Perm Legal Almanac*, 2018, no. 1, pp. 391–399. (In Russ.).

26. Kurenova D.D. Current problems of summary proceedings in civil procedure. *Yustitsiya = Justice*, 2018, no. 4, pp. 15–19. (In Russ.).

27. Reshetnikova I.V. Novelties in the legal regulation of summary and writ proceedings in arbitrazh procedure. *Zakon*, 2016, no. 9, pp. 100–106. (In Russ.).

28. Baturina N.A. Peculiarities of Appeal Proceedings in Cases Reviewed Summarily. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2019, no. 11, pp. 42–46. (In Russ.).

29. Zhuikov V.M. (ed.). *Problems of development of procedural law in Russia*, Monograph. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2016. 223 p. (In Russ.).

30. Sivak N.V. *Summary Proceedings in Arbitration Procedure*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 136 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галковская Наталья Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процесса
Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: ni13012003@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0377-1671
SPIN-код РИНЦ: 5466-6937; AuthorID: 770185

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Natalya G. Galkovskaya – PhD in Law, Associate Professor; Head, Department of Civil Procedure
Tomsk State University
36, Lenina pr., Tomsk, 634050, Russia
E-mail: ni13012003@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0377-1671
RCSI SPIN-code: 5466-6937; AuthorID: 770185

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Галковская Н.Г. Проблемы исчисления сроков апелляционного обжалования решений, вынесенных в порядке упрощенного производства / Н.Г. Галковская // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 124–133. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).124-133.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Galkovskaya N.G. Problems of calculation of the terms of appeals of decisions made in the order of summary proceedings. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 124–133. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).124-133. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ THE LAW ENFORCEMENT BY BODIES OF CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

УДК 343.811

DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(1).134-144

О НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СФЕРЕ

А.П. Скиба¹, А.В. Родионов¹, М.Ю. Воронин²

¹ Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань, Россия

² Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

03 октября 2021 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Ключевые слова

Государственно-частное
партнерство, уголовно-
исполнительное право,
исправление, труд, осужденные,
производственный сектор,
уголовно-исполнительная
система

Выявлены предпосылки перспективных изменений в законодательстве, определяющие потребность существенной модернизации производственного сектора пенитенциарной системы. Расширение практики реализации производственных проектов с привлечением частной предпринимательской инициативы в пенитенциарных учреждениях позволяет усилить корректирующее воздействие общественно-полезного труда, улучшить продовольственное и вещевое обеспечение осужденных, а также коммунально-бытовые условия их содержания. Обоснована необходимость разработки концепции взаимодействия пенитенциарной системы с бизнес-сообществом с целью повышения эффективности трудоустройства осужденных и их исправления, в рамках которой далее следует определить наиболее актуальные направления и этапы развития государственно-частного партнерства.

DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE PENAL SYSTEM

Andrey P. Skiba¹, Alexey V. Rodionov¹, Mikhail Yu. Voronin²

¹ Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia

² Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2021 October 03

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

Keywords

Public-private partnership, penal
enforcement law, correction,
labor, convicts, production sector,
penal enforcement system

The subject. The production sector of the Russian penitentiary system requires development and modernization in order to increase the level of convicts' employment, to ensure the growth of their labor productivity, which is ultimately aimed at increasing the level of correctional impact of socially useful labour. In modern conditions of market economy development, low efficiency of state production organizations economic activity on competitive markets, as well as the lack of budget funds for the modernization of production assets, the most promising form of organization of penitentiary institutions production activities is public-private partnership. The aim of the article is to develop scientifically based provisions that define the most promising areas for the development of Russian legislation, which will significantly improve the practice of implementing public-private partnership projects in the production sector of the penitentiary system. The methodology. In the course of the study, a complex of general scientific and special methods of scientific search was used, including scientific abstraction, a systematic approach, a dialectical method of cognition, as well as comparative legal and structural-system methods of research. The information base of the study is represented by scientific works of Russian and foreign scientists-penitentiaries, statistical data, regulations, as well as data on legal practice in the field under study. The main results, scope of application. The prerequisites for promising changes in the legislation that determine the need for a significant modernization of the production sector of the peniten-

tiary system are identified. The expansion of the practice of implementing production projects with the involvement of private business initiatives in penitentiary institutions makes it possible to strengthen the corrective impact of socially useful labour, to improve convicts' food and clothing provision, as well as the communal living conditions of their detention. Conclusion. The article substantiates the need to develop a concept of interaction between the penitentiary system and the business community in order to improve the efficiency of convicts' employment and their correction, within the framework of which the most relevant directions and stages of the development of public-private partnership should be determined in the future.

1. Введение

Уголовно-исполнительное законодательство России, теория исполнения уголовных наказаний и практика деятельности соответствующих учреждений и органов в настоящее время находятся на новом этапе своего развития [1–5]. Исследования преимущественно советского и отчасти первых двух десятилетий постсоветского периода в свое время обеспечили создание необходимой организационно-правовой основы в данной области, однако меняющаяся социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в России требует разработки оригинальных подходов для повышения эффективности исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как целей уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК) РФ¹), а также для совершенствования деятельности государственных органов, включая уголовно-исполнительную систему (далее – УИС), и негосударственных организаций. Это требует проведения поиска и анализа существующих теоретико-прикладных пенологических проблем, разработки путей их решения, реанимации и совершенствования правовых институтов, существовавших ранее в законодательстве, учета зарубежных подходов и международных стандартов в области исполнения наказаний и т. п.

Одним из таких направлений совершенствования теории, законодательства и практики исполнения уголовных наказаний в России видится постепенное развитие государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) в пенитенциарной сфере, включая более эффективное привлечение осужденных к общественно полезному труду [6–9]. Постепенность формирования уголовно-исполнительного законода-

тельства необходима и в силу того, что это повлечет корректировку уголовной политики государства.

2. Постановка проблемы

2.1. Актуальные вопросы развития производственного сектора УИС

Производственный сектор УИС является важным организационно-экономическим механизмом, который выполняет ряд специфических функций, обеспечивающих выполнение пенитенциарным ведомством задач, возложенных на него. Прежде всего, функционирование производственного сектора УИС обеспечивает применение одного из основных средств исправления осужденных – общественно полезного труда. Центры трудовой адаптации при учреждениях, исполняющих лишение свободы, являются безальтернативным работодателем, способным трудоустроить осужденных с учетом режимных ограничений и требований безопасности.

В то же время производственный сектор УИС играет важную роль в сфере обеспечения пенитенциарного ведомства продовольственными товарами, вещевым имуществом и другими ресурсами. При этом именно на пенитенциарное производство Правительством РФ возложена функция основного гаранта продовольственной безопасности УИС. Повышение уровня самообеспечения продовольственными товарами было определено в качестве одного из основных направлений развития УИС и в Концепции ее развития до 2020 г.² В Концепции развития УИС Российской Федерации до 2030 г.³ сохраняется приоритетная направленность по решению комплекса вопросов, связанных с повышением уровня продовольственного самообеспечения отечественной пенитенциарной системы.

Так, по результатам контрольного мероприятия Счетной палаты РФ «Проверка эффективности при-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

² Утв. Распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р.

³ Утв. Распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р.

влечения к труду осужденных к лишению свободы» 23 января 2018 г. был опубликован пресс-релиз⁴, согласно которому в 2014–2016 гг. была проведена проверка в исправительных учреждениях трех субъектов Приволжского федерального округа Российской Федерации: Ярославской, Костромской и Ульяновской областях⁵.

Сотрудниками Счетной палаты РФ за анализируемый период было выявлено существенное снижение численности осужденных, привлекаемых к общественно полезному труду – с 223 тыс. до 190 тыс. чел. (41,7 и 37,6 % от общего числа осужденных к лишению свободы соответственно), а также объема производства на 1,4 млрд руб. (–4,2 %) – до 31,2 млрд руб. При этом на производствах ФГУП ФСИН России были трудоустроены только 2 % от общей численности осужденных, с учетом того, что данные предприятия обеспечивали до 50 % объема закупок ведомства.

В числе существенных проблем специалистами указанного государственного органа также было определено, что среднемесячная заработная плата осужденных не достигала минимального размера оплаты труда (но следует учитывать, что в 2014–2020 гг. этот размер вырос в 2,5 раза – с 5 554 до 12 130 руб.). Очевидно, что соответствующего повышения производительности труда в производственном секторе УИС достигнуто не было. Рост фонда оплаты труда без соответствующих вложений в модернизацию производства и без повышения его эффективности при сохранении текущих показателей привлечения осужденных к труду на определенном этапе объективно лишь обеспечит накопление существенного количества неконкурентной продукции на складах с одновременным ростом кредиторской задолженности исправительных учреждений. Такого рода кассовый разрыв может преобразоваться в обязательства федерального бюджета.

Правительство РФ продолжает реформирование государственного сектора экономики, включая и производственный сектор УИС, направленное на либерализацию производственных отношений в сфере выполнения государственных закупок и заказов. Так, 27 декабря 2019 г. Президентом РФ был подписан

Федеральный закон № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственных и муниципальных унитарных предприятиях” и Федеральный закон “О защите конкуренции”»⁶, предполагающий ликвидацию всех государственных и муниципальных унитарных предприятий, действующих на товарных рынках, до 2025 г. Однако уже 16 ноября 2020 г. первый вице-премьер Правительства РФ Д.Ю. Григоренко поручил Министерству финансов, Росимуществу и другим профильным ведомствам до конца 2021 г. ликвидировать или трансформировать в акционерные общества все ФГУПы, действующие на конкурентных рынках.

На первый взгляд, данная ситуация не оказывает существенного влияния на трудоустройство осужденных, так как только 2 % от их общего количества трудоустроены на унитарных предприятиях ФСИН России. Однако, по всей видимости, в современных условиях Правительством РФ взят курс на ликвидацию всех субъектов, которые напрямую не связаны с обеспечением национальной обороны и безопасности и при этом генерируют убытки, которые компенсируются за счет средств государственного бюджета. В этих условиях накапливаемый кассовый разрыв (как результат увеличения разницы минимального размера оплаты труда и реальной производительности труда в пенитенциарном производстве) в перспективе весьма вероятно повлечет закрытие многих производственных объектов в УИС.

Таким образом, фактический размер пенитенциарной безработицы может достичь больших значений, чем в настоящее время, что фактически приведет к отказу от общественно полезного труда как основного средства исправления осужденных. На наш взгляд, данные последствия приведут к существенному снижению потенциала исправительного воздействия в отношении осужденных и впоследствии – к снижению в целом эффективности деятельности УИС.

2.2. Общественно полезный труд как средство исправления

Привлечение осужденных к общественно полезному труду представляет собой одно из средств исправления (ст. 9 УИК РФ) и способствует нормальному функционированию исправительных учрежде-

⁴ Блинова Т.В. В уголовно-исполнительной системе не привлекается к труду более 60 % трудоспособных осужденных // Счетная палата Российской Федерации: офиц. сайт. 23 янв. 2018. URL: <https://ach.gov.ru/news/v-ugolovno-ispolnitelnoj-sisteme-ne-privlekaetsya-k-trudu-bolee-60-trudospobnyh-osuzhdennyh-32329>.

⁵ Результаты проверки мы с определенной степенью условности экстраполируем на всё пенитенциарное производство.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 52. Ст. 7803.

ний в частности и УИС в целом. Это также важно с учетом того, что при существенных затратах государственного бюджета на организацию исполнения уголовных наказаний экономическая, общественная и иная «польза» от уголовно-исполнительной деятельности гораздо менее значима по сравнению с советским периодом⁷. При этом необходимость увеличения финансирования продовольственного и вещевого обеспечения осужденных в условиях снижения уровня трудовой занятости осужденных, в том числе и в результате падения пенитенциарного производства, – существенная проблема, требующая принятия ряда решений. В современных условиях, к сожалению, пенитенциарное производство является неконкурентоспособным по сравнению с предприятиями частного сектора. Необходимо усиление производственного сектора УИС с целью обеспечения занятости осужденных в условиях высокой стоимости создания рабочих мест.

Необходимость поиска новых организационно-правовых путей повышения эффективности исполнения уголовных наказаний проявляется и в том, что отдельные рассматриваемые вопросы были отражены в Концепции развития УИС Российской Федерации до 2030 г.

В прошлой редакции данного документа – Концепции развития УИС Российской Федерации до 2020 г. – вопросам развития производственного сектора УИС уделялось значительно меньше внимания. Производственная деятельность учреждений рассматривалась исключительно с точки зрения обеспечения трудовой занятости осужденных в целях их исправления. Концепция предусматривала возможность учета и использования новых организационно-правовых форм организации общественно полезного труда осужденных, а также введения новых рабочих мест, помимо прочего, с учетом возможностей ГЧП⁸.

В новой редакции концепции вопросы развития производственного сектора УИС обозначены в числе стратегических вызовов, стоящих перед системой, а также в числе целей и задач развития. Следует также отметить прямое указание на перспективность развития контактов с бизнес-сообществом в

вопросах трудоустройства осужденных к принудительным работам.

2.3. ГЧП как направление развития производственного сектора УИС

Решение проблемы повышения производительности труда осужденных, а также создания эффективных рабочих мест, на базе которых сможет выпускаться конкурентоспособная продукция, способная удовлетворить потребности как государственного заказа, так и гражданских потребителей, в значительной мере определяется объединением возможностей частных экономических структур и учреждений УИС.

Выделим некоторые вопросы, по которым возможно взаимодействие частных и государственных партнеров в рассматриваемой сфере:

- учреждения УИС обладают преимуществами при участии в государственных закупках, которые не играют значимой роли для пенитенциарного производства, но являются существенными для частных предприятий;

- государственный заказ для многих малых и средних предприятий может играть роль «якорного» потребителя, занимающего значительную часть их производственной программы с определенным уровнем безубыточности и гарантией стабильного финансирования в долгосрочной перспективе;

- частные предприятия обладают основными фондами, технологиями, культурой производства, квалифицированным персоналом, что позволяет быстро организовать производственный процесс и начать выпуск продукции.

Существенный потенциал данного направления развития производственного сектора УИС нивелируется значительным количеством коллизий и пробелов в российском уголовно-исполнительном и ином законодательстве. В этих условиях риски одинаково высоки как для должностных лиц УИС в виде уголовной, административной или дисциплинарной ответственности, так и для частных производственно-хозяйственных структур через финансовые потери.

Будет некорректным заявлять, что федеральными властями не предпринимается никаких усилий для устранения существующих коллизий и пробелов

⁷ Одновременно понимаем, что в настоящее время число осужденных, в том числе к лишению свободы, значительно меньше, чем это было во второй половине XX в.

⁸ К слову, еще в 2004 г. Минэкономразвития России предлагал создавать частные пенитенциарные учреждения для одновременного решения социальных проблем и развития производственных мощностей с увеличением прибыли для хозяйствующих субъектов.

в данной сфере. В частности, 18 июля 2019 г. Президентом РФ был подписан закон об изменениях УИК РФ⁹, согласно которому разрешается создание участков исправительных центров на предприятиях при условии их нахождения в одном субъекте Российской Федерации и наличии соответствующих жилищных условий для привлекаемых к труду осужденных. Кроме того, 26 октября 2019 г. сенаторы А. Кутепов и Д. Шатохин внесли в Государственную Думу законопроект о возможности заключения договоров аренды производственных объектов в учреждениях УИС для организации производства без проведения конкурсных процедур для ускорения процесса создания новых рабочих мест.

Одновременно руководство ФСИН России активизировало поиск потенциальных партнеров по организации производственной деятельности и снижению пенитенциарной безработицы. В качестве примера следует привести трехстороннее соглашение между ФСИН России, Республикой Коми и корпорацией «Руститан» об участии осужденных в трудовой деятельности при освоении минерально-сырьевой базы в Пыжемском месторождении.

Несмотря на приведенные позитивные примеры, следует констатировать, что существенных сдвигов в реализации проектов ГЧП в производственном секторе УИС добиться не удалось. И это связано не только с тем, что в неполной мере могли быть реализованы изменения УИК РФ в силу осложнения экономической ситуации на фоне пандемии COVID-19, но и значительным числом коллизий и пробелов в законодательстве, сдерживающих становление и реализацию проектов ГЧП в производственном секторе УИС.

3. Анализ последних исследований и публикаций

В отечественной юридической литературе рассматриваются различные аспекты ГЧП в пенитенциарной сфере:

– аргументы «за» и «против» расширения частных начал в организации исполнения уголовных наказаний [10; 11], в том числе в контексте обеспечения прав осужденных [12, с. 7] и недопустимости превалирования в целом интересов бизнеса перед их исправлением [13; 14];

– теоретико-прикладные формы подобного взаимодействия [15–18] и экономический интерес

как хозяйствующих субъектов, так и самого государства на основе такого партнерства [19; 20];

– особенности взаимодействия государственных и хозяйствующих субъектов в пенитенциарной сфере, а также функционирования и эффективности частных пенитенциарных учреждений в различных странах: США [21–23], Великобритании [24], Франции [25; 26], Республике Корея [27] и др. [28–30].

Несмотря на значительное внимание, которое уделяется комплексу вопросов развития теории и практики реализации проектов государственно-частного партнерства в производственном секторе пенитенциарных систем России и других стран, сохраняется значительное число проблемных аспектов, сдерживающих развитие производственной деятельности в российских учреждениях УИС, что оказывает соответствующее дестимулирующее воздействие как на процессы применения труда в качестве основного средства исправления осужденных, так и на процессы материального обеспечения УИС продукцией собственного производства. Таким образом, обоснование комплекса актуальных организационно-правовых проблем эффективного взаимодействия частных производственных структур и учреждений УИС в современных условиях следует определить как важную научно-практическую задачу, требующую соответствующего концептуального решения.

4. Результаты исследования

Выделим некоторые возможные направления развития ГЧП в пенитенциарной сфере.

Во-первых, актуальна в целом разработка новых теоретических, организационных и правовых аспектов привлечения осужденных к общественно полезному труду (т. е. фактически формулирование новой концепции в данной сфере). Представляется, что к ним могут относиться:

– предоставление осужденным права трудиться (включая право на занятие предпринимательской деятельностью, о чем говорилось еще в Инструкции о порядке организации предпринимательской деятельности осужденных в форме товарищества с ограниченной ответственностью в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы¹⁰), в том числе для проявления инициативы в «обычных» или экстремальных условиях (в случаях стихийных бедствий, введения чрезвычай-

⁹ Федеральный закон от 18 июля 2019 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Рос-

сийской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 29. Ст. 3846.

¹⁰ Утв. Приказом МВД РФ от 30 ноября 1993 г. № 517.

ного положения и пр.), а также для более объективной оценки степени их исправления;

- урегулирование многочисленных нерешенных в уголовно-исполнительном законодательстве вопросов трудоустройства осужденных к различным наказаниям (принудительным работам, исправительным работам и т. д.) и внесение соответствующих комплексных изменений в УИК РФ и другие нормативные правовые акты, регулирующие исполнение уголовных наказаний, для обеспечения надлежащей правовой основы государственно-частного партнерства в пенитенциарной сфере в контексте исправления осужденных¹¹;

- теоретическая разработка подхода, когда будут обеспечены: безубыточная работа пенитенциарных учреждений; организация работы осужденных как на территории пенитенциарного учреждения, так и за его пределами (в частности, как в США); получение доходов через производственное развитие УИС; компенсация расходов по содержанию и возмещение ущерба, причиненного преступлением, за счет получаемой осужденными надлежащей заработной платы (как, например, в Великобритании); повышение эффективности исправления осужденных (путем получения профессиональных знаний, трудовых навыков и пр.) и их ресоциализации и т. п.;

- увеличение способов привлечения негосударственных (частных) хозяйствующих субъектов к организации труда осужденных к лишению свободы как на территории исправительных учреждений, так и за их пределами (так, в США заключенные вообще могут предоставляться в качестве рабочей силы частным субъектам), а также к иным наказаниям (исправительным работам и пр.), в том числе на территории исправительных учреждений (в частности, осужденных к принудительным работам);

- организация полноценного государственного заказа для производства тех или иных видов продукции (например, военного или медицинского назначения, как в США) с привлечением осужденных, а также определение критериев для их отнесения к внутрисистемным нуждам (т. е. для потребностей самой УИС).

Во-вторых, целесообразно расширение взаимодействия между государственными органами и хозяйствующими организациями, заинтересован-

ными в таком сотрудничестве, за счет поэтапного создания так называемых частных исправительных учреждений (в том числе с учетом международных подходов (например, по Материалам Первого конгресса ООН по предупреждению преступлений и обращению с преступниками от 1955 г.), а также опыта Великобритании, Германии, США и ряда других стран). Между тем очевидно, что даже при создании в России частных пенитенциарных учреждений (с заключением, например, концессионного соглашения с соответствующими частными организациями) сотрудники УИС должны будут безальтернативно обеспечивать безопасность и охрану этих объектов (как, например, во Франции или Бразилии).

В-третьих, интересен анализ российской истории в изучаемой сфере, когда пенитенциарные учреждения имели различный статус: государственных, помещичьих, монастырских и т. д.

По всей видимости, полное «огосударствление» таких учреждений произошло в советское время, когда пенитенциарной системе вменялось преимущественно решение военно-политических, производственно-хозяйственных и иных государственных задач, нежели исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. К сожалению, с конца XX в. вследствие изменения внутрисистемной ситуации в России, корректировки уголовной политики, исключения производственного сектора пенитенциарной системы из централизованного госзаказа, разрыва сотрудничества с предприятиями военно-промышленного комплекса и иных негативных явлений пенитенциарные учреждения стали резко терять свой трудовой, производственный и иной потенциал, что отчетливо проявляется в настоящее время.

В советское время оценка деятельности пенитенциарных учреждений также в целом преимущественно зависела от выполнения государственного производственного плана, когда осужденные к лишению свободы использовались преимущественно как низкооплачиваемая рабочая сила. Представляется, что в тот период имела место системная ошибка, когда привлечение осужденных к труду фактически стало основой функционирования и главной целью деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания.

¹¹ Возможно, по аналогии с Законом Республики Корея «О создании и функционировании частных пенитенциарных учреждений».

5. Выводы

Таким образом, очевидна необходимость разработки концепции взаимодействия УИС с бизнес-сообществом с целью повышения эффективности трудоустройства осужденных (к принудительным работам, к лишению свободы и др.) и в целом их исправления, в рамках которой следует определить наиболее актуальные направления и этапы развития ГЧП в пенитенциарной сфере.

Представляется, что в России требуется с учетом зарубежного опыта, помимо прочего, определить: значение труда осужденных не только в целях их исправления и последующей ресоциализации после освобождения от отбывания наказания, но и его роль в самообеспечении пенитенциарной системы; организационно-правовой статус центров трудовой адаптации осужденных и иных мест их привлечения к общественно полезному труду, в том числе в коммерческой сфере как субъектов предприниматель-

ской деятельности; организационно-экономические меры по повышению эффективности пенитенциарного производства с целью обеспечения его конкурентоспособности с гражданскими предприятиями, в том числе путем организации полноценного государственного заказа; стимулы для привлечения частных инвестиций в пенитенциарную сферу, включая создание частных пенитенциарных учреждений (или их отдельных участков либо конкретной сферы с учетом особенностей самого исправительного учреждения); направления совершенствования законодательства, регулирующего привлечение осужденных к труду, а также взаимодействие учреждений и органов УИС с хозяйствующими субъектами; пути развития наказаний, не связанных с лишением свободы (например, через реанимацию ссылки), для решения военно-политических, производственно-хозяйственных и иных государственных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кашуба Ю. А. Наука уголовно-исполнительного права: куда пойдем дальше? / Ю. А. Кашуба // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : сб. матер. XIX всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Г. Чириков. – Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2019. – С. 21–23.
2. Орлов В. Н. Концепции профессора Н. А. Стручкова и перспективы развития уголовно-исполнительного права / В. Н. Орлов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 7. – С. 62–68. – DOI: 10.17803/2311-5998.2017.35.7.062-068.
3. Селиверстов В. И. Исправительная доктрина и ее влияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания / В. И. Селиверстов // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 65–73. – DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-65-73.
4. Тепляшин П. В. Концепция развития уголовно-исполнительной системы России в свете интерпретированных принципов европейской пенитенциарной практики / П. В. Тепляшин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11, вып. 1. – С. 129–139. – DOI: 10.21638/spbu14.2020.109.
5. Уткин В. А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права / В. А. Уткин // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 2 (24). – С. 39–43.
6. Бармашов В. И. Налоговое стимулирование государственно-частного партнерства в сфере организации труда осужденных / В. И. Бармашов, И. Н. Бармашов // Налоги. – 2016. – № 4. – С. 14–17.
7. Бойцова В. В. Уголовное и пенитенциарное право. Опыт Нидерландов и России / В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова // Прокурорская и следственная практика. – 2000. – № 3–4. – С. 166–173.
8. Матвеева Н. С. Государственно-частное партнерство в промышленном секторе уголовно-исполнительной системы России / Н. С. Матвеева // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2020. – № 4. – С. 12–15. – DOI: 10.18572/2072-4438-2020-4-12-15.
9. Хатаева М. А. Законодательство о государственно-частном партнерстве в Российской Федерации: проблемы, тенденции, перспективы / М. А. Хатаева, А. М. Цирин // Журнал российского права. – 2008. – № 10. – С. 156–167.
10. Коренная А. А. К вопросу о совершенствовании исполнения наказания в виде лишения свободы для лиц, совершивших экономические преступления, или «Частные тюрьмы» для бизнесменов / А. А. Коренная // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 4 (37). – С. 64–74.

11. Садовая Д. В. Частные тюрьмы: неолиберализм или кризис государственной власти? / Д. В. Садовая, С. М. Плешаков // Проблемы применения уголовного законодательства в современных условиях : сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. Н. Сушкова. – Саранск, 2017. – С. 108–112.
12. Интервью с президентом Федеральной палаты адвокатов РФ доктором юридических наук Юрием Сергеевичем Пилипенко // Юридический мир. – 2016. – № 9. – С. 6–11.
13. Белик В. Н. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере: отдельные аспекты исполнения уголовных наказаний / В. Н. Белик // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 423. – С. 202–206. – DOI: 10.17223/15617793/423/28.
14. Радочина Т. Н. Частные тюрьмы в пенитенциарной системе Англии и Уэльса / Т. Н. Радочина // Право и политика. – 2014. – № 1. – С. 6–13. – DOI: 10.7256/1811-9018.2014.1.10615.
15. Матиева М. Р. Развитие государственно-частного партнерства в пенитенциарной системе / М. Р. Матиева, О. В. Данилова // Современные корпоративные стратегии и технологии в России : сб. науч. ст. – М., 2016. – С. 84–89.
16. Серебрякова Е. Е. Правовое регулирование государственно-частного партнерства в Российской Федерации / Е. Е. Серебрякова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 1 (17). – С. 54–58.
17. Тимофеева Е. А. Частные тюрьмы за рубежом: особенности организации и функционирования / Е. А. Тимофеева, А. В. Вилкова. – Самара : СЮИ ФСИН России, 2018. – 47 с.
18. Barisch S. Die Privatisierung im deutschen Strafvollzug (unter Einbeziehung des Jugendstrafvollzuges und unter Berücksichtigung entsprechender Entwicklungen in Großbritannien, Frankreich und den USA) / S. Barisch. – Münster : Waxmann Verlag GmbH, 2010. – 340 s.
19. Кристи Н. Борьба с преступностью – доходная индустрия / Н. Кристи // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2011. – № 5. – С. 12–14.
20. Ковалев О. Г. Пенитенциарная система США: особенности организации и современные тенденции / О. Г. Ковалев, М. В. Шереметьева // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2013. – № 4. – С. 19–22.
21. Багреева Е. Г. Об организации пенитенциарных систем в международной практике / Е. Г. Багреева // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2012. – № 5. – С. 21–24.
22. Пархоменко А. Тюрьма – доходный бизнес / А. Пархоменко // Преступление и наказание. – 2015. – № 6. – С. 67.
23. Тепляшин П. В. Очерк неолиберальной пенитенциарной политики Соединенных Штатов Америки / П. В. Тепляшин // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4 (53). – С. 185–191.
24. Ежевский Д. О. Изменение роли и функций органов местного самоуправления в Великобритании в ходе муниципальных реформ конца XX – начала XXI в. / Д. О. Ежевский // Право и политика. – 2005. – № 5. – С. 48–68.
25. Слепцов И. В. Пенитенциарная система Франции (краткий обзор) / И. В. Слепцов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – № 2. – С. 39–42.
26. Тимофеева Е. А. Частные тюрьмы Французской Республики: история становления и особенности функционирования / Е. А. Тимофеева, В. О. Белоносков // Вестник Владимирского юридического института. – 2017. – № 4 (45). – С. 183–188.
27. Добряков Д. А. К вопросу о частных пенитенциарных учреждениях в Соединенных Штатах Америки и Республике Корея / Д. А. Добряков // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 306–309.
28. Радченко Е. П. Международный опыт формирования и функционирования систем частных тюрем / Е. П. Радченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 2. – Ст. 26. – URL: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=17281>.
29. Сморгунова А. Л. История приватизации пенитенциарных учреждений за рубежом / А. Л. Сморгунова // История государства и права. – 2008. – № 3. – С. 35–37.
30. Тепляшин П. В. Восточноевропейский тип пенитенциарных систем / П. В. Тепляшин // Lex russica. – 2017. – № 3 (124). – С. 176–194. – DOI: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.176-194.

REFERENCES

1. Kashuba Yu.A. Science of penal law: where will we go next?, in: Chirikov A.G. (ed.). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeistvie nauki i praktiki*, Proceedings of the XIX All-Russian scientific and practical conference, Novokuznetsk, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2019, pp. 21–23. (In Russ.).
2. Orlov V.N. Ideas of Professor Nikolay A. Struchkov and prospects for the development of penal law. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2017, no. 7, pp. 62–68. DOI: 10.17803/2311-5998.2017.35.7.062-068. (In Russ.).
3. Seliverstov V.I. Correctional doctrine and its impact on the status of an individual exonerated from serving their sentences. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 65–73. DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-65-73. (In Russ.).
4. Teplyashin P.V. Concept of the development of the Russian penitentiary system in light of interpreted principles of European penitentiary practice. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2020, vol. 11, iss. 1, pp. 129–139. DOI: 10.21638/spbu14.2020.109. (In Russ.).
5. Utkin V.A. Penal activity and subject of the penal law. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = The Theory of Penal Law*, 2016, no. 2 (24), pp. 39–43. (In Russ.).
6. Barmashov V.I., Barmashov I.N. Tax Stimulation of Public Private Partnership in the Sphere of Organization of Convicted Persons Labor. *Nalogi = Taxes*, 2016, no. 4, pp. 14–17. (In Russ.).
7. Boytsova V.V., Boytsova L.V. Criminal and penal law. The experience of the Netherlands and Russia. *Prokurorskaya i sledstvennaya praktika = Prosecutorial and investigative practice*, 2000, no. 3–4, pp. 166–173. (In Russ.).
8. Matveeva N.S. Public Private Partnership in the Industrial Sector of the Russian Penal System. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2020, no. 4, pp. 12–15. DOI: 10.18572/2072-4438-2020-4-12-15. (In Russ.).
9. Khataeva M.A., Tsirin A.M. Legislation on state-private partnership in the Russian Federation: problems, tendencies, prospects. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2008, no. 10, pp. 156–167. (In Russ.).
10. Korennaya A.A. On the issue of improving the execution of the sentence of imprisonment for persons who have committed economic crimes or “Private prisons” for businessmen. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2018, no. 4 (37), pp. 64–74. (In Russ.).
11. Sadomskaya D.V., Pleshakov S.M. Private prisons: neoliberalism or the crisis of state power?, in: Sushkov Yu.N. (ed.). *Problemy primeneniya ugovnogo zakonodatel'stva v sovremennykh usloviyakh*, collection of scientific works, Saransk, 2017, pp. 108–112. (In Russ.).
12. Interview with Yuriy Sergeyevich Pilipenko, President of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, Doctor of Law. *Yuridicheskii mir = Juridical World*, 2016, no. 9, pp. 6–11. (In Russ.).
13. Belik V.N. Public-private partnership in the penitentiary sphere: certain aspects of the execution of criminal penalties. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2017, no. 423, pp. 202–206. DOI: 10.17223/15617793/423/28. (In Russ.).
14. Radochina T.N. Private prisons in the penal system in England and Wales. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2014, no. 1, pp. 6–13. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.1.10615. (In Russ.).
15. Matieva M.R., Danilova O.V. Development of public-private partnership in the penitentiary system, in: *Sovremennye korporativnye strategii i tekhnologii v Rossii*, Collection of Scientific Articles, Moscow, 2016, pp. 84–89. (In Russ.).
16. Serebryakova E.E. Legal regulation of public-private partnership in the Russian Federation. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, 2012, no. 1 (17), pp. 54–58. (In Russ.).
17. Timofeeva E.A., Vilkova A.V. *Private prisons abroad: features of organization and functioning*. Samara, Samara Legal Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2018. 47 p. (In Russ.).
18. Barisch S. *Die Privatisierung im deutschen Strafvollzug (unter Einbeziehung des Jugendstrafvollzuges und unter Berücksichtigung entsprechender Entwicklungen in Großbritannien, Frankreich und den USA)*. Münster, Waxmann Publ., Münster, 2010. 340 p. (In German).
19. Christie N. Crime Control as Industry. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2011, no. 5, pp. 12–14. (In Russ.).

20. Kovalev O.G., Sheremet'eva M.V. Penitentiary system in the USA: peculiarities of organization and contemporary tendencies. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2013, no. 4, pp. 19–22. (In Russ.).
21. Bagreeva E.G. On the organization of penitentiary systems in international practice. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2012, no. 5, pp. 21–24. (In Russ.).
22. Parkhomenko A. Prison – profitable business. *Prestuplenie i nakazanie*, 2015, no. 6, p. 67. (In Russ.).
23. Teplyashin P.V. Essay on the neoliberal penal policy of the United States of America. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2019, no. 4 (53), pp. 185–191. (In Russ.).
24. Ezhevsky D.O. Changes in role and functions of local authorities in Great Britain in the course of municipal reforms, late XX – early XXI centuries. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2005, no. 5, pp. 48–68. (In Russ.).
25. Sleptsov I.V. Penitentiary system of France (a brief overview). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Penal system: law, economics, management*, 2009, no. 2, pp. 39–42. (In Russ.).
26. Timofeeva E.A., Belonosov V.O. Private prisons of the French Republic: the history of formation and peculiarities of functioning. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2017, no. 4 (45), pp. 183–188. (In Russ.).
27. Dobryakov D.A. On the issue of private prisons in the United States of America and the Republic of Korea. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 2019, vol. 27, no. 3, pp. 306–309. (In Russ.).
28. Radchenko E.P. International practices in creating and operating systems of private prisons. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2013, no. 2, art. 26, available at: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=17281>. (In Russ.).
29. Smorgunova A.L. History of privatization of penitentiary institutions abroad. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2008, no. 3, pp. 35–37. (In Russ.).
30. Teplyashin P.V. Eastern Europe Type of Penal System. *Lex russica*, 2017, no. 3 (124), pp. 176–194. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.176-194. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Скиба Андрей Петрович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовно-исполнительного права
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1
E-mail: apskiba@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7953-9743
ResearcherID: X-9316-2019
Scopus AuthorID: 57194504874

Родионов Алексей Владимирович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1
E-mail: avrpost@bk.ru
ORCID: 0000-0002-9311-4896
ResearcherID: E-5744-2016
Scopus AuthorID: 57194512706

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Andrey P. Skiba – Doctor of Law, Professor; Head, Department of Penal Law
Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia
1, Sennaya ul., Ryazan, 390000, Russia
E-mail: apskiba@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7953-9743
ResearcherID: X-9316-2019
Scopus AuthorID: 57194504874

Alexey V. Rodionov – Doctor of Economics, Associate Professor; Professor, Department of Economics and Management
Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia
1, Sennaya ul., Ryazan, 390000, Russia
E-mail: avrpost@bk.ru
ORCID: 0000-0002-9311-4896
ResearcherID: E-5744-2016
Scopus AuthorID: 57194512706

Воронин Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, директор института международного права и правосудия
Московский государственный лингвистический университет
119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38/1
E-mail: m.voronin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5984-7263
Scopus AuthorID: 575593925000

Mikhail Yu. Voronin – Doctor of Law, Professor;
Director, Institute of International Law and Justice
Moscow State Linguistic University
38/1, Ostozhenka ul., Moscow, 119034, Russia
E-mail: m.voronin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5984-7263
Scopus AuthorID: 575593925000

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Скиба А.П. О направлениях развития государственно-частного партнерства в пенитенциарной сфере / А.П. Скиба, А.В. Родионов, М.Ю. Воронин // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 134–144. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).134-144.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Skiba A.P., Rodionov A.V., Voronin M.Yu. Development of public-private partnership in the penal system. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 134–144. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).134-144. (In Russ.).

ТЕНДЕНЦИЯ СТАРЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ (ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АСПЕКТЫ)

П.В. Тепляшин^{1,2}, Ю.М. Заборовская^{1,3}, И.В. Малышева⁴

¹ Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, Россия

² Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Красноярск, Россия

³ Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

⁴ Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний,
г. Пушкин, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

09 декабря 2021 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Ключевые слова

Старение заключенных,
лишение свободы, условия
содержания лиц пожилого
возраста, институт уголовно-
исполнительного права,
геронтологическая
преступность, принцип
дифференциации и
индивидуализации наказания,
Россия, Швейцария, США, Англия

Анализируется тенденция роста числа заключенных пожилого возраста, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях России и других стран. Отмечается, что сохраняется ежегодная динамика роста числа лиц старше 55 лет, отбывающих уголовное наказание в исправительных учреждениях России, США и стран Европейского Союза. Делаются выводы о том, что, во-первых, тенденция роста числа пожилых осужденных имеет общемировой характер; во-вторых, в уголовно-исполнительном праве необходимо выделить особый правовой институт, устанавливающий условия отбывания наказаний лицами пожилого возраста; в-третьих, содержание лиц пожилого возраста требует со стороны государства отдельного внимания и дополнительных финансовых затрат в связи с особым состоянием здоровья пожилых лиц; в-четвертых, при разработке законодательства о probation считаем необходимым уделить особое внимание исследуемой категории лиц.

AGEING OF CONVICTED PRISONERS: SOME PROBLEMS AND SOLUTIONS (DOMESTIC AND COMPARATIVISTIC ASPECTS)

Pavel V. Teplyashin^{1,2}, Yulia M. Zaborovskaya^{1,3}, Inna V. Malysheva⁴

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russia

² Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Novokuznetsk, Russia

³ Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

⁴ St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Pushkin, Russia

Article info

Received –

2021 December 09

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

The subject of the article is the peculiarities of the execution of imprisonment in relation to the elderly (over 50 years old) as an independent legal institution of penitentiary law in Russia and abroad.

The purpose of the article is to identify the patterns and problems of the execution of punishment in the form of imprisonment in relation to elderly people (over 50 years old) in Russia and abroad, taking into account the growth trend of this category of prisoners and propose a legal solution to the problem.

Main tasks: (1) to determine using statistical indicators the change in the number of elderly prisoners and identify the main trend in quantitative indicators; (2) identify problems that arise in elderly prisoners due to the lack of legislative regulation of the organization of an accessible environment in correctional institutions; (3) conduct a comparative analysis of

Keywords

Ageing of prisoners, deprivation
of liberty, conditions of detention

of elderly people, institution of criminal enforcement law, gerontological crime, the principle of differentiation and individualization of punishment, Russia, Switzerland, USA, England

the organization of medical care in relation to the elderly when serving a sentence of imprisonment in Russia and abroad; (4) determine ways to improve Russian legislation in the field of punishment in the form of imprisonment in relation to elderly prisoners.

Research methodology. When studying the tendency of aging convicts to imprisonment in Russia and abroad, an analysis of statistical data was used. The work is a comparative legal study as a result of the study of domestic and foreign experience in the execution of sentences in the form of imprisonment, as well as the penal policy of Russia and foreign countries in relation to elderly prisoners; specific sociological technique was used when conducting a survey of persons over 55 years old serving a sentence of imprisonment in Russia; the formal-legal method made it possible to formulate a number of proposals on the need to reform penitentiary institutions, taking into account the age characteristics of this category of convicts.

Main results and scope of their application. Firstly, the possibility of allocating a separate chapter to the PEC of the Russian Federation on the peculiarities of the execution of punishment in the form of imprisonment of elderly convicts is justified. Secondly, the definition of the concept of "accessible environment", as well as the peculiarities of medical care for elderly convicts, taking into account the relevant experience of foreign countries. Thirdly, there is a need to form legal institutions for the socialization and resocialization of elderly people (over 55 years old) during the period of serving criminal sentences in the form of imprisonment, taking into account age characteristics and foreign experience.

Conclusion. Age characteristics and health conditions have a direct impact on the correctional impact of those sentenced to imprisonment. Russian and foreign experience clearly show that at present there is no unified political and legal approach in relation to elderly prisoners, despite the general growth trend of this category of persons. In Russia and abroad, there is a need to build correctional institutions of a new type, which will take into account, among other things, the age characteristics of the convicts. In this case, it is necessary to start with the development of individual legal institutions.

1. Введение

Очевидным фактом является увеличение числа осужденных предпенсионного и пенсионного возраста, т. е. лиц старше 50 лет, в том числе отбывающих наказание в виде лишения свободы¹. Отметим, что ни отечественные, ни зарубежные пенитенциарные учреждения не приспособлены к потребностям пожилых лиц. В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г.² (далее – Концепция) совершенствование и гуманизация уголовно-исполнительной политики выступают ключевыми позициями концептуального развития сферы исполнения уголовных наказаний. В настоящее время отсутствуют комплексные исследования проблем исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении рассматриваемой возрастной категории осужденных.

Отдельные исследования посвящены изучению показателей состояния здоровья лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях [1], уровня смертности лиц, имеющих право на досрочное освобождение по состоянию здоровья [2]. Кроме того, достаточно большое количество жалоб, поданных осужденными в Европейский Суд по правам человека [3], говорит о необходимости исследования проблемы организации исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении пожилых осужденных, поскольку в силу утраты трудоспособности с возрастом вопросы соблюдения прав, гуманного отношения, соблюдения ст. 3 Конвенции о защите прав и основных свобод (запрет пыток, запрет бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания)³ имеют важное значение и требуют изучения. Недостаточное теоретическое и практическое вни-

¹ Характеристика осужденных по возрасту на момент совершения преступления // Федеральная служба исполнения наказаний: офиц. сайт. URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka_lic_sodergahixsy_v_IK/Xarakteristika_lits_soderzhashixsya_v_ispravitelnyx_koloniyax_dlya_vzroslyx.pdf (дата обращения: 05.12.2022).

² Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнитель-

ной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 05.05.2021. № 0001202105050004 (дата обращения: 05.12.2022).

³ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 20. Ст. 2143.

мание пожилым осужденным объясняется тем, что они составляют относительно небольшую долю от общего числа лиц, отбывающих наказание в местах изоляции. Однако, современная статистика демонстрирует явную тенденцию роста числа заключенных пожилого возраста как в России, так и за рубежом. Этот факт подтверждает актуальность исследований подобного рода. Дополнение соответствующих положений Концепции, в которых лица пожилого возраста (пенсионного и предпенсионного возраста) будут выделены в отдельную категорию осужденных, требующую особых условий отбывания наказания, несомненно повысит эффективность правового регулирования и исполнения наказания в виде лишения свободы данными лицами.

2. Увеличение числа пожилых осужденных: постановка проблемы

Не часто проблемы пожилых осужденных представляют государственный или исследовательский интерес [4; 5]. Так, в тюрьмах США в первую очередь обеспокоены сокращением числа лиц, которые отбывают наказание за преступления, связанные с распространением наркотических средств, и ненадлежащими правонарушениями, поскольку они составляют основу «тюремного населения». Администрации исправительных учреждений США разрабатывают политику, направленную на борьбу со старением «тюремного населения», однако имеет место недостаточное количество исследований и эмпирических знаний, позволяющих пролить свет на этот вопрос или последствия такой государственной политики [6, р. 4]. Растущая численность пожилых заключенных связана с общемировой тенденцией старения населения и пересмотра некоторыми государствами пенсионного возраста [7].

Тенденция увеличения числа пожилых осужденных в США наметилась в 2001 г. Примечательно, что в 2001 г. доля пожилых женщин-заключенных в США превзошла долю пожилых мужчин-заключенных, и с тех пор эта разница стала еще более заметной: в 2011 г. более 18 % женщин-заключенных и 16,5 % мужчин-заключенных составляли лица старше 50 лет [6, р. 3]. Так, в 2013 г. в США доля заключенных в возрасте 50 лет и старше составила 17,9 %. Для сравнения, доля заключенных в Англии в возрасте 50 лет и старше в этом же году составляла 12 %. Число пожилых заключенных в тюрьмах Ан-

глии увеличилось примерно на 25–30 % за последние 15 лет [8, р. 12].

К наиболее значимым факторам преступного поведения лиц пожилого возраста исследователи относят:

- нравственный фактор (ненужность обществу, отсутствие работы или любимого дела, алкоголизм) [9];

- социальный фактор (ненависть молодежи к данным лицам, отсутствие преемственности ценностей среди поколений) [10];

- организационно-правовой фактор (отсутствие системы ресоциализации после освобождения, неэффективность системы досрочного освобождения) [11–13];

- экономический фактор (низкое материальное положение, совпадение размера пенсии с размером прожиточного минимума) [7; 14–17];

- психологический фактор (отсутствие необходимости исправляться в свете перспективы в любом случае умереть в исправительном учреждении) [18; 19].

Сокращение в пенитенциарных учреждениях численности лиц, осужденных к лишению свободы, за последние 10 лет привело к пропорциональному ухудшению состава осужденных, что в свою очередь требует решения вопроса обеспечения условий отбывания наказаний лицами пожилого возраста в соответствии с международными принципами, оказания необходимого воспитательного воздействия [20, с. 21], решения проблем трудоустройства [21, с. 76–78] как средства исправления осужденных, создание условий, при которых наказанию отводится реабилитационная роль [22, с. 272]. Так, согласно ст. 104-1 Европейских тюремных (пенитенциарных) правил 2006 г.⁴, для отдельных категорий заключенных предусмотрена необходимость использования специальных пенитенциарных учреждений или отделений пенитенциарных учреждений. О необходимости нового типа учреждений, в которых отбывают наказание в виде лишения свободы лица пожилого возраста, специально говорится в докладах Ассоциации тюремных служащих Англии, в том числе обсуждается возможность строительства специализированных учреждений для престарелых осужденных и рассматриваются альтернативные программы в существующих исправительных учреждениях, предна-

⁴ Европейские пенитенциарные правила: Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec (2006) 2 // Элек-

тронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420361984>.

значенных для исполнения наказания в виде лишения свободы для пожилых правонарушителей. Увеличение численности пожилых заключенных вызывает обеспокоенность, поскольку требует корректировки уголовной и уголовно-исполнительной политики (потребуется расширение штатов тюремных государственных служащих и пересмотр приговоров для заключенных, совершивших тяжкие преступления). В этой связи стоит обратить внимание на известную «гибкость» англосаксонского права при решении проблемных вопросов, имеющих правовое решение. Отсутствие нормативности, казуистичность права до сих пор является характерной чертой правовых систем семьи общего права [23, с. 950].

3. Медицинские услуги для пожилых заключенных

Отбывание наказания в виде лишения свободы лицами в возрасте старше 50 лет способствует обострению хронических заболеваний у осужденных. Существующая сеть медицинских учреждений в уголовно-исполнительной системе России, оказывающих медицинскую помощь осужденным старше 50 лет, сталкивается с проблемами лечения гибридных форм заболеваний, которые прогрессируют в условиях изоляции (ВИЧ + гепатит + туберкулез) [24, с. 33–35]. Интересны данные, полученные в результате проведенного в рамках настоящего исследования анкетирования осужденных из 14 субъектов Российской Федерации (94 чел.) об имеющихся у осужденных пожилого возраста заболеваниях. Так, 46,8 % опрошенных осужденных назначалось лечение в период отбывания наказания, 48,9 % хотят продолжить лечение после освобождения, 57,9 % больны открытой формой туберкулеза. Это, безусловно, ограниченная выборка, но она отражает факт того, что больных, в том числе с неизлечимыми заболеваниями, и осужденных пожилого возраста больше 50 % от общей массы осужденных к лишению свободы. При этом, как уже было отмечено выше, раздел XI «Медицинское обеспечение и санитарное благополучие лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» Концепции лиц пожилого возраста как отдельную категорию осужденных не рассматривает, однако последний абзац указанного раздела заявляет прогноз на снижение смертности в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Еще одним интересным фактом является то, что рецидив после освобождения среди рассматриваемой категории осужденных также обусловлен отсутствием системы получения медицинской помощи после освобождения. Так, С.Х. Шамсунов и Е.В. Иль-

инцев приходят к выводу, что отсутствие информационного обмена между медико-санитарными частями ФСИН России и медицинскими организациями Минздрава России создает ситуацию, при которой невозможно обеспечить надлежащую преемственность медицинского обеспечения после освобождения из мест лишения свободы, в том числе и лиц пожилого возраста [25, с. 19–20]. Этот вопрос требует отдельного исследования и правового решения. Важно понимать, что лица пожилого возраста без постоянного места жительства после освобождения стремятся попасть в исправительное учреждение снова с целью получения медицинских услуг и материального обеспечения от государства. Так, проведенное в рамках настоящего исследования анкетирование лиц старше 55 лет, отбывающих наказание в виде лишения свободы в уголовно-исправительных учреждениях, показало, что 49,5 % были трудоустроены до совершения преступления, учились – 2,1 %, получали пенсионное обеспечение – 35,1 %. Учитывая полученные результаты о заболеваемости лиц пожилого возраста и тот факт, что в местах лишения свободы заболевания прогрессируют, считаем, что суд, принимая решение о назначении наказания или досрочном освобождении осужденного к лишению свободы в связи с наличием тяжелого заболевания (в том числе гибридных форм заболеваний), должен учитывать личность и состояние здоровья осужденного с целью достижения исправления как одной из целей уголовного наказания. Как представляется, подобные изменения должны быть отражены в ст. 81 Уголовного кодекса РФ «Освобождение от наказания в связи с болезнью».

4. Доступная среда и зарубежный опыт оказания медицинской помощи пожилым заключенным

Отметим, что высокий уровень наличия заболеваний у осужденных характерен не только для отечественной, но и для зарубежных пенитенциарных систем. Например, по сравнению с другими заключенными в США среди лиц пожилого возраста имеет место высокая распространенность заболеваний, которые могут стать причиной получения инвалидности (включая СПИД, туберкулез, гепатит В, С, гипертонию), и ряд диагнозов в области психического здоровья – серьезная депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство. Ситуация наличия нескольких заболеваний усугубляется травматическим опытом тюремного заключения и ограниченными возможностями получения медицинского обслуживания в зарубежных исправительных учреждениях в связи с его высокой стоимостью (а оплата происходит за счет

личных средств осужденных), что способствует ускоренному старению заключенных и усугублению проблем со здоровьем. Эти факторы риска для здоровья и потребности делают заключение пожилых лиц дорогостоящим. Содержание заключенного в США в среднем обходится в 34 135 долларов в год, а содержание заключенного в возрасте 50 лет и старше – в 68 270 долларов в год. Наибольшие затраты на заключенных связаны с тем, что медицинское лечение, в том числе приезд врача, оказывается частными учреждениями и является платным [26, с. 64].

Пожилые осужденные в условиях изоляции испытывают дополнительные психологические страдания, нуждаются в достаточном уходе. Так, 60 % опрошенных осужденных в тюрьмах Италии сообщили, что их здоровье ухудшилось или значительно ухудшилось в период отбывания наказания [27]. По данным Американской медицинской ассоциации, заключенные старше 55 лет имеют в среднем три хронических заболевания, а 20 % из них страдают психическими заболеваниями [28, р. 9]. Опрос, проведенный в тюрьмах Греции среди заключенных женщин с целью оценки доступности и качества предоставляемых медицинских услуг как внутри тюрем, так и за их пределами, показал, что 46,5 % из них недовольны качеством получаемых услуг. Большинство участников выборки оценили текущее состояние своего здоровья как умеренное или плохое / очень плохое (67,4 %). Во время заключения женщины в тюрьмах Греции страдают психическими расстройствами и имеют ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию. Состояние их здоровья является умеренным или плохим и во время отбывания наказания ухудшается [29].

Особого внимания заслуживает организация оказания медицинской помощи в швейцарских тюрьмах. Во-первых, благодаря своему федеративному устройству правовая основа охраны здоровья заключенных организована на кантональном уровне. В Швейцарии благодаря федеративному устройству (26 кантонов) существуют разные модели организации тюремного здравоохранения, и они часто зависят от соответствующего учреждения. Есть такие регионы во франкоязычной части страны, где здравоохранение является независимым от администрации тюрьмы. В немецкоговорящих кантонах медицинское обслуживание часто организуется тюремной администрацией, тем самым медицинский персонал оказывается поставлен в зависимость от нее. Есть также смешанные модели с независимыми врачами и медсестрами, работающими в тюрьме. Во-

вторых, «тюремное население» в стране относительно невелико, и особенно небольшое количество – заключенных старшего возраста [8, р. 34].

Проблемы, возникающие у пожилых заключенных, также связаны с отсутствием доступной среды (поручни, низкие кровати и лифты) в исправительных учреждениях. Тюремные учреждения плохо оборудованы для удовлетворения медицинских, экологических и социальных потребностей заключенных пожилого возраста. Специфические особенности здоровья этой растущей группы тюремного населения заставляют задумываться об изменении условий их содержания как в России, так и в иностранных государствах [8, р. 115]. Оборудовать каждое учреждение условиями доступной среды видится экономически затратным и, возможно, малоэффективным. Однако, в такой ситуации достаточно привлекательной и более реальной видится идея о включении в Концепцию прогрессивной модели отбывания наказания лицами, осужденными к лишению свободы (создание «гибридных» пенитенциарных учреждений) [30, с. 103–104]. Эта идея частично реализована в разделе VII Концепции, в котором закреплено установление о подготовке проекта создания учреждений объединенного типа, предусмотрена модернизация инфраструктуры, позволяющая создать достойные условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы России.

5. Выводы и предложения

Сравнительно-правовой анализ возраста заключенных в разных государствах показывает общемировую тенденцию роста числа пожилых лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Это достаточно аргументированно указывает, во-первых, на выделение в уголовно-исполнительном праве самостоятельного правового института содержания лиц пожилого возраста, во-вторых, на необходимость принятия отдельного ведомственного нормативно-правового акта, регулирующего особенности исполнения наказания сотрудниками исправительных учреждений в отношении лиц пожилого возраста, особенности отбывания наказания лицами пожилого возраста, оказания им паллиативной помощи, обеспечения доступной среды в исправительном учреждении и др.

Учитывая растущее число стареющих заключенных в России и за рубежом, крайне важно расширить применение наказаний, не связанных с лишением свободы и помещением в исправительные учреждения пожилых лиц, совершивших преступление, с учетом личности пожилого преступника. Такой

вариант наказания без изоляции от общества применим к пожилым лицам, в отношении которых можно использовать профилактический надзор как меру

безопасности и предупреждения совершения повторных преступлений. Это можно реализовать через службу пробации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медведев С. В. О практике прокурорского надзора за соблюдением законов об обеспечении права на здоровье заключенных в Новосибирской области / С. В. Медведев // Прокурор. – 2016. – № 4. – С. 76–79.
2. Курченко В. Н. Освобождение от наказания в связи с болезнью: актуальные вопросы правоприменения / В. Н. Курченко // Уголовное право. – 2017. – № 3. – С. 37–43.
3. Кириловская Н. Н. Практика Европейского суда по правам человека в отношении Российской Федерации: особенности и тенденции / Н. Н. Кириловская // Международное публичное и частное право. – 2018. – № 5. – С. 3–6.
4. Рожков С. А. Международные стандарты обращения с осужденными и уголовно-исполнительное законодательство РФ / С. А. Рожков // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2009. – № 1 (3). – С. 125–131.
5. Тепляшин П. В. Принципы оптимизации уголовно-исполнительной системы России в контексте европейской пенитенциарной практики / П. В. Тепляшин // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 123–131. – DOI: 10.17516/1997-1370-0539. – (На англ. яз.).
6. Kim K. Aging Behind Bars. Trends and Implications of Graying Prisoners in the Federal Prison System / K. Kim, B. Peterson. – Urban Institute, 2014. – vi, 29 p.
7. Лунгу Е. В. Конституционные правоотношения и пенсионная реформа как фактор объективной правовой реальности / Е. В. Лунгу // Российская юстиция. – 2019. – № 2. – С. 58–60.
8. Handtke V. Time to act: Vulnerabilities of aging prisoners in Switzerland / V. Handtke. – München : University of Basel, 2015. – 259 p.
9. Wattis J. Alcohol and Old People / J. Wattis // British Journal of Psychiatry. – 1983. – Vol. 143, iss. 3. – P. 306–307. – DOI: 10.1192/bjp.143.3.306.
10. Frottier P. Correlation between suicide risk, time spent in prison and vulnerability profile of people in confinement / P. Frottier, K. Ritter, S. Frühwald, F. König, P. Bauer // European Psychiatry. – 2000. – Vol. 15, iss. S2. – P. 415–416. – DOI: 10.1016/S0924-9338(00)94753-9.
11. Pekala-Wojciechowska A. Mental and Physical Health Problems as Conditions of Ex-Prisoner Re-Entry / A. Pekala-Wojciechowska, A. Kacprzak, K. Pekala, M. Chomczyńska, P. Chomczyński, M. Marczak, R. Kozłowski, D. Timler, A. Lipert, A. Ogonowska, P. Rasmus // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2021. – Vol. 8, iss. 14. – Art. 7642. – DOI: 10.3390/ijerph8147642.
12. Coid J. Adult prisons in England and Wales / J. Coid, M. Yang, S. Ullrich, A. Roberts // Psychiatric Bulletin. – 2007. – Vol. 31, iss. 7. – P. 275. – DOI: 10.1192/pb.bp.107.015362.
13. Тепляшин П. В. Исполнение лишения свободы в отношении пожилых осужденных: перспективы расширения реализации принципа дифференциации / П. В. Тепляшин, Е. А. Тепляшина // Вестник Кузбасского института. – 2019. – № 3 (40). – С. 87–96.
14. Handtke V. Ageing Prisoners' Views on Death and Dying: Contemplating End-of-Life in Prison / V. Handtke, T. Wangmo // Journal of Bioethical Inquiry. – 2014. – Vol. 11, iss. 3. – P. 373–386. – DOI: 10.1007/s11673-014-9548-x.
15. Середа Е. В. Соответствие медицинского обслуживания лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, международным стандартам обращения с заключенными / Е. В. Середа // Российский следователь. – 2016. – № 8. – С. 28–30.
16. Вишневская Т. И. Специфика детерминации геронтологической преступности / Т. И. Вишневская // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 1. – С. 61–69. – DOI: 10.51980/2542-1735_2020_1_61.
17. Anikina E. The analysis of the current provision of older people in Russia with financial and social resources compared to previous generations / E. Anikina, L. Ivankina, E. Taran // Innovation Management and Sustainable Economic Competitive Advantage: From Regional Development to Global Growth, IBIMA 2015 : Proceedings of the 26th International Business Information Management Association Conference. – 2015. – P. 1231–1237.

18. Зайцева Л. В. Обоснованность и последствия повышения пенсионного возраста / Л. В. Зайцева, О. А. Курсова, Е. Л. Хильчук // Российский юридический журнал. – 2019. – № 2. – С. 144–155.
19. Handtke V. The collision of care and punishment: Aging prisoners' view on compassionate release / V. Handtke, W. Bretschneider, B. Elger, T. Wangmo // Punishment & Society. – 2017. – Vol. 19, iss. 1. – P. 5–22. – DOI: 10.1177/1462474516644679.
20. Киселев М. В. Особенности воспитательной работы с осужденными престарелого возраста и инвалидами / М. В. Киселев, Н. Н. Ивашко // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2015. – № 1 (29). – С. 21–24.
21. Уткин В. А. Бесплатный труд осужденных в местах лишения свободы / В. А. Уткин // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – № 11 (62). – С. 76–78.
22. Карабанова Е. Н. Проблемы системной пенализации (на примере дифференциации уголовной ответственности за преступления с многообъектным составом) / Е. Н. Карабанова // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 2. – С. 271–282. – DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).271-282.
23. Рассказов Л. П. Англосаксонская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники / Л. П. Рассказов // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 105. – С. 949–962. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/01/pdf/58.pdf>.
24. Заборовская Ю. М. Право на охрану здоровья инвалидов, пожилых лиц и лиц, страдающих социально значимыми заболеваниями, осужденных к лишению свободы / Ю. М. Заборовская // Социальное и пенсионное право. – 2020. – № 1. – С. 32–36.
25. Шамсунов С. Х. К вопросу медицинского обеспечения лиц без определенного места жительства, освобождающихся из мест лишения свободы / С. Х. Шамсунов, Е. В. Ильинцев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2020. – № 3. – С. 19–23.
26. Заборовская Ю. М. Отдельные вопросы организации медицинской помощи осужденным, страдающим социально-значимыми заболеваниями / Ю. М. Заборовская, Я. Д. Витовский // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2020. – № 1 (23). – С. 63–67.
27. Nobile C. G. A. Self-reported health status and access to health services in a sample of prisoners in Italy / C. G. A. Nobile, D. Flotta, G. Nicotera, C. Pileggi, I. F. Angelillo // BMC Public Health. – 2011. – Vol. 11. – Art. 529. – DOI: 10.1186/1471-2458-11-529.
28. Chiu T. It's About Time: Aging Prisoners, Increasing Costs, and Geriatric Release / T. Chiu. – New York : Vera Institute of Justice, –2010. – 16 p.
29. Geitona M. Health status and access to health services of female prisoners in Greece: a cross-sectional survey / M. Geitona, S. O. Milioni // BMC Health Services Research. – 2016. – Vol. 16. – Art. 243. – DOI: 10.1186/s12913-016-1506-3.
30. Уткин В. А. «Гибридные» и «мультирежимные» пенитенциарные учреждения: преимущества и риски / В. А. Уткин, М. В. Киселев, С. М. Савушкин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 29. – С. 103–113. – DOI: 10.17223/22253513/29/9.

REFERENCES

1. Medvedev S.V. On the practice of prosecutorial supervision of compliance with laws on ensuring the right to health of prisoners in the Novosibirsk region. *Prokuror = Procurator*, 2016, no. 4, pp. 76–79. (In Russ.).
2. Kurchenko V.N. Release from punishment on medical grounds: topical issues of law enforcement. *Ugolovnoe pravo*, 2017, no. 3, pp. 37–43. (In Russ.).
3. Kirilovskaya N.N. The practice of the European Court of Human Rights in relation to the Russian Federation: peculiarities and tendencies. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = Public International and Private International Law*, 2018, no. 5, pp. 3–6. (In Russ.).
4. Rozhkov S.A. International rights of treating the convicts and the Russian Federation criminal and executive legislation. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2009, no. 1 (3), pp. 125–131. (In Russ.).

5. Teplyashin P.V. Optimization principles of penal execution system of Russia in the context of European penitentiary practice. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 123–131. DOI: 10.17516/1997-1370-0539.
6. Kim K., Peterson B. *Aging Behind Bars. Trends and Implications of Graying Prisoners in the Federal Prison System*. Urban Institute Publ., 2014. vi + 29 p.
7. Lungu E.V. Constitutional legal relations and pension reform as a factor in objective legal reality. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justitia*, 2019, no. 2, pp. 58–60. (In Russ.).
8. Handtke V. *Time to act: Vulnerabilities of aging prisoners in Switzerland*. München, University of Basel Publ., 2015. 259 p.
9. Wattis J. Alcohol and Old People. *British Journal of Psychiatry*, 1983, vol. 143, iss. 3, pp. 306–307. DOI: 10.1192/bjp.143.3.306.
10. Frottier P., Ritter K., Frühwald S., König F., Bauer P. Correlation between suicide risk, time spent in prison and vulnerability profile of people in confinement. *European Psychiatry*, 2000, vol. 15, iss. S2, pp. 415–416. DOI: 10.1016/S0924-9338(00)94753-9.
11. Pekala-Wojciechowska A., Kacprzak A., Pekala K., Chomczyńska M., Chomczyński P., Marczak M., Kozłowski R., Timler D., Lipert A., Ogonowska A., Rasmus P. Mental and Physical Health Problems as Conditions of Ex-Prisoner Re-Entry. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021, vol. 8, iss. 14, art. 7642. DOI: 10.3390/ijerph18147642.
12. Coid J., Yang M., Ullrich S., Roberts A. Adult prisons in England and Wales. *Psychiatric Bulletin*, 2007, vol. 31, iss. 7, p. 275. DOI: 10.1192/pb.bp.107.015362.
13. Teplyashin P.V., Teplyashina E.A. Execution of deprivation of liberty for older convicts: prospects for extension implementation of the principle of differentiation. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2019, vol. 3, iss. 40, pp. 87–96. (In Russ.).
14. Handtke V., Wangmo T. Ageing prisoners' views on death and dying: contemplating end-of-life in prison. *Journal of Bioethical Inquiry*, 2014, vol. 11, iss. 3, pp. 373–386. DOI: 10.1007/s11673-014-9548-x.
15. Sereda E.V. Conformity of medical care of penitentiary inmates to the international standard rules for the treatment of prisoners. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2016, no. 8, pp. 28–30. (In Russ.).
16. Vishnevskaya T.I. Specificity of determination of gerontological crime. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2020, no. 1, pp. 61–69. DOI: 10.51980/2542-1735_2020_1_61. (In Russ.).
17. Anikina E., Ivankina L., Taran E. The analysis of the current provision of older people in Russia with financial and social resources compared to previous generations, in: *Innovation Management and Sustainable Economic Competitive Advantage: From Regional Development to Global Growth, IBIMA 2015*, Proceedings of the 26th International Business Information Management Association Conference, 2015, pp. 1231–1237.
18. Zaitceva L., Kursova O., Khilchuk E. Validity and consequences of increasing the retirement age. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2019, no. 2, pp. 144–155. (In Russ.).
19. Handtke V., Bretschneider, W., Elger, B., Wangmo, T. The collision of care and punishment: Aging prisoners' view on compassionate release. *Punishment & Society*, 2017, vol. 19, iss. 1, pp. 5–22. DOI: 10.1177/1462474516644679.
20. Kiselev M.V., Ivashko N.N. Peculiarities of educational work with elderly and disable prisoners. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, 2015, no. 1 (29), pp. 21–24. (In Russ.).
21. Utkin V.A. Unpaid Work of Prisoners. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, no. 11 (62), pp. 76–78. (In Russ.).
22. Karabanova E.N. Problems of Systemic Penalization (Using the Example of Differentiating Criminal Liability for Crimes with Many-Object Corpus Delicti). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 271–282. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).271-282. (In Russ.).
23. Rasskazov L.P. Anglo-Saxon legal family: genesis, main features and the most important sources. *Nauchnyi zhurnal KubGAU = Scientific Journal of KubSAU*, 2015, no. 105, pp. 948–962, available at: <http://ej.kubagro.ru/2015/01/pdf/58.pdf>. (In Russ.).

24. Zaborovskaya Yu.M. The Right to Protect Health of People with Disabilities, Elderly People and People Suffering from Socially Significant Diseases Sentenced to Imprisonment. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2020, no. 1, pp. 32–36. (In Russ.).

25. Shamsunov S.Kh., Ilyintsev E.V. On the Medical Support of Persons of no Fixed Abode Released from Detention Facilities. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2020, no. 3, pp. 19–23. (In Russ.).

26. Zaborovskaya Yu.M., Vitovsky Ya.D. Separate issues of organization of medical care in relation to convicts suffering from socially significant diseases. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika = Penal Law: Legal Theory and Law Enforcement Practices*, 2020, no. 1 (23), pp. 63–67. (In Russ.).

27. Nobile C.G.A., Flotta D., Nicotera G., Pileggi C., Angelillo I.F. Self-reported health status and access to health services in a sample of prisoners in Italy. *BMC Public Health*, 2011, vol. 11, art. 529. DOI: 10.1186/1471-2458-11-529.

28. Chiu T. *It's About Time: Aging Prisoners, Increasing Costs, and Geriatric Release*. New York, Vera Institute of Justice Publ., 2010. 16 p.

29. Geitona M., Milioni S.O. Health status and access to health services of female prisoners in Greece: a cross-sectional survey. *BMC Health Services Research*, 2016, vol. 16, art. 243. DOI: 10.1186/s12913-016-1506-3.

30. Utkin V.A., Kiselev M.V., Savushkin S.M. "Hybrid" and "multiregime" penal institutions: advantages and risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2018, no. 29, pp. 103–113. DOI: 10.17223/22253513/29/9. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тепляшин Павел Владимирович – доктор юридических наук, доцент, ¹профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии, ²профессор кафедры уголовного права и криминологии

¹ Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний

² Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

¹ 654066, Россия, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49

² 660131, Россия, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: pavlushat@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6737-749X

SPIN-код РИНЦ: 5627-5059

Заборовская Юлия Михайловна – майор внутренней службы, ¹преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, ²аспирант заочной формы обучения

¹ Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний

² Красноярский государственный аграрный университет

¹ 654066, Россия, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49

² 660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90

E-mail: dum333@k.ru

ORCID: 0000-0002-8360-9377

SPIN-код РИНЦ: 2293-6914

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Pavel V. Teplyashin – Doctor of Law, Associate Professor; ¹Professor, Department of Penal Enforcement Law and Criminology; ²Professor, Department of Criminal Law and Criminology

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service

² Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

¹ 49, Oktyabr'skii pr., Novokuznetsk, 654066, Russia

² 20, Rokossovskogo ul., Krasnoyarsk, 660131, Russia

E-mail: pavlushat@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6737-749X

RCSI SPIN-code: 5627-5059

Yulia M. Zaborovskaya – Major of internal service;

¹Lecturer, Department of State and Legal Disciplines;

²Postgraduate student of correspondence education

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service

² Krasnoyarsk State Agrarian University

¹ 49, Oktyabr'skii pr., Novokuznetsk, 654066, Russia

² 90, Mira pr., Krasnoyarsk, 660049, Russia

E-mail: dum333@k.ru

ORCID: 0000-0002-8360-9377

RCSI SPIN-code: 2293-6914

Малышева Инна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, полковник внутренней службы, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний
196602, Россия, г. Пушкин, ул. Саперная, 34
E-mail: inna1108@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5937-0458
SPIN-код РИНЦ: 2798-4321

Inna V. Malysheva – PhD in Law, Associate Professor, Colonel of the Internal Service; Head, Department of Criminal Law Disciplines
St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service
34, Sapernaya ul., Pushkin, 196602, Russia
E-mail: inna1108@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5937-0458
RCSI SPIN-code: 2798-4321

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тепляшин П.В. Тенденция старения осужденных в местах лишения свободы: некоторые проблемы и пути их решения (отечественный и компаративистский аспекты) / П.В. Тепляшин, Ю.М. Заборовская, И.В. Малышева // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 145–154. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).145-154.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Teplyashin P.V., Zaborovskaya Yu.M., Malysheva I.V. Ageing of convicted prisoners: some problems and solutions (domestic and comparativistic aspects). *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 145–154. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).145-154. (In Russ.).

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

УДК 34.023

DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(1).155-164

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ РЕБЕНКА: АКТУАЛИЗАЦИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ*

Н.Н. Тарусина, Е.В. Конева, С.В. Симонова

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

10 января 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Ключевые слова

Ребенок, правоспособность, дееспособность, сфера применения, возраст, психологические характеристики, дифференциация, обязанности

Исследуются актуальные правовые аспекты содержания правосубъектности ребенка различных возрастных категорий, прежде всего его дееспособности, относительно сущности и дифференциации объема которой имеются далеко не всегда обоснованные различия в отраслях российского законодательства – частных и публичных. Анализируется значение нормативно-правовых предписаний об охране его интересов до рождения. На основе обобщения норм различных отраслей российского и зарубежного законодательства, наделяющих ребенка определенными юридическими обязанностями, выявляется необходимость включения данной конструкции и в семейное законодательство. Выводы подкрепляются данными психологической доктрины об особенностях развития ребенка в зависимости от возраста и иных факторов.

CHILD'S LEGAL PERSONALITY: ACTUALIZATION OF OPPORTUNITIES AND THEIR LIMITATIONS**

Nadezhda N. Tarusina, Elena V. Koneva, Snezhana V. Simonova

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Article info

Received –

2022 January 10

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

Keywords

Child, legal capacity, legal decision-making competency, scope, age, psychological characteristics, differentiation, duties

The subject of this research is the concept of a child's legal capacity in an interdisciplinary context and the validity of various approaches for determining the essence and scope of a child's legal capacity in terms of Russian public and private legislation and to provide suggestions for improvement.

Methodology: The authors' general research methods for cognition are: analysis, synthesis, and abstraction. This research is also based on legal acts and judicial practice, as well as on the opinions of scientists.

Results: On the one hand, differentiations in terms of the essence, structure and scope of a child's legal capacity within the branches of Russian law are justified according to the specifics of their subject and methods of legal regulation. On the other hand, the differences in approaches presented in them, especially according to age criterion, are far from universally justified, and this is especially characteristic of the active component of legal personality – or legal capacity. Thus, 14 and 16 are the ages of legal capacity in terms of constitutional law; 6, 14 and 16 for civil law; 14, 15 and 16 for labour law; 15 for medical law; 10, 14, 15, 16 for family law; etc. The law on education does not indicate any age benchmarks, being oriented towards the school education periods. At the same time, the lower boundaries of 'minimal legal capacity' are established only for the sake of civil legal relations and administrative and criminal liability. In other cases, in the assessment of a child's ability to make legally significant decisions, the law enforcement officer considers a

* Исследование выполнено в рамках Программы развития ЯрГУ, проект № П2-К-1-Г-2/2021.

** The reported study was funded by YSU Programme according to the research project No. P2-K-1-G-2/2021.

child's individual psychological characteristics. Typically this approach proves to be correct. Psychological data indicate the development of an acceptable level of cognitive ability by the age of 12; therefore, the formally enshrined concept of child consent to certain legally significant acts beginning at the age of 10 requires discussion and possible adjustment. The ages of 14 and 16 as starting points for basic elements of the legal capacity (legal personality) are reasonable and must be applied systematically; other intermediate solutions are not justified. In terms of a generally correct decision with regard to the moment when the age of legal capacity begins, it would be reasonable to correlate this with the protection of a child's interests before his/her birth. There is no unified approach to understanding a child's ability to perform legal duties: in civil law such ability is denied, while in other legal spheres it exists. As for family law, it should be assimilated into the general group.

Conclusions: the concept of a child's legal capacity requires systematization and enhancement as a prerequisite for a reasonable and justified arrangement of children's world – both within the family and in the public sphere.

1. Введение

Среди актуальных и значимых предпосылок систематизации информационного пространства вокруг ребенка – проблема выстраивания адекватной конструкции его правосубъектности. Означенная проблема исследуется в доктрине преимущественно с точки зрения сущности и объема его статуса, прежде всего семейно-правового (Н.В. Летова [1], А.М. Нечаева [2], Н.Н. Тарусина [3; 4], Н.А. Темникова [5] и др.), момента возникновения правоспособности (Н.И. Беседкина [6] и др.), а также дееспособности – гражданской, семейной, гражданско-процессуальной (Е.Л. Невзгодина [7], А.Е. Тарасова [8] и др.). При этом не представлен системный анализ нормативных решений относительно данной конструкции в различных отраслях российского законодательства, не коррелирующих между собой в этом вопросе. Явный протест в доктрине вызывает идея о внедрении конструкции обязанностей ребенка. На уровне эпизода исследуются означенные позиции во взаимодействии с психологической доктриной (достижения последней преимущественно используются в рамках судебно-экспертной проблематики сугубо прикладного назначения).

2. О моменте возникновения правоспособности

Относительно момента возникновения правоспособности ребенка в доктрине солидарны с позицией российского законодателя: таковая возникает с рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ). Однако поскольку, во-первых, в преамбуле Конвенции о правах ребенка 1989 г.¹ объявляется необходимость его

правовой защиты и до рождения, это предполагает некоторое уточнение. Во-вторых, законодательство ряда стран к означенной конвенционной позиции присоединяется [6]. В-третьих, и российская нормативистика обеспечивает охрану интересов nasciturus. Непосредственно это фиксировано в нормах ст. 1088, 1116 Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ. Опосредованно охрана осуществляется в медицинском, трудовом, социально-обеспечительном, уголовном, семейном законодательстве с помощью установления ограничений и льгот. Полагаем, что в гл. 11 «Права несовершеннолетних детей» Семейного кодекса (далее – СК) РФ следует ввести корректирующую норму (например, ст. 54 дополнить ч. 2: правоспособность ребенка возникает с момента рождения; в предусмотренных федеральным законодательством случаях охране подлежат его интересы и до рождения).

3. О правоспособности и дееспособности

Правосубъектность ребенка, и особенно ее юридически активный компонент – дееспособность, в зависимости от принадлежности данной конструкции к той или иной отрасли права, содержательно различаются (поскольку правоспособность возникает с рождения, ее прикладной контекст ограничен). В значительной мере означенная дифференциация оправдана, однако межотраслевая корреляция конструкции правосубъектности несовершеннолетних, на наш взгляд, всё же необходима.

Так, для науки конституционного права не вполне типично рассмотрение правоспособности и дееспособности как самостоятельных элементов

¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

конституционной правосубъектности, хотя отдельными учеными и утверждается, что такой подход не оправдан спецификой конституционных прав [9, с. 17–19], так как особенности возраста учитываются в содержательной динамике означенной конструкции [10, с. 41–43]. Стартуя с момента рождения, наиболее значимыми компонентами конституционная правосубъектность несовершеннолетних наполняется в 14 и 16 лет [11, с. 221–223]. Так, с 14 лет согласие ребенка становится необходимым условием приобретения или прекращения им российского гражданства², с этого возраста ему также открываются возможности участия в реализации молодежной политики³. В то же время в соответствии с законодательством, например, о местном самоуправлении, возрастной ценз участия несовершеннолетних в реализации консультативных форм муниципального народовластия связан с более старшим возрастом – 16 лет⁴. С этого же возраста возникает право выступать организатором собраний и митингов.

Как видим, по мере взросления (и формирования личности) несовершеннолетние наделяются законодателем большим спектром возможностей по реализации ключевых гражданских свобод – свободы мнений, объединений, собраний и участия в осуществлении публичной власти. Однако в науке по-прежнему остается дискуссионным вопрос о том, в каком виде существуют отмеченные свободы до достижения индивидом возраста 14 / 16 / 18 лет – в состоянии «усеченных» по своему содержанию прав (компонент правоспособности) либо в состоянии ограниченных возможностей их реализации (компонент дееспособности). Например, некоторые ученые отрицают возможность признания детей субъектами свободы мнений из соображений ограниченных возможностей ребенка по совершению осознанного выбора. С другой стороны, критики данной концепции справедливо обращают внимание на то, что специфика осуществления ребенком своих прав еще не означает отсутствие этих прав, а само по себе признание ребенка субъектом свободы мнений вносит вклад в развитие ребенка как личности и гражданина [12, с. 29–30]. Этот вклад имеет особое значе-

ние в рамках взаимосвязи свободы слова и права на информацию, а последнее является одной из предпосылок для реализации значительного числа иных конституционных прав [13, с. 83].

В целом отсутствие четкой законодательной позиции в отношении возраста обладания и осуществления некоторых гражданских свобод имеет совершенно неожиданный эффект в сфере свободы собраний. Хотя законодатель и не ограничивает возраст участников публичных мероприятий (что приветствуется конституционалистами [14, с. 53–54]), положения ст. 20.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), которыми вводится административная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в участие в несанкционированном публичном мероприятии, проецируют снижение соответствующей активности детей [15, с. 55, 58].

В зарубежной правовой доктрине предложена концепция, в рамках которой все оттенки детского участия в общественной жизни рассматриваются в виде ступеней так называемой «лестницы участия». Ее уровни начинаются с различных форм манипуляций детским мнением (например, вовлечение в политические мероприятия по «взрослым» вопросам социальной жизни) – до истинных и осознанных проявлений детской активности, инициируемой и направляемой самими детьми [16, р. 6–13]. Логично, что законодательное регулирование должно сдерживать проявления первых форм и создавать условия для развития осознанных форм участия, занимающих высшие ступени «лестницы». Например, в настоящее время в России отсутствует комплексный подход, направленный на адресное создание условий для развития детской гражданской активности в Интернете. Напротив, меры в направлении реализации права на безопасность в цифровой среде предпринимаются, причем в последние годы эти меры выходят на новый уровень, озаглавленный развитием сотрудничества государства с цифровыми корпорациями (в 2021 г. интернет-компаниями в России подписана Хартия «Цифровая этика детства»⁵). Однако многие вопросы, касающиеся обеспечения лич-

² Часть 2 ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031).

³ Статья 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28).

⁴ Часть 2 ст. 26.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822).

⁵ См.: Хартия «Цифровая этика детства» // Альянс по защите прав детей в цифровой среде. URL: <https://internetforkids.ru/charter/> (дата обращения: 20.12.2021).

ной безопасности индивида в цифровой среде, всё еще требуют законодательного внимания [17, с. 26–28], в том числе в контексте соразмерности действий по защите безопасности, здоровья и развития детей, чтобы не создавались непреодолимые барьеры реализации иных прав. В связи с невозможностью полного отождествления интересов родителей и детей в цифровой среде на законодательном уровне следует предусмотреть дополнительные гарантии защиты ребенком своего права на персональные данные и права на доступ к информации [18, с. 32].

В классической цивилистике правосубъектность (в контексте ее активного компонента – дееспособности) выстраивается несколько иначе. ГК РФ в нормах ст. 21, 26, 28 дифференцирует ее в 6, 14 и 16 лет. При этом «минидееспособность» и статус 6-летнего не являются очевидными конструкциями: в доктрине отмечается, что далеко не все действия по совершению формально допустимых для него сделок могут им реально совершаться, т. е. в этом смысле часть возможностей квалифицируется в качестве декларативных и практически игнорируемых [7, с. 129–135]. Видимо, этот аспект дееспособности требует уточнения. Правило п. 2 ст. 54 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предписывает испрашивать информированное согласие на акты медицинского вмешательства не с 14, а с 15 лет. Норма ст. 43 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» отличается неопределенностью: обучающиеся (без указания возраста) обязаны осваивать образовательную программу, выполнять требования локальных актов образовательного учреждения, уважать честь и достоинство других обучающихся и работников и т. д. И апофеоз: за неисполнение ряда обязанностей (перечислены в п. 4 ст. 43) обучающиеся (кроме дошкольного возраста и младших классов) подлежат дисциплинарной ответственности (п. 5 ст. 43) – это уже далеко не «минидееспособность». В сфере труда акцент сделан на 16-летнем возрасте (ст. 20 Трудового кодекса (далее – ТК) РФ), однако при допущении, на определенных условиях, труда с 14 и 15 лет, а также и в более младшем возрасте (ст. 63 ТК РФ). При этом, несмотря на «генетическую связь» трудового права с правом гражданским, в трудовоправовой доктрине вопрос о дееспособности как самостоятельной компоненте трудовой правосубъектности остается дискуссионным, а прямое применение цивилистической конструкции дееспособности

14-летнего в качестве общего правила – нецелесообразным [19, с. 163–166].

Норма ст. 2.3 КоАП РФ для привлечения к административной ответственности определяет минимальный возраст в 16 лет (при его индивидуализации – с учетом уровня развития и других особенностей несовершеннолетнего). В соответствии с предписаниями ст. 20 Уголовного кодекса РФ общий возраст уголовной ответственности установлен в 16 лет, а за особо тяжкие преступления – с 14 лет (с допущением освобождения от нее вследствие отставания лица в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, его неспособности в полной мере осознавать значение своего поступка и руководить своими действиями). Судя по законодательным текстам, это единственные случаи прямого закрепления возможности дифференциации деликтоспособности несовершеннолетнего гражданина именно в зависимости от уровня осознания своего поступка, вплоть до освобождения от таковой. Гражданско-правовой контекст дифференциации ответственности, напротив, основан на формальных критериях (ст. 26 и 1074 ГК РФ).

Не вполне обоснованная возрастная дифференциация наблюдается и внутри семейного законодательства, которое объективно содержит наиболее богатый ассортимент позиций. СК РФ фиксирует несколько возрастных точек отсчета: до 10 лет мнение ребенка по вопросам семьи, затрагивающим его интересы, уполномоченными субъектами принимается во внимание; с 10 лет это мнение учитывается в обязательном порядке, с обоснованием принятия административного или судебного решения, не совпадающего с позицией ребенка [20, р. 25–29], с этого же возраста в юридический оборот запускается конструкция обязательного согласия ребенка на совершение ряда семейно-правовых актов (ст. 57 СК РФ). При этом «правовые качели» в семейном законе используются весьма активно и затейливо. Так, несовершеннолетний родитель внебрачного ребенка вправе самостоятельно предъявлять иск в суд об установлении своего отцовства с 14 лет (ст. 62 СК РФ), а несовершеннолетний (даже и старше 14 лет) – обращаться с иском о судебном отыскании своего внебрачного отца вообще не вправе (ст. 49 СК РФ). Минимальный возраст «взрослого родителя» в браке может наступить в 14 лет, а вне брака – в 16 (ст. 62 СК РФ). В перечень случаев, требующих обязательного согласия ребенка с 10 лет, не включаются вопросы реализации права родственников на общение с ребенком и на оспаривание / установление отцовства

другого лица (в ситуации, когда положительное решение может разрушить благополучную семью). Следует также заметить, что региональная дифференциация правила о снижении брачного возраста ниже установленного федеральным законодательством (ч. 2 ст. 13 СК РФ) в большинстве случаев отнюдь не обусловлена, как это было задумано законодателем, национально-культурной спецификой территорий, поскольку разнообразие (14 или 15 лет) наблюдается повсеместно. Поскольку же заключение столь юного брачного союза ведет к приобретению полной гражданской дееспособности, мы имеем очевидную необоснованную «разногололицу» в этом вопросе, которую можно квалифицировать как юридический нонсенс. Очевидно также, что далеко не все дети 10-летнего возраста способны самостоятельно принимать сколько-нибудь обоснованное решение по тем или иным семейным вопросам, хотя некоторые из них соответствующими психологическими предпосылками обладают. Определенные сомнения возникают и в адрес 14-летнего. Однако в этом-то и состоит не психологический, а именно «юридический фокус»: в одних случаях законодатель этими соображениями и сомнениями руководствуется, а в других, сходных по сущности и значимости, — нет. Несистемный подход законодателя удручает. В то же время, в отличие от гражданско-правового решения об установлении минимального возраста в 6 лет, в семейно-правовой сфере, в которой доминируют отношения личного характера, мы бы воздержались от формального подхода, сосредоточив акценты на оценке индивидуальности ребенка и ситуации вокруг него.

Самостоятельная защита несовершеннолетним своих прав и интересов, инициативное заявление своего мнения в суде (или по решению суда) в рамках гражданского (да и административного) судопроизводства до настоящего времени не сопряжена с четкой фиксацией процессуальной правосубъектности. Так, нормы ст. 37 Гражданского процессуального кодекса (далее — ГПК) РФ явным образом устанавливают лишь процессуальное положение полностью дееспособного несовершеннолетнего гражданина, в остальных же случаях дается указание о представительстве интересов ребенка и о возможности привлечения в процесс самого ребенка — с 14 лет, до указанного возраста как само участие в судебном разбирательстве, так и статус ребенка не определены. В доктрине это подвергается справедливой критике [21, с. 67], однако решение до сих пор не принято. Разумеется, оно, в проектом плане, должно учитывать

и психотравмирующий контекст означенного участия [22, с. 44]. Данная правовая неопределенность требует устранения либо в рамках норм ст. 37 ГПК РФ, либо путем внедрения в процессуальные кодексы специальной главы об особенностях участия несовершеннолетних в судебном процессе.

Проблема критериев степени «взрослости» ребенка, будучи по сути юридической, прямо затрагивает и область психологической науки, занимающейся закономерностями развития человека. То, что формально закрепленный возраст (прежде всего — 14 лет) не дает убедительного представления о когнитивных и поведенческих особенностях, не требует доказательств. Соответственно, для определения степени дееспособности необходимо искать психологический аналог юридическому понятию, для чего в психологической науке выработан алгоритм, согласно которому существуют так называемые экспертно-психологические понятия. Они представляют собой результат адаптации юридической феноменологии и терминологии к возможностям психологической диагностики. Последняя работает с показателями, которые поддаются измерению с помощью психодиагностических методик и могут служить средством выявления степени дееспособности несовершеннолетнего индивида в отношении тех или иных требований или возможностей, которые определены законодательством. Данная экспертная задача систематически решается в основном в рамках уголовного права [23, с. 229], но она требует рассмотрения и применительно к иным видам дееспособности несовершеннолетних. Эволюция ответственности завершается у человека в период ранней юности. Условиями формирования ответственности являются те обязательства, которые сначала родители, а потом социум накладывают на ребенка [24, с. 5]. Это не отменяет индивидуальной вариативности в становлении тех психологических структур, которые обеспечивают правовую дееспособность (восприятия, памяти, мышления, рефлексивных способностей, мотивации) [25, р. 723–725], что возвращает нас к вопросу о необходимости выработки психологических критериев и показателей данного комплекса индивидуальных особенностей для обеспечения проектирования правовых новелл и их реализации. Необходимо иметь в виду и те условно нормативные психологические новообразования, которые свойственны возрастному развитию в разные его периоды. Так, возраст 10 лет, являющийся своеобразной точкой отсчета для определения, например, способности детей выбирать место жительства

с отцом или матерью, тем более – выстраивания позиции в рамках конструкции согласия на усыновление / удочерение и т. п., принадлежит к тому периоду возрастного развития, который определяется как «младший школьный возраст» [26, с. 55]. Этот период – время интенсивного формирования у человека абстрактного мышления, при этом процесс этого формирования в данном возрасте не заканчивается. По сути, говорить о развитом абстрактном мышлении мы можем начиная с подросткового возраста, т. е. приблизительно с 12 лет. Для юридической практики данное обстоятельство, на наш взгляд, принципиально. Отвечая на соответствующие вопросы суда или экспертов, дети обычно ориентируются на внешние, несущественные детали той реальности, которой посвящено судебное разбирательство. Следовательно, необходимо продолжить размышление в юридической доктрине (во взаимодействии с психологической) о возможной корректировке возрастного «размаха» при определении содержания и объема детской и подростковой дееспособности, например, об увеличении по некоторым позициям возраста лица, интересы которого этими позициями затрагиваются, до 12 лет, если следование этим законодательным нормам требует от человека развитого когнитивного потенциала. Причем речь идет не только о мышлении. Немалую роль играют характеристики внимания. Принятие решения по многим вопросам, связанным в том числе с семейным статусом человека, требует учета значительного количества обстоятельств, связей, последствий. Применительно к абстрактным правовым нормам эти особенности внимания также предполагают высокий уровень развития, несвойственный детям младшего школьного возраста.

4. Об обязанностях

Своеобразное противостояние семейного закона другому отраслевому законодательству о содержании правосубъектности ребенка наблюдается в вопросе применимости к нему конструкции обязанности. Так, в гл. 11 СК РФ, посвященной ребенку как субъекту семейного права, ни разу не упоминается о каком бы то ни было его долженствовании перед родителями и другими законными воспитателями. Абсолютное большинство цивилистов полагает данную позицию верной ввиду недееспособности ребенка. Между тем с означенной позицией не наблюдалось согласия еще в советской цивилистике: фиксация в кодексе прав родителей по отношению к детям явным образом должна свидетельствовать о возложении на последних обязанностей,

корреспондирующих этим правам; родителям, по умолчанию закона, разрешено применять к детям непротивоправные методы воспитательного воздействия – значит, налицо «правовая охрана возлагаемых на детей обязанностей» [27, с. 238–239].

Поскольку в СК РФ, как мы уже отметили ранее, элементы дееспособности ребенка явно усилены, тезис об отсутствии у него таковой дееспособности как решающего аргумента к тезису о недопустимости возложения на него обязанностей не работает: не бессознательно же 10-летний ребенок в форме обязательного письменного согласия выражает свое отношение к ряду семейно-правовых актов; в 14 лет несовершеннолетний, продолжая оставаться «ребенком» (ст. 54 СК РФ), принимает значимые решения в сфере брака, внебрачного родительства, а также защиты своих прав и интересов (ст. 57 СК РФ). Данному тезису противостоят также означенные нами ранее положения о дисциплинарной и уголовной ответственности. Или, в угоду доминирующей точке зрения, подобные юридические фиксации следует квалифицировать как право несовершеннолетнего подвергнуться претерпеванию неблагоприятных мер юридической ответственности? Дополнительным аргументом против конструкции «детской обязанности» в сфере семьи является соображение о ее декларативном характере. Однако, во-первых, законодатель отнюдь не избегает деклараций, впрямую не подкрепленных санкциями, например: «Супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи...» (п. 3 ст. 31 СК РФ). Во-вторых, зарубежные законодатели употребляют в тексте семейного закона нравственные конструкты в отношениях родителей и детей отнюдь не чураются. Например, нормы СК Болгарии призывают детей уважать своих родителей, бабушку и бабушку и помогать им (ст. 69–70); правило ст. 1619 Гражданского уложения Германии сообщает детям, что они должны посильным способом помогать родителям в домашнем хозяйстве и их делах, и т. д. [28, с. 27–28]. При этом психологически обоснованное включение детей в систему юридически закрепленных прав и обязанностей внутри семьи является не только инструментом упорядочения соответствующих разделов законодательства, но и поддерживает решающую роль семьи в правовой социализации детей [29, с. 5–7]. Следовательно, реализация детьми тех элементов дееспособности, которые связаны с семейным функционированием, – одно из ключевых средств их взросления, подготовки к преодолению трудностей взрослого пути [30, с. 27–29].

5. Заключение

Конструкция правосубъектности ребенка, независимо от ее отраслевой принадлежности, предполагает как «пассивный» компонент (в образе правоспособности), так и активный (дееспособность). Объемы того и другого существенно разнятся по критерию возраста. При этом межотраслевого единодушия в этом вопросе нет. Как правило, минимальный возрастной барьер не определен. Полагаем это оправданным, поскольку позволяет правоприменителю учесть индивидуальные особенности ребенка и специфику ситуации. В то же время последующие возрастные градации целесообразно подвергнуть дополнительной аналитике, в том числе на основе

данных психологической доктрины, согласно которым 10-летний возраст не является достаточным для принятия юридически значимых решений (это касается как семейного, так и образовательного законодательства); скорее данному критерию отвечает возрастная группа с 12 лет. Не является обоснованной и дифференциация внутри возрастной группы 14–16 лет. Полагаем, что цивилистическое представление о частичной дееспособности несовершеннолетнего (с 14 лет) и допущение его эмансипации (с 16 лет) может быть принято за основу нормативных решений. Это их гармонизирует и не нанесет урона суверенности отраслей российского права и законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Letova N. Legal status of a child in family legislation of the Russian Federation and CIS: comparative legal analysis / N. Letova, I. Kozhokar // Russian Law Journal. – 2019. – Vol. 7, iss. 3. – P. 82–106. – DOI: 10.17589/2309-8678-2019-7-3-82-106.
2. Нечаева А. М. Защита семейных прав ребенка и охрана его детства / А. М. Нечаева // Государство и право. – 2018. – № 7. – С. 91–98. – DOI: 10.31857/S013207690000225-9.
3. Tarusina N. European experience and national traditions in Russian family law / N. Tarusina // Russian Law Journal. – 2015. – Vol. III, iss. 2. – P. 97–108. – DOI: 10.17589/2309-8678-2015-3-2-97-108.
4. Tarusina N. Russian family legislation: revolution, counter-revolution, evolution / N. Tarusina, E. Isaeva // BRICS Law Journal. – 2017. – Vol. 4, iss. 4. – P. 65–92.
5. Темникова Н. А. Понятие и классификация семейных личных неимущественных прав ребенка / Н. А. Темникова // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2010. – № 2 (23). – С. 82–89.
6. Беседкина Н. И. Права неродившегося ребенка / Н. И. Беседкина // Государство и право. – 2006. – № 4. – С. 54–60.
7. Невзгодина Е. Л. Представительство. Гражданско-правовой аспект / Е. Л. Невзгодина. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2007. – 552 с.
8. Тарасова А. Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях / А. Е. Тарасова. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 320 с.
9. Зайцева А. М. Начало жизни человека как граница конституционной правоспособности / А. М. Зайцева // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 10. – С. 17–25.
10. Конституционное право : университет. курс : в 2 т. / под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. – М. : Проспект, 2016. – Т. II. – 480 с.
11. Евстифеев Д. М. Правосубъектность малолетних и несовершеннолетних лиц как элемент конституционного статуса личности // Вопросы управления. – 2014. – № 3. – С. 219–225.
12. Ситкова О. Ю. Правовая природа права ребенка на доступ к информации и его ограничение в целях защиты ребенка от информации, наносящей вред психическому здоровью и развитию // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 1. – С. 27–30. – DOI: 10.18572/1999-477X-2021-1-27-30.
13. Иванова К. А. Свобода слова и право на доступ к информации в условиях формирования системы международной информационной безопасности / К. А. Иванова, М. Ж. Мылтыкбаев // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 80–93. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).80-93.
14. Нудненко Л. А. Тенденции развития конституционных прав и свобод личности на современном этапе развития Российской Федерации / Л. А. Нудненко // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 9. – С. 52–55.
15. Саленко А. В. Свобода мирных собраний: «детские митинги» и «взрослые санкции» / А. В. Саленко // Журнал российского права. – 2019. – № 8. – С. 48–61. – DOI: 10.12737/jrl.2019.8.5.

16. Hart R. A. Children's participation: from tokenism to citizenship / R. A. Hart. – Florence : UNICEF International Child Development Centre, 1992. – 39 p. – (Innocenti Essays; No. 4).
17. Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 7. – С. 23–28.
18. Симонова С. В. Информационная безопасность несовершеннолетних в цифровой среде: материально-правовые и процессуальные аспекты / С. В. Симонова // Социально-юридическая тетрадь. – 2020. – № 10. – С. 26–37.
19. Лушников А. М. Трудовое право / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – М. : Проспект, 2021. – 768 с. – DOI: 10.31085/9785392335213-2021-768.
20. Kravchuk N. The child's Right to Express his/her Views in the Context of Russian Culture and Democracy / N. Kravchuk // Russian Law Journal. – 2014. – Vol. II, iss. 3. – P. 23–48.
21. Осокина Г. Л. Курс Гражданского судопроизводства России / Г. Л. Осокина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 616 с.
22. Ионова Д. Ю. Актуальные проблемы судебной защиты прав несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет / Д. Ю. Ионова, С. К. Казиханова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 8. – С. 42–48.
23. Ошевский Д. С. Клинико-психологические аспекты экспертной оценки уголовно-процессуальной дееспособности у несовершеннолетних обвиняемых / Д. С. Ошевский, С. А. Терехина, Е. Г. Дозорцева, В. Д. Бадмаева, И. А. Чибисова, К. В. Сыроковашина, Н. А. Александрова // Психология и право. – 2018. – Т. 8, № 3. – С. 226–239. – DOI: 10.17759/psylaw.2018080316.
24. Смирнова А. Р. Ответственность как высшая психическая функция личности (на примере концепции Л.С. Выготского) / А. Р. Смирнова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 2. – С. 1–10. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/09PSMN220.pdf>.
25. Viljoen J. L. Competence to waive interrogation rights and adjudicative competence in adolescent defendants: Cognitive development, attorney contact, and psychological symptoms / J. L. Viljoen, R. Roesch // Law and Human Behavior. – 2005. – Vol. 29, no. 6. – P. 723–742. – DOI: 10.1007/s10979-005-7978-y.
26. Эльконин Д. Б. Введение в детскую психологию / Д. Б. Эльконин // Эльконин Д. Б. Избр. психол. тр. / Д. Б. Эльконин. – М. : Педагогика, 1989. – С. 26–60.
27. Иоффе О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе. – М., 1965. – Т. 3. – 495 с.
28. Матвеева Н. А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран / Н. А. Матвеева // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 6. – С. 25–28. – DOI: 10.18572/1999-477X-2020-6-25-28.
29. Борисова С. Е. Правовая социализация личности как феномен правовой психологии / С. Е. Борисова // Психология и право. – 2016. – Т. 6, № 4. – С. 5–15. – DOI: 10.17759/psylaw.2016060402.
30. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры / Н. Н. Тарусина // Lex russica. – 2022. – Т. 75, № 10. – С. 17–32. – DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032.

REFERENCES

1. Letova N., Kozhokar I. Legal status of a child in family legislation of the Russian Federation and CIS: comparative legal analysis. *Russian Law Journal*, 2019, vol. 7, iss. 3, pp. 82–106. DOI: 10.17589/2309-8678-2019-7-3-82-106.
2. Nechaeva A. Protection of family rights of the child and protection of his childhood. *Gosudarstvo i pravo*, 2018, no. 7, pp. 91–98. DOI: 10.31857/S013207690000225-9. (In Russ.).
3. Tarusina N. European experience and national traditions in Russian family law. *Russian Law Journal*, 2015, vol. III, iss. 2, pp. 97–108. DOI: 10.17589/2309-8678-2015-3-2-97-108.
4. Tarusina N., Isaeva E. Russian family legislation: revolution, counter-revolution, evolution. *BRICS Law Journal*, 2017, vol. 4, iss. 4, pp. 65–92.
5. Temnikova N.A. Determination and classification of family personal non-property rights of the child. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2010, no. 2 (23), pp. 82–89. (In Russ.).
6. Besedkina N.I. Rights of the unborn child. *Gosudarstvo i pravo*, 2006, no. 4, pp. 54–60. (In Russ.).
7. Nevzgodina E.L. *Representation. Civil law aspect*. Omsk, Omsk State University Publ., 2007. 552 p. (In Russ.).

8. Tarasova A.E. *Legal personality of citizens. Features of the legal personality of minors, their manifestation in civil relations*, Monograph. Moscow, Walters Kluver Publ., 2008. 320 p. (In Russ.).
9. Zajceva A.M. Beginning of human life as a boundary of the constitutional legal capacity. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2012, no. 10, pp. 17–25. (In Russ.).
10. Kazannik A.I., Kostyukov A.N. (eds.). *Constitutional law, university course*, in 2 volumes. Moscow, Prospekt Publ., 2016. Vol. II. 480 p. (In Russ.).
11. Evstifeev D.M. Legal personality of minors as an element of the constitutional status of individuals. *Voprosy upravleniya = Management Issues*, 2014, no. 3, pp. 219–225. (In Russ.).
12. Sitkova O.Yu. The Legal Nature of the Child's Right to Access Information and the Restriction Thereof to Protect a Child Against Information Detrimental to the Mental Health and Development of Minors. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2021, no. 1, pp. 27–30. DOI: 10.18572/1999-477H-2021-1-27-30. (In Russ.).
13. Ivanova K.A., Myltykbaev M.Zh. The freedom of speech and right of access to information in the emerging system of international information security. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 80–93. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).80-93. (In Russ.).
14. Nudnenko L.A. Tendencies of the development of human constitutional rights and freedoms on the modern stage of the development of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2019, no. 9, pp. 52–55. (In Russ.).
15. Salenko A.V. Freedom of peaceful assembly: “children’s meetings” and “adult sanctions”. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 8, pp. 48–61. DOI: 10.12737/jrl.2019.8.5. (In Russ.).
16. Hart R.A. *Children’s participation: from tokenism to citizenship*, Innocenti Essays; No. 4. Florence, UNICEF International Child Development Centre Publ., 1992. 39 p.
17. Avakyan S.A. The information space of knowledge, digital world and constitutional law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2019, no. 7, pp. 23–28. (In Russ.).
18. Simonova S.V. Children’s cyber security: substantive and procedural aspects. *Sotsial'no-yuridicheskaya tetrad'*, 2020, no. 10, pp. 26–37. (In Russ.).
19. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. *Labor law*. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 768 p. DOI: 10.31085/9785392335213-2021-768. (In Russ.).
20. Kravchuk N. The right of the child to express their views in the context of Russian culture and democracy. *Russian Law Journal*, 2014, vol. II, iss. 3, pp. 23–48.
21. Osokina G.L. *Course of Civil Procedure of Russia*. Tomsk, Tomsk University Publ., 2002. 616 p. (In Russ.).
22. Ionova D.Yu., Kazikhanova S.K. Actual problems of judicial protection of the rights of minors under the age of fourteen. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2021, no. 8, pp. 42–48. (In Russ.).
23. Oshevsky D.S., Terekhina S.A., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D., Chibisova I.A., Syrokvashina K.V., Aleksandrova N.A. Clinical and psychological aspects of the expert evaluation of competency to stand trial in juvenile offenders. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 226–239. DOI: 10.17759/psylaw.2018080316. (In Russ.).
24. Smirnova A.R. Responsibility as the highest mental function of personality on the example of the concept of L.S. Vygotsky. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2020, no. 2, pp. 1–10, available at: <https://mir-nauki.com/PDF/09PSMN220.pdf>. (In Russ.).
25. Viljoen J.L., Roesch R. Competence to waive interrogation rights and adjudicative competence in adolescent defendants: Cognitive development, attorney contact, and psychological symptoms. *Law and Human Behavior*, 2005, vol. 29, no. 6, pp. 723–742. DOI: 10.1007/s10979-005-7978-y.
26. Elkonin D.B. Introduction to child psychology, in: Elkonin D.B. *Selected psychological works*, Moscow, Pedagogika Publ., 1989, pp. 26–60. (In Russ.).
27. Ioffe O.S. *Soviet civil law*, vol. 3. Moscow, 1965. 495 p. (In Russ.).
28. Matveeva N.A. The Institution of Child’s Obligations in Laws of Foreign Countries. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2020, no. 6, pp. 25–28. DOI: 10.18572/1999-477X-2020-6-25-28. (In Russ.).
29. Borisova S.E. Legal socialization of personality. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 5–15. DOI: 10.17759/psylaw.2016060402. (In Russ.).

30. Tarusina N.N. Age as a Legal Fact in the Family Sphere: Temptations and Conventionality of the Number of Years. *Lex russica*, 2022, vol. 75, no. 10, pp. 17–32. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14
E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID: 0000-0001-8827-5532
ResearcherID: S-3971-2016
SPIN-код РИНЦ: 5565-5523

Конева Елена Витальевна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14
E-mail: ev-kov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6981-0341
ResearcherID: ABG-7496-2021
SPIN-код РИНЦ: 4684-1926

Симонова Снежана Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры социального и семейного законодательства Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14
E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9960-911X
SPIN-код РИНЦ: 4107-9869

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тарусина Н.Н. Правосубъектность ребенка: актуализация возможностей и их ограничения / Н.Н. Тарусина, Е.В. Конева, С.В. Симонова // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 155–164. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).155-164.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Nadezhda N. Tarusina – PhD in Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation; Head, Department of Social and Family Legislation P.G. Demidov Yaroslavl State University
14, Sovetskaya ul., Yaroslavl, 150003, Russia
E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID: 0000-0001-8827-5532
ResearcherID: S-3971-2016
RCSI SPIN-code: 5565-5523

Elena V. Koneva – Doctor of Psychology, Associate Professor; Head, Department of General Psychology P.G. Demidov Yaroslavl State University
14, Sovetskaya ul., Yaroslavl, 150003, Russia
E-mail: ev-kov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6981-0341
ResearcherID: ABG-7496-2021
RCSI SPIN-code: 4684-1926

Snezhana V. Simonova – PhD in Law, Associate Professor, Department of Social and Family Legislation P.G. Demidov Yaroslavl State University
14, Sovetskaya ul., Yaroslavl, 150003, Russia
E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9960-911X
RCSI SPIN-code: 4107-9869

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tarusina N.N., Koneva E.V., Simonova S.V. Child's legal personality: actualization of opportunities and their limitations. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 155–164. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).155-164. (In Russ.).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

AUTHOR GUIDELINES

1. Требования к содержанию публикации

Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлению «Юриспруденция», соответствующие тематике разделов журнала.

К публикации помимо оригинальных статей, отражающих результаты научных исследований, направленных на изучение закономерностей правоприменительной деятельности в различных сферах, принимаются также комментарии законодательства, лекции, рецензии, обзоры литературы, а также научных мероприятий, затрагивающие вопросы применения широкого спектра правовых норм.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях. В исключительных случаях по решению редакционной коллегии могут публиковаться ранее опубликованные результаты исследований, имеющих наибольшую значимость, с обязательным указанием источника первоначальной публикации.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование. Авторы должны соблюдать правила цитирования, а также иные требования этики научных публикаций (COPE), гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Требования к предоставляемым документам

Автор предоставляет:

1) Реферат статьи объемом около 3 тыс. знаков на английском языке, подготовленный носителем языка либо профессиональным переводчиком. Реферат должен включать предмет исследования, цель статьи (в виде подтверждения или опровержения научной гипотезы), описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах, выводы о достижении цели исследования. Реферат на русском языке не публикуется. Реферат предоставляется в том же файле, что и текст статьи.

2) Текст статьи. **Статья в обязательном порядке должна быть структурирована, каждый раздел статьи – поименован. В обязательном порядке введении должна быть отражена постановка проблемы, ее актуальность, краткий обзор опубликованной по данной тематике научной литературы. В заключении – выводы о разрешении поставленной научной проблемы. В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее 25 источников, имеющих автора, в научном обзоре – не менее 50–80. В том числе необходимо указать не менее 5–8 источников, индексируемых в Web of Science или Scopus. Самоцитирование автора допускается не более 20 % от количества источников в списке.**

Объем статьи должен составлять не менее 30 тыс. и не более 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Приоритетная форма представления статей: посредством заполнения формы на сайте журнала <https://enforcement.omsu.ru>. Статьи и другие материалы для публикации также могут быть направлены в электронном виде по e-mail: omsk.ler@gmail.com, либо направлены почтой по адресу редакции: 644065, Россия, Омская область, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзов, д. 100/1, каб. 311, А.Н. Костюкову.

3. Требования к оформлению статьи

Статья оформляется в соответствии со следующими требованиями:

1) Индекс УДК располагается в левом верхнем углу страницы, ниже по центру прописными буквами указывается название статьи, на следующей строке строчными буквами указываются инициалы и фамилия автора, а также организация, которую он представляет.

2) Со следующей строки с выравниванием по ширине страницы дается аннотация (не менее 800 знаков) и ключевые слова (8–10), выделенные курсивом. Ниже размещается текст на английском языке в том же оформлении, что и на русском: инициалы и фамилия автора, сведения о нем, название статьи, реферат около 2 тыс. знаков (на англ. яз.) и ключевые слова. Текст статьи начинается на этой же странице. Сведения о поддержке исследования грантом размещаются в сноске, привязанной к заголовку статьи. В статье в обязательном порядке выделяются разделы, каждый раздел должен быть поименован.

3) В конце статьи приводятся данные об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, почетные звания (при наличии), должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора, контактные телефоны, SPIN-код в системе ScienIndex, ORCID, ResearcherID (при наличии).

4) Таблицы располагаются после первого упоминания о них в тексте. Нумерация таблиц и рисунков сквозная по статье.

5) Рисунки располагаются после первого упоминания о них в тексте и могут выполняться следующим образом:

- во встроенном графическом редакторе MS Word;
- в графических редакторах (Adobe Photoshop, CorelDraw и т. п.);
- в векторном графическом редакторе Microsoft Visio и т. п.

4. Требования к оформлению ссылок

– В конце статьи должен помещаться список литературы (с целью определения рейтинга цитируемости). Публикации в нем оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003. **Список составляется в порядке упоминания работ в тексте статьи. Каждая работа имеет только один порядковый номер, в случае неоднократной ссылки на нее в тексте указывается каждый раз только этот номер.** В списке литературы название работы дается только один раз, в нем не допускаются указания «там же», «его же», «цит. по:» и т. п.

В случае, если источник имеет DOI, его указание обязательно.

– В тексте следует ссылаться следующим образом: в квадратных скобках ставится номер в порядке упоминания источника в тексте статьи с указанием страниц – [1, с. 34], (см., напр.: [2, с. 56]), (цит. по: [6, с. 88]), в случае ссылки на несколько номеров – [1, с. 55; 2, с. 346; 3, с. 78]. Если имеется в виду ссылка на работу в целом, то в тексте страницы допустимо не указывать. В списке литературы для статей обязательно приводятся первая и последняя страницы в журнале или в сборнике статей, для монографий указывается общее количество страниц.

– **Ссылки на нормативные акты** (включая законы, изданные отдельными брошюрами, конституции), архивные документы, рукописи, справочники, публикации из Интернета, газеты, иные источники, не имеющие авторства, на разного рода пояснения автора и т. п. оформляются в виде обычных постраничных сносков и **в список литературы не включаются.** При оформлении ссылок на газету необходимо указывать год, день и месяц ее выхода.

– Составленный по правилам список литературы должен иметь англоязычную версию, которая оформляется следующим образом: заголовки книг, статей, на которые дается ссылка, переводятся на английский язык, а названия журналов, сборников статей, на статьи из которых дается ссылка, – транслитерируются (стандарт BSI). Если журнал имеет официальное англоязычное название, оно указывается после транслитерированного через знак «=».

В качестве **образца** оформления списка рекомендуется использовать списки в статьях журнала, доступных по электронному адресу: enforcement.omsu.ru.

5. Процедура и условия публикации

Плата с авторов за публикацию не взимается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Статьи регистрируются редакцией. После регистрации поступившей рукописи определяется степень ее соответствия тематике журнала. Рукопись, не соответствующая тематике либо Правилам для авторов, отклоняется с извещением автора. Соответствующая тематике работа решением главного редактора или его заместителей направляется на анонимное рецензирование в соответствии с [Правилами рецензирования](#).

Датой принятия статьи в журнал считается день получения редакцией текста статьи (доработанного текста – в случае его доработки в соответствии с замечаниями рецензентов).

Отправляя рукопись в журнал, авторы принимают на себя обязательства отвечать на замечания рецензентов и вносить предлагаемые изменения, основанные на этих замечаниях. В спорных случаях, в том числе конфликта интересов, они могут обратиться в редакцию журнала с мотивированными возражениями или снять статью с публикации.

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики (COPE). Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат». В случае нарушения требований публикационной этики статьи, вышедшие в журнале, могут быть ретрагированы по инициативе редакции либо автора.

В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право», а также условиями лицензии [Creative Commons Attribution License](#).

Индексирование и присутствие журнала в базах данных

Clarivate
Web of Science™

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утв. Минобрнауки России (https://vak.minobrnauki.gov.ru/documents#tab=_tab:editions~).
- Web of Science™ Core Collection: Emerging Sources Citation Index™ – международная база данных научных журналов (<https://mjl.clarivate.com/>)

Crossref

- Международная база научных статей и их метаданных (<https://www.crossref.org/>).

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

- Российский индекс научного цитирования (РИНЦ):
Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU
(<http://elibrary.ru/>).

AcademicKeys
UNLOCKING ACADEMIC CAREERS

- AcademicKeys.com – межуниверситетская база поиска научных журналов в соответствии с профессиональной деятельностью (<http://www.academickeys.com/>)

- Open Archives – международная база данных (<http://www.openarchives.org/>)

Academic
Resource
Index
ResearchBib

- ResearchBib – международная мультидисциплинарная база данных научных журналов (<https://www.researchbib.com/>)

ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY™

- Ulrich's Periodicals Directory – международная база данных периодических изданий (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/>)

- КиберЛенинка – научная электронная библиотека (<https://cyberleninka.ru/>)

Google
scholar

- Google Scholar (Академия Google) – международная система поиска научных публикаций (<https://scholar.google.com/>)

BASE
Bielefeld Academic Search Engine

- Bielefeld Academic Search Engine международная система поиска научной информации (<http://www.base-search.net>)